

ДЕЛО № 537

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА В.Э. МЕЙЕРХОЛЬДА



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

КОМИССИЯ ПО ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ
В.Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

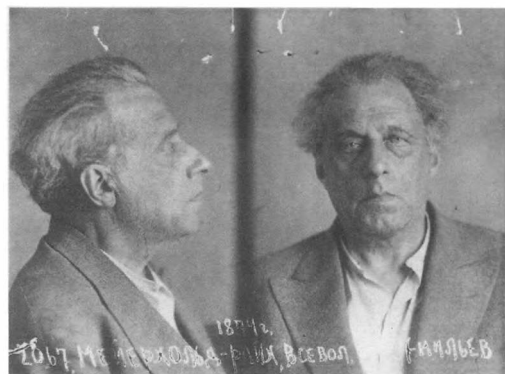


МЕЙЕРХОЛЬДОВСКИЙ СБОРНИК



ВЫПУСК ЧЕТВЁРТЫЙ

ДЕЛО № 537



ДОКУМЕНТЫ
СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
В.Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРТИСТ. РЕЖИССЁР. ТЕАТР»
МОСКВА
2022

ББК 85.334.3(2)7

М 45

**ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Вступительная статья *О.М. Фельдмана*

Составление и подготовка текстов *Н.Н. Панфиловой* и *О.М. Фельдмана*

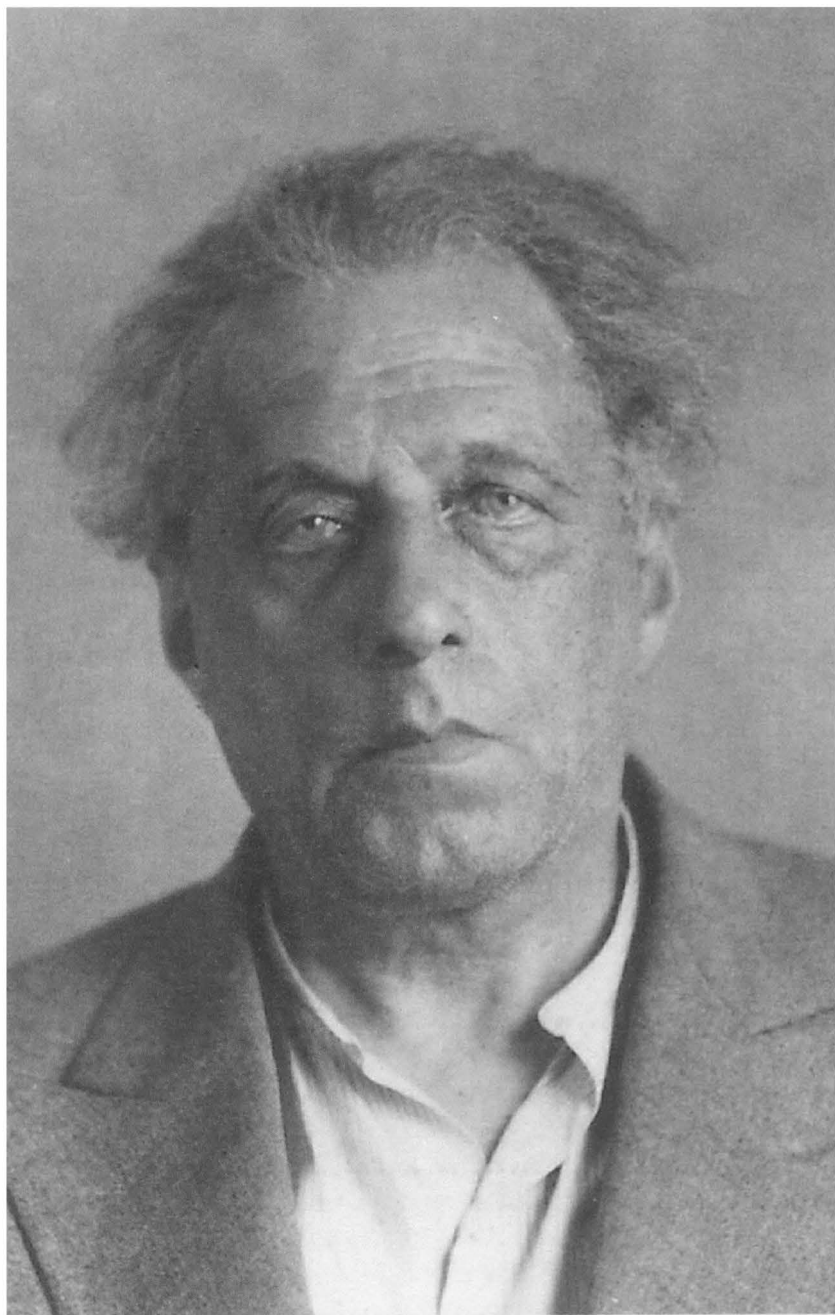
Оформление и макет *В.А. Щербакова*

В очередной «Мейерхольдовский сборник» (вып. 4) вошли основные материалы следственного дела В.Э.Мейерхольда («Дело № 537»). Они расположены в сборнике в строго хронологической последовательности, и в силу этого чётко обозначаются все шесть сменявшихся этапов, на которые распадалось существование подследственного на протяжении семи с половиной месяцев со дня ареста (20 июня 1939 г.) по день расстрела (2 февраля 1940 г.).

Смена приёмов и методов следствия, то нараставшее, то убывавшее применение «моральных и физических мер воздействия» на заключённого и вызываемые этими обстоятельствами перемены его состояния раскрываются с неопровержимой достоверностью в своей бесчеловечности.

ISBN 978-5-87334-143-6

- © Издательство «Артист. Режиссёр. Театр», 2022
- © Государственный институт искусствознания, 2022
- © Составление, вступ. статья — О.М. Фельдман, 2022
- © Оформление и макет — В.А. Щербаков, 2022



В.Э. Мейерхольд. 19 июня 1939 г.

<i>Олег Фельдман. Семь с половиной месяцев в тюрьме</i>	8
Первый раздел	
<i>19 июня – 2 июля</i>	
Документы № 1–7.....	17
Второй раздел	
<i>4 июля – 20 августа</i>	
Документы № 8–14.....	47
Третий раздел	
<i>26 – 28 августа – 19 октября</i>	
Документы № 15–21.....	111
Четвёртый раздел	
<i>27 октября – 22 ноября</i>	
Документы № 22–26.....	129
Пятый раздел	
<i>3 декабря 1939 г. – 13 января 1940 г.</i>	
Документы № 27–30.....	141
Шестой раздел	
<i>24 января – 2 февраля</i>	
Документы № 31–35.....	151
Приложение	
Документы № 36–39.....	163

Олег Фельдман

Семь с половиной месяцев в тюрьме

Стремление опубликовать следственное дело В.Э.Мейерхольда, «Дело № 537», возникло сразу после того, как в октябре 1989 года внучка Мейерхольда М.А. Валентей (известная тогда театральному миру как Маша Мейерхольд, так и буду называть её на этих страницах) сумела взломать казавшиеся неприступными запоры архивов НКВД и ухитрилась начать копировать – переписывать – отдельные документы «Дела».

Она горела желанием, чтобы все узнали то, что узнала она, – о том, как пытали её деда, и о том, как он смог отказаться от выбитых у него ложных показаний.

Уже готовился номер журнала «Театральная жизнь», посвящённый пятидесятилетию гибели Мейерхольда, и Маша хотела, чтобы этот номер открывался двумя важнейшими с её точки зрения документами – январским (1940 г.) письмом Мейерхольда на имя Молотова и протокольной записью последнего слова Мейерхольда на суде.

Ей не терпелось, и, получив эти тексты, она с присущей ей твёрдой категоричностью настояла (по домашнему телефону, до мобильных было ещё далеко), чтобы немедленно я приехал за ними к воротам Ваганьковского кладбища. Я приехал. Удивляться тому, что Маша выбрала это место, не приходилось. Внешне в тот день она была такой как всегда, но в её глазах горела гордость победы над несокрушимым, казалось бы, врагом, и вместе с тем она была полна острейшей болью за деда, она же полвека помнила его таким, каким он был за считанные дни до ареста и пыток.

Те, от кого она добилась – совсем не официально – согласия скопировать эти документы, не хотели (вернее, ещё не могли) быть публично названы. И Маша уже нашла выход. Она недаром говорила о себе в одних случаях: «Я человек прямой», а в других: «Я дипломатка». Правдой было то и другое. Дипломатический ход был изобретён. В «Театральной жизни» была

изложена сочинённая Машей легенда о том, что ещё в 1955 году в Комитете партийного контроля его сотрудник А. Кузнецов сообщил матери Маши, Татьяне Всеволодовне Мейерхольд-Воробьёвой, правду о гибели её отца и вручил ей копии этих документов – январского письма Молотову и записи последнего слова. В журнале оба документа были опубликованы под своего рода грифом: «Из архива Т.В. Мейерхольд-Воробьёвой». Эта легенда была изложена в начальном абзаце статьи «Должна сказать», сопровождавшей журнальную публикацию.

Не дожидаясь появления журнала, письмо на имя Молотова, по подсказке А.А. Михайловой, было решено поместить в газете «Советская культура», её аудитория была куда обширнее журнальной. Редакция сочла нужным сопроводить письмо развёрнутой статьёй о Мейерхольде, её текст должен был быть подготовлен за считанные дни. По междугороднему ленинградскому телефону срочно отыскивали отдохавшего в Комарове Д.И. Золотницкого, он с завидной профессиональной чёткостью выслал с ночным поездом текст (даже с точными библиографическими отсылками для сведения редакции). О том, что статья будет сопровождать публикацию письма Молотову, он знать не знал. Маша надеялась на статью более панегирического тона, а никак не историко-аналитическую. Об архиве дочери Мейерхольда газета, разумеется, упоминать не стала.

Впоследствии в мейерхольдовской комиссии не раз возникала мысль о той или иной форме издания «Дела», особенно упорно на необходимости издания настаивал В.П. Нечаев, Маша ему уступала, но тут же спохватывалась, она не хотела дать пищу тем, кто увидел бы в Мейерхольде слабака, предателя, доносчика, оговорившего множество неповинных. Она продолжала защищать деда от любых наветов.

Если читать следственное дело В.Э. Мейерхольда лист за листом в том порядке, который придал ему следователь М. Шибков, сдавая его в архив в феврале 1940 года, то видишь, что для эпохи террора характерны и внешняя педантичная методичность делопроизводства, и равнодушная небрежность размещения документов, и безусловно сказавшаяся тенденциозность монтажа, затемняющая истину.

И это не позволяет видеть все те этапы, на которые распадалось пребывание В.Э. в тюрьме, и смещает логику событий, происходивших за тюремными стенами.

Чтобы картина стала яснее, приходится расположить документы хронологически.

В документах «Дела № 537» много дикой лжи и грубо деформированных полуправд.

Чудовищную многослойность «Дела № 537» с полной мерой убедительности можно было бы расшифровать лишь тогда, когда будут открыты секретные материалы, имевшиеся в распоряжении следствия (*если* они сохранены и *если* будут раскрыты), и когда удастся документировать конкретные указания, которыми следствие руководствовалось.

Следствие обладало агентурными сведениями, получаемыми по соответствующим каналам и от осведомителей-сексотов («секретных сотрудников»). Оно располагало немалым материалом, компрометировавшим Мейерхольда в глазах власти, порой безграмотно деформированным.

Самый очевидный пример — версия о том, что с 1930 года Мейерхольд возглавлял «антисоветскую троцкистскую группу “Левый фронт”, объединявшую все антисоветские элементы в области искусства». В агентурных материалах были безграмотно смешаны уже стиравшиеся в памяти сведения о «левом» направлении в искусстве 1920-х годов, о противостоянии академических театров и театрального «левого фронта» во главе с Мейерхольдом, и память о ЛЕФе («Левом фронте искусств»), возглавлявшейся В.В. Маяковским писательской организации, существовавшей с 1923 года по 1929-й, в 1929 году ставшей РЕФом («Революционным фронтом искусства»), а в 1930 году прекратившей существование. Но эта версия была навязана арестованному как его собственное признание, вошла и в Обвинительное заключение, и в приговор. Это лишний раз подтверждает, что выстроенная заранее версия обвинения определила итоговое решение судьбы арестованного.

Компрометирующие сведения о Мейерхольде заготавливались в НКВД загодя. Бежавший в СССР японский актёр, надевшийся спастись здесь от несправедливых преследований на родине, но сразу арестованный и заподозренный в шпионстве, назвал на допросах единственного известного ему находившегося в СССР соотечественника — Секи Сано, стажировавшегося у Мейерхольда (и уже покинувшего к тому времени СССР). Это было достаточным основанием для версии о том, что Секи Сано — японский шпион, завербовавший Мейерхольда в японскую разведку.

Тексты «Дела № 537» позволяют считать, что едва ли не все названные в протоколах факты и имена, а также все упомянутые в нём контакты арестованного на самых разных уровнях — и в том числе внутритеатральные, в коллективе ГосТИМа — были заранее известны следователям. И всё это входило в протоколы под давлением допрашивавших, инициатива всегда

оставалась за следователями, но протоколы составлялись так, будто допрашиваемый добровольно признавался в преступных связях и деяниях. Сплошь и рядом ему напоямали действительные факты и насильственно навязывали их трактовку.

В летние месяцы следствие руководствовалось задачей создания картины существования тайной право-троцкистской организации в середине 1930-х годов среди писателей и деятелей искусства.

Этот сюжет на протяжении полутора месяцев в документах «Дела № 537» был важнейшим. Он возник не сразу и появился в протоколах как бы в процессе разоблачения арестованного, чуть ли не из его добровольных признаний. Эта тема активно разрабатывалась в документах середины июля, но угасла в августе, а в середине ноября Мейерхольду было позволено (точнее, предписано) отказаться от собственных показаний об этой организации и от всей той лжи о ней, которую его принуждали подписать летом.

Провозгласив официальный курс на уважительное отношение к интеллигенции, Сталин одновременно задумывал показательный судебный процесс над шпионской троцкистской организацией, якобы объединявшей писателей и деятелей искусства. От мысли об открытом процессе над ними он отказался, по-видимому, лишь в конце августа 1939 года — после заключения пакта с Гитлером. И когда замысел открытого судебного процесса был отброшен, Мейерхольду осенью 1939 года было позволено отказаться от части вырванных под пытками самооговоров и от оговора других, но только от части, касавшейся существования этой организации. Сменили следователей-садистов на более обходительных, позволяли обращаться с заявлениями в самые высокие инстанции.

Письма, написанные им в этот период и содержащие отказ от навязанной лжи, — документы огромной духовной силы.

В первые дни после ареста, 23-го и 27 июня были написаны два письма на имя Л.П. Берию. Это первые документы «Дела № 537», написанные рукой Мейерхольда. О состоянии, в котором они были написаны, сказано в письме Мейерхольда Молотову от 13 января 1940 г.: «Сразу после ареста меня ввергла в величайшую депрессию власть надо мной навязчивой идеи: “Значит, так надо!”». Мейерхольд жил мыслью о том, что ему предстоит идти на костёр и придётся принять все обвинения, которые ему приписывают («Так надо!»). Всё изложенное в этих письмах — повторение обвинений, которые были предъявлены Мейерхольду. Это результаты обрушенной на него «психологической атаки». Они следователю не понадобились.

Особую группу составляют четыре «Собственноручные показания», написанные 28 июня — 2 июля (см. документы 4–7).

Эти показания Мейерхольда вплетены в самый конец «Дела», уже после справки о расстреле, в раздел «Разная переписка»: они не заинтересовали следствие. Мейерхольд писал их в камере в первую декаду после ареста, когда он считал, что его будут судить за те его действительные прошлые поступки, которые с нынешних позиций оцениваются властями как преступление. В этих показаниях, собственно, нет лжи, в них напраслина, насильственная попытка оценить своё прошлое как цепь непростительных — с точки зрения предстоящего суда — преступлений и ошибок. Мейерхольд пересматривает свой путь «глазами» тех, кто критиковал его с ортодоксальных позиций, повторяет их оценки и упрёки и не раз невольно сбивается на пересказ собственной биографии.

4 июля «Дело № 537» переходит к тридцатилетнему следователю Воронину. Наступает второй период пребывания Мейерхольда в тюрьме.

В «Деле № 537» шесть протоколов тех допросов, которые вёл Воронин, но это не значит, что таких допросов было только шесть. На Лубянке было принято, что следователи протоколируют не все допросы и заполняют протоколы по собственному произволу для отчётности, создавая не архистарательно по уже устоявшимся канонам и образцам некую внешне складную, но лживую картину. О реальном течении проводимого Ворониным следствия по протоколам судить невозможно: ни о том, когда и что говорил допрашиваемый, ни о том, когда начались избиения.

В поздних документах сказано, что были в порядке вещей случаи, когда следователи «спаривались», допрашивали вдвоём и втроём, что в каком-то случае после восемнадцатичасового допроса предстоял повторный допрос, что при оформлении протоколов в каких-то случаях присутствовала стенографистка, и следователь сам диктовал ей многие ответы. В протоколах всё это никак не отмечено.

Протоколы сплошь и рядом заполнялись готовыми клише, повторялись не только словесные блоки, но и крупные фрагменты текста с минимальными случайными изменениями переносились из протокола в протокол, Воронин беззастенчиво нагонял объём протоколов. Эти тексты — дурно сочинённые инсценировки с мнимо разговорной интонацией, построенные как вопросы-окрики следователя и покорные саморазоблачения допрашиваемого. Здесь господствует диктуемая следователем ложь, голос допрашиваемого если и можно где-то расслышать, то сквозь грубое искажение и деформацию.

Можно судить и о том, как наращивалась и видоизменялась эта легенда, как проявлялись одни мотивы и угасали другие. Ни в одном из этих случаев инициатива не принадлежала Мейерхольду. Ответы, изложенные от первого лица как его признания, есть творчество следователей. Элементарная гладкопись этих текстов – плод усилий тюремных стенографисток. В итоге воронинских допросов физическое состояние Мейерхольда было таково, что его перевели в больничное отделение Внутренней тюрьмы (это было на Лубянке). Теперь его допрашивали изредка и только в связи со следственными делами других арестованных, А.Д. Дикого* и И.П. Белова**.

Так прошёл конец сентября и октябрь. Это был третий период пребывания Мейерхольда в тюрьме, когда он был переведён в Бутырки.

9 ноября 1939 года в связи с окончанием следствия заключённому было позволено (так полагалось) познакомиться с материалами следствия, и ему было разрешено — предложено — отказаться от навязанных ему показаний о существовании в недавнем прошлом троцкистской террористической организации среди писателей и деятелей искусства и перечислить поимённо всех тех, кого он якобы оклеветал в предыдущих показаниях как членов этой организации. Следствию нужен был его отказ только от этой части показаний. Ему не было позволено касаться ни одного из других фальсифицированных эпизодов, в этом его как раз «ограничил» следователь Шибков.

Именно это обстоятельство вызвало важнейшую группу документов «Дела № 537» — написанные в ноябре 1939-го — январе 1940 года письма прокурору, наблюдавшему за следствием, Л.П. Берию, прокурору Союза ССР, В.М. Молотову (*документы 26–31*).

Говоря о своей полной невинности, упоминая о бесчеловечности хода следствия, рассказав о пытках, Мейерхольд писал эти письма с максимальной собранностью, предельно ясно, каждое слово в них выверено и точно. Вынужденно написанное в два приёма с разрывом в одиннадцать дней, это письмо — помимо своего воистину трагического содержания — выдающийся психологический автопортрет Мейерхольда.

Из протокола заседания «тройки», косноязычно изложенного секретарём, видно, что Мейерхольд сохраняет на суде то же достоинство и чёт-

* Алексей Денисович Дикий (1889—1955), актёр, режиссёр.

** Иван Панфилович Белов (1893--1938), командарм I ранга, член ЦИК СССР, член Военсовета при наркомате обороны СССР.

кость в ответах на вопросы председательствовавшего и в заключительном слове (*документ 33*).

Заявление на имя В.М. Молотова (собственно, письмо, обращённое к человеку, лично его, Мейерхольда, давно знавшего) Мейерхольд начал цитатой из рассказа Н.С. Лескова «Владычнин суд», в подзаголовке которого у автора стояло пояснение: «Быль из недавних воспоминаний».

Это обстоятельство надо бы попытаться объяснить. Лесковское высказывание не принадлежало к популярным, азбучным истинам, оно никак не претендовало на функцию пословицы-поговорки.

Упоминаний об этом рассказе у Мейерхольда не встречается.

Но цитата приведена до педантичности точно – и сложный порядок слов, и прихотливая пунктуация.

Едва ли могла быть заранее заготовленная Мейерхольдом выписка из Лескова, едва ли мог быть черновик письма. Выдача бумаги строго лимитировалась.

Можно думать, что письмо Мейерхольд писал в больничной камере бутырской тюрьмы и что в Бутырках ещё сохранялась старая библиотека, которой, по преданиям, могли пользоваться заключённые. Можно думать, что шестой том нивского издания Лескова был в руках Мейерхольда.

Важно бы понять ход мысли, руководившей Мейерхольдом.

Рассказ Лескова говорил о том, как энергично, беспощадно и грубо плелась внешне якобы опирающаяся на законы и обычаи сеть обмана.

И как легко уничтожил, отбросил её старик-митрополит, когда наконец сквозь все изощрённо создававшиеся препятствия удалось довести до его сведения суть гнусно выстроенных происшествий, и он не мог не стряхнуть путаницу грязных подтасовок и увидеть истерзанную «натуру» обвиняемого человека.

В ситуации предельного испуга становится виден (пишет Лесков) «промежуток» между всеми навыками человека и тем, что есть его «натура».

На этом рукопись вводного текста к изданию материалов «Дела № 537» обрывается. Олег Максимович Фельдман ушёл из жизни, не окончив работу над этой книгой. Незавершёнными остались очень многие начинания грандиозного по замыслу и потраченному труду проекта Наследия В.Э. Мейерхольда.

По сюжету трагической истории гибели Мастера вводная статья должна была бы содержать слова о суде — скором и с заранее предугазанным концом, расстреле в подвале Бутырской тюрьмы — и об Общей могиле № 1 на Донском кладбище, в которой зарывали прах убитых в 1930–1942-м годах.

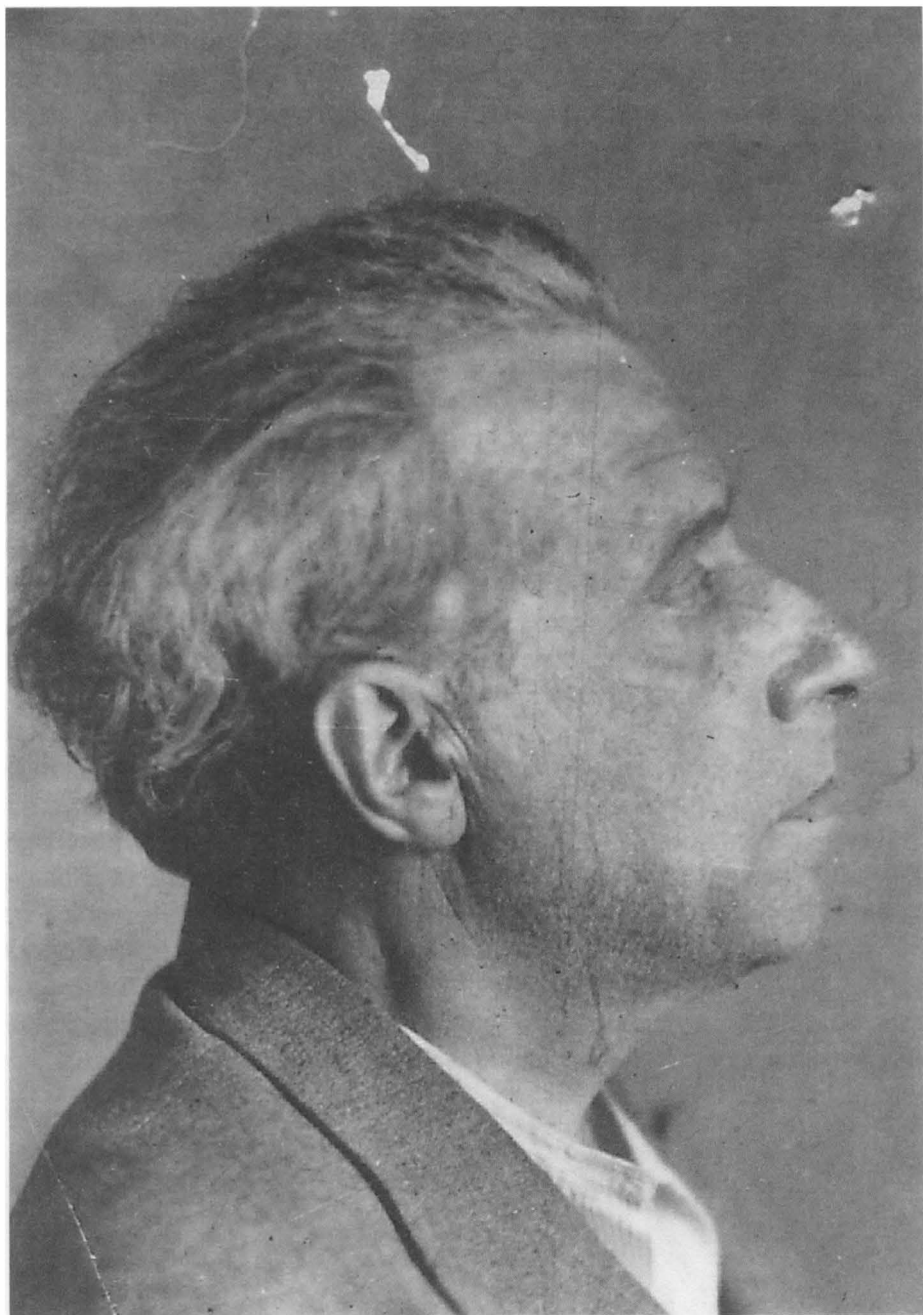
На том же кладбище есть ухоженное захоронение ветерана НКВД. Под конец жизни он, говорят, любил похвастаться, что расстрелял многих знаменитых людей — в их числе называл и Мейерхольда. Жаловался на ломоту в указательном пальце правой руки, заработанную во время ударного труда в «органах».

Забывать бы его, как пытались древние греки изгнать из памяти поколений нечестивого Герострата... Но помнить должно. И этого Василия Блохина, и следователей-костоломов, которых читатель встретит на страницах книги. И нравственный подвиг замученного старого художника. И подвижнический труд О.М. Фельдмана.

В.Щ.

Все публикуемые документы «Дела № 537» хранятся в РГАЛИ, ф. 998, оп. 2, ед. хр. 15-23, 99.

Тексты печатаются в точном соответствии оригиналу, в двух-трёх местах исправлены явные опечатки; в нескольких текстах пропущенные, но необходимые по смыслу слова даются в квадратных скобках.



В.Э. Мейерхольд. 19 июня 1939 г.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

19 июня – 2 июля

Документы № 1–7

Документ № 1

19 июня 1939 г.

«Утверждаю»

Народный Комиссар Внутр. Дел СССР
Комиссар госуд. безопасности I ранга
(Л.Берия) [подпись - автограф]
19 июня 1939 г.

Согласен
зам. Прокурора
[подпись - автограф]
20/VI-39 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(на арест)

г. Москва, 1939 года, июня 19 дня, я, пом. нач. Следча-
сти НКВД СССР, капитан госуд. безопасности - Голованов,
рассмотрев имеющийся материал в отношении Мейерхольда-Райх
Всеволода Эмильевича, 1874 года рождения, уроженца г. Пен-
зы, чл. ВКП(б), немца, бывшего главного режиссёра Гос.
Оперного театра им. «Станиславского», проживает по Брсов-
скому пер. дом № 12, кв. II,

НАШЁЛ:

Имеющимися агентурными и следственными материалами
МЕЙЕРХОЛЬД В.Э. изобличается, как троцкист, и подозретелен
по шпионажу в пользу японской разведки.

Установлено, что в течение ряда лет **МЕЙЕРХОЛЬД** состоял в
близких связях с руководителями к.-р. организации правых -
Бухариным Н.И. и Рыковым А.И.

Арестованный японский шпион ИОШИДА ИОШИМАСУ* до своей переброски нелегально [через] границы Союза ССР, получил в японской разведке директиву связаться в Москве с Мейерхольдом. Иоида на допросе в октябре 1938 г. показал: «Суехиро мне говорил, что Мейерхольд очень влиятельный человек в театральном мире. Правда, в последнее время он подвергается острой критике со стороны советской общественности, но это ещё лучше, ибо эта критика, как считал Суехиро, видимо, озлобила Мейерхольда, вызвала его недовольство советской властью, правительством.

Суехиро мне говорил, что Мейерхольд замаскированный троцкист, к японцам он относится с большой симпатией. Суехиро привёл пример с Сано-Секи, который обосновался у Мейерхольда, как у себя дома.

Всё это говорит за то, что Мейерхольда можно использовать как прикрытие и возможного серьёзного агента.

Повторяю, что Суехиро и Куроки говорили мне о Мейерхольде, как лице, на помощь которого можно рассчитывать. Поэтому они рекомендовали поддерживать с ним связь и воспользоваться им как прикрытием при проведении разведывательной работы».

Арестованная по обвинению в к/р. террористических настроениях Королёва Н.И. (жена сына Чернова пред. наркомзема, 1915 г. рождения, г. Воронеж, арестована в 1938 г.) в своих показаниях от 29/VI-38 года показала: «Лацис-Винтер А.А. настроен антисоветски и на этой почве у него существует какая-то странная связь с Мейерхольдом.

На мои вопросы о Мейерхольде, когда я высказала непонимание и спрашивала Лациса - почему с Мейерхольдом раньше так носились, решили строить для него театр, а теперь обвиняют, что он далёк от масс и непонятен, ведь не мог же он измениться в несколько месяцев, Лацис мне разъяснил, что Мейерхольд создал новый, революционный театр, что сам Мейерхольд большевик-ленинец, и нисколько не изменился, а то, что его затирают и закрыли театр, надо расценивать, как стремление нашего правительства не допускать проникновения передовой мысли в массы, как отступление большевиков от передовой и

* Иоида Иошимасу (1907-1939), японский режиссер.

свободной культуры, что именно революционность Мейерхольда, его прогрессивность явилась причиной закрытия театра.

Лацис говорил, что театр Мейерхольда удовлетворяет запросы передовой интеллигенции. И эта теперь линия театра — лучшую передовую часть интеллигенции большевики хотят сравнять её, таким образом, со средним уровнем масс.

Лацис сказал, что, наверное, Мейерхольда арестуют.

В день моего отъезда из Москвы Лацис вспомнил наш разговор о Мейерхольде и сказал: “Ты помнишь наш разговор о Мейерхольде, сейчас я достал интересное письмо к нему”? С этими словами он дал мне мелко написанный чернилами малоразборчивым почерком листок, видя тождественность почерка с рукой Лациса, я спросила его: “Откуда он это письмо достал, может быть, сам написал”, на что он [с] многозначительным выражением ответил, что на такие вопросы он не отвечает.

Я полностью, несмотря на все мои усилия, данный мне Лацисом листок не смогла прочитать, но довольно легко разобрала заголовок листка, где было написано тов. Мейерхольту, большевику, ленинцу. Дальнейшие мои попытки были безрезультатные, поддавались чтению лишь отдельные слова, которые я разобрала: это “народ”, “террор”, “Долой самодержавие”. Судя по тем листам, немногим, которые я смогла прочитать, это обращение носило ярко выраженный антисоветский характер».

Арестованный Кольцов Михаил Ефимович на допросе от 16 мая 1939 года показал:

«В о п р о с: Назовите все известные вам шпионские связи Вожея в СССР.

О т в е т: Московскими друзьями и осведомителями Вожея являются Михайлов — редактор журнала «Москва», Мейерхольт и [не заполнено].

В о п р о с: Они вам известны, как агенты французской разведки?

О т в е т: Первые два являются близкими друзьями Вожея и постоянно информируют его по всем интересующим его вопросам...»

Кроме того, Иошида имел задание совершения террористических актов против руководителей партии и Советского правительства, в этих целях он предпринимал необходимые меры к устройству в один из театров Москвы.

Установлена также связь Мейерхольда с британским подданным Грей, высланным в 1935 г. из Советского Союза за шпионаж.

Грей проживал в Москве, был связан с бывшим работником Валютного управления НКФ — Любимовым и неоднократно искал знакомства и связи с Рыковым, через которого надеялся получить продление срока пребывания в СССР. Это знакомство Грея с Рыковым организовал Мейерхольд у себя на квартире.

Исходя из вышеизложенного
постановил:

Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича арестовать и про-
извести в его квартире [обыск].

Пом. нач. след. части Голованов
НКВД СССР
Капитан Госбезопасности

«Согласен» начальник след. части НКВД СССР
Комиссар Госуд. безопасности 3 ранга Кобулов*

* Богдан Захарович Кобулов (1904-1953), один из активных организаторов сталинских репрессий; расстрелян.

Документ № 2

23 июня 1939 г.

Народному комиссару внутренних дел СССР*
Лаврентию Павловичу Берия
От арестованного Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича

Для участия в антисоветской работе я завербован был (приблизительно в 1922-23) Рафаилом** (зав. МОНО, он вместе с тем вёл работу в театре революции, где я некоторое время был Зав. художественной частью).

На спектаклях другого театра (который впоследствии стал театром моего имени) Рафаил часто приводил в качестве гостей своих друзей. Среди таковых бывали: Смилга, Каменевы, Милутины, Рыковы, Дробнис, Бухарин***. Позже - Троцкий (1923) после «Земли дыбом», вещественное оформление какого спектакля прошло при активной помощи Троцкого (военная амуниция, прожекторы, мотоциклы).

Таким образом я оказался в преступной орбите этих отъявленных гнусных врагов народа.

Будучи иногда в гостях в двух домах - у Милутиных и у Керженцевых - я встречал этих же людей в несколько иных комбинациях. В одном (у Милутиных) с добавлением Радека, в другом (у Керженцевых) с добавлением Вал. Межлаука, Д.Бедного, М.Кольцова.

И здесь эти сборища за ужином несомненно имели цель: спланировать антисоветски настроенных людей для подрыва советского строя.

* В верхнем углу листа помета: «т. Воронину к делу Мейерхольда. 5 VII».

** Михаил Абрамович Рафаил (1896-1938) в начале 20-х гг. был в ТИМе председателем драматургической лаборатории.

*** Здесь и ниже перечислены персоны, занимавшие видное положение в партийной иерархии страны; почти все они были репрессированы и расстреляны.

У Бубнова, будучи раза два в качестве гостя, встречал и Стецкого, и Аркадьева, которые (особенно Аркадьев) проявляли резкий скепсис к мероприятиям советской власти. И это также не могло не влиять на мои настроения.

Озлобленность бывала нередко на лицо. Правда, иногда она возникала вследствие той или иной обусловленности (отсутствие должной помощи строительству театра, например). Но всё равно тут нечего замазывать: возникала озлобленность, возникало и преступное отношение к «святому святыш»: к партии, к правительству, к народу.

Отсюда вот и следующая фраза: я шёл не к той среде, к какой честный партиец должен был бы идти, а к той, которая по иным, быть может, причинам, но с теми же анти-советскими настроениями делает поганые дела.

Подробные показания дам на следующих допросах.

23 июня 1939

[подпись, автограф]

Вс. Мейерхольд-Райх

Документ № 3

27 июня 1939 г.

Народному комиссару внутренних дел СССР
Лаврентию Павловичу Берия
от арестованного Мейерхольда-Райха

Заявление

Признаю себя виновным в том, что, во-первых: в годах 1923–1925 состоял в антисоветской (троцкистской) организации, куда завербован был неким Рафаилом; бок о бок к нему состоял в этой организации: Дробнис, Богуславский, Сосновский, О.Д. Каменева, Б. Волин. Сверхводительство в этой организации с совершенной очевидностью было в руках Троцкого. Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре (одна из постановок была даже посвящена Красной Армии и «первому красноармейцу Троцкому» – «Земля дыбом», пьеса С. Третьякова, переделка пьесы «Ночь» Мартине, французского троцкиста);

во-вторых: в годах (приблизительно) 1932–1935 состоял в антисоветской (правотроцкистской) организации, куда завербован был Милутиной. В этой организации состояли: Милутин, Радек, Бухарин, Рыковы. Преступная связь с этими членами организации подталкивала меня на продолжение вредительской работы в области постановок моих на театре (пренебрежительное отношение к молодой советской драматургии и утверждению реализма на сцене);

в-третьих: был привлечён в шпионскую работу неким Фредом Грей (английским подданным), с которым я знаком с 1913 года и продолжал знакомство в период империалистической войны вплоть до 1917 года. В период Временного правительства Грей вместе с семьёй (жена и ребёнок) бежал в Англию (жена его русская, была ученицей моей в моей театральной студии в Ленинграде). Вновь восстановил я преступную связь

в 1928 г. с Ф. Греем. При встречах с Греем я информировал его о работе в советских театрах, изливал ему свои пессимистические настроения о том, как трудно мне работается. В 1928 г. Ф. Грей жил в Лондоне, а жена его с детьми жила в Париже. Однажды она получила письмо от своего мужа Ф. Грея, знавшего, что я в Париже, и знавшего также от жены о моём упадничестве. В письме этом Ф. Грей уговаривал меня через жену свою бросить СССР и переехать либо в Лондон, либо в Париж. Результатом этой связи моей с Греем были следующие мои преступные деяния в отношении моей Родины:

а) я дал Грею рекомендательную записку на знакомство с зам. председат. Наркомфина Гринько-Манцевым, прося последнего принять Грея по имеющимся у него к Манцеву делам;

б) я организовал Ф. Грею по его просьбе ко мне свидание с Рыковым в моей квартире, что я сделал не непосредственным обращением моим к Рыкову, а сделал я это через Милютину. Свидание состоялось. Присутствовали оба Рыковы (муж и жена), Милютина, Размирович (первая жена Крыленко);

в) дал Ф. Грею рекомендацию на ходатайство его о продлении ему визы на дальнейшее пребывание в СССР. Второй рекомендацией была со стороны жены Ф. Грея, [от] сестры, проживавшей в Москве. Этот приезд Ф. Грея в Москву и проживание его здесь относится к 1933-1934 г., и до этого Ф. Грей приезжал ещё раз и проживал в Ленинграде.

Подробные показания о своей антисоветской - шпионской, вредительской работе я дам на следующих допросах.

27 июня 1939 г.
Мейерхольд-Райх

Документ № 4

28 июня 1939 г.

Собственноручное показание
арестованного
Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича
29 июня 1939 г.*

К порогу революционных событий 1917 г. я пришёл с тяжёлым грузом пережитков капитализма в сознании, как человек, выросший в буржуазной семье, ею воспитанный, начинённый глубокими мелкобуржуазными предрассудками, барскими навыками, в плоть и кровь вошли эксплуататорские замашки, высокомерие, цегольство, неумение прислушиваться к советам умных людей из другой среды только потому, что она, эта среда, ступенями ниже на лестнице кастовой иерархии.

Никаких уроков для себя не вынес я из революции 1905 года. В организованной К.С. Станиславским Студии (Театр-Студия, Москва, 1905 г., существовала (без показа работ зрителю) с мая до декабрьских событий) я по уши влез в беспринципное эстетство, заблокировался с символистами («Весы», «Скорпион»), был исключительно в кругу интересов к таким авторам, как Метерлинк, Ван-Лерберг, Пшибышевский, Андрей Белый, В. Брюсов («Земля»), Бальмонт, Аннунцио.

Приехав в январе 1906 г. в Ленинград, сел под крылышко богоискателя Г.И. Чулкова и связал себя дружбой с Вяч. Ивановым с его теорией мифотворчества, с его соборным действием на базе ницшеанства, с его поиском Дионисова начала в искусстве, словом, со всем тем, что вскрыто как явление глубоко порочное, преступно вредное для человечества Лениным в свете эмпириокрити[ци]зма.

* Эта дата неверна; верная дата — внизу документа.

Но идей нет вне людей. Богоборчество, богоискательство, идеалистическая философия, махизм, богдановские теории, символизм, пассаизм и прочие измы, за всем этим люди, люди и люди.

Можно облекаться в какие угодно пышные тоги всяческих измов, но когда вытащишь из этого барахла человека, то увидишь в нём ни что иное как контрреволюционную образину. И вот из круга людей, среди которых я вращался в годы 1905, 6, 7, 8, посещая так называемые «среды» Вяч. Иванова, где велись беседы на так называемые философские темы, где цвела одна «высокая материя», где пели свои стихи и парнасцы, и символисты, и акмеисты, вот сколько контрреволюционеров испечено было в этой печи «патетических» мыслей и «глубокомысленных» литературных произведений: Струве, Мережковский, Зинаида Гиппиус, А. Ремизов, Иванов-Разумник, Гумилёв, М. Волошин, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Чеботаревская. Чему я мог научиться в этой среде? Отточить философское мышление? Нет! Счастье для нас, немногих из тех, кто прислушивался к их голосу, кто любовался их тогдами, не умея разглядеть под ними их контрреволюционную природу, счастье для нас началось с того момента, когда действительность здоровая, мощная с первых дней пролетарской революции выбросила их за ту сторону баррикад: там они сбросили сами эти тоги и стали ничем не прикрытыми контрреволюционерами.

Я сделал здесь хронологический скачок не с тем, чтобы не говорить о годах после 1908 г., о людях и встречах моих с ними в годы, ближе стоящие к 1917 г.

Для меня, к сожалению, даром прошли уроки тех, кто пытался в годы моего юншества сознание моё освободить от пережитков капитализма: воспитатель Каверин, который заставлял меня читать Чернышевского, Добролюбова, Белинского, и А.М. Ремизов, когда он ещё не был тем, чем стал, отправившись в эмиграцию, когда он жил в качестве сосланного за участие в студенческих «бунтах» (в Москве) в Пензе (моя родина, куда я приезжал к матери из Москвы, где я учился в Моск. Универ. в 1895-1896 г. и в Муз. драм. уч. Филармонического общества в 1896-1897, 1897-1898). Для меня даром

прошли его занятия со мной при чтении даваемых им мне книг (Плеханов, Маркс).

Тут вскрывается моя характеристика и основной мой недостаток: нет той крепкой устойчивости, которая обязательна всякому, кто хочет застраховать себя от преступных ошибок.

Я человек порывов.

И всякие порывы мои всегда искренни.

Порывы, склонявшие меня к делам вредным, преступным, были искренними.

Был глубоко искренним порыв мой войти в ВКП(б). К 1918 году, в «зените» славы, и поэтому никто не может заподозрить меня в том, что из карьеристических побуждений вошёл в ряды партии. В партии намеревался я развить в себе то, что было во мне в зародыше в счастливые юношеские годы. Это знал А.В. Луначарский, давший мне на заявлении моём при вступлении в партию свою рекомендательную подпись. Хронологический скачок я сделал для того, чтобы подчеркнуть особо эту отрицательную сторону моей характеристики: неумение обуздать порывов своих к плохому, а, наоборот, всеми силами держаться за те свои порывы, которые могли бы прочно поставить меня в ряды лучших людей нашей страны. К порогу революционных событий 1917 г. я пришёл, как видите, не только с тяжёлым грузом того, что получил я воспитанием в купеческой семье, я принёс с собой ещё и насквозь проникнутое ядами идеализма мировоззрение.

А.П. Чехов предостерегал меня: бросьте всех этих Пшибышевских. Встречи мои с А.М. Горьким у А.П. Чехова в Ялте тоже прошли для меня бесплодно.

Гниль в мозгах туго выбивалась. 1906–1907 г. и первая половина 1907–1908 театральных сезонов в Ленинграде в театре В.Ф. Комиссаржевской я склоняю В.Ф. Комиссаржевскую оставить прежний её репертуар: «Дикарка» Островского, «Дети солнца» М. Горького.

Вот оно начало борьбы с реализмом.

Я склоняю В.Ф. Комиссаржевскую обратить своё внимание на пьесы Метерлинка («Сестра Беатриса»), Пшибышевского («Вечная сказка»), Ведехинда, Леонида Андреева («Жизнь человека»), Метерлинка («Чудо Св. Антония»), Блока Ал. («Бала-

ганчик»), Ф. Сологуба («Дар мудрых пчёл»), А.М. Ремизова.

Прогрессивная пресса громит меня, А.В. Луначарский и другие марксисты (см. сб. «В спорах о театре») громят меня за мои преступные ошибки, а я, охваченный манией величия, не хочу сдавать своих позиций. В.Ф. Комиссаржевская изгоняет (и правильно) меня из театра, а я засаживаюсь за статью «К истории и технике театра», пишу её и сдаю в альманахах «Шиповник», изд. Гржебина. В этом альманахе печатается в виде антитезы статья А.В. Луначарского, опрокидывающего мои утверждения об условном театре и клеймящего бегство моё от бытового театра, от реалистических позиций.

Художник А.Я. Головин, с которым я потом буду работать плечом к плечу (десять лет), знавший мои постановки, убеждает директора императорских театров пригласить меня в драму и оперу подведомственных ему театров.

Я в 1908 г. становлюсь одним из режиссёров Александринского (ныне Пушкинский) и Мариинского (ныне Кировского) театров.

«Среды» у Вяч. Иванова продолжаютя. Чулков мечтает о театре «Факель», Андрей Белый тоже мечтает о трибуне для своих высказываний, Блок пишет пьесу «Роза и Крест» (уходит в мистику), М.А. Кузмин ударяется в буколическую идиллию, Е.А. Зноско-Боровский «Обращенный принц». Во всём этом я варюсь. Группа: М.А. Кузмин, Е.А. Зноско-Боровский, П.П. Потёмкин, Б.К. Пронин и я организем театрик «Дом интермедий». Распоясывается махровое эстетство, трюкачество, эротика, всё это на усладу зрителя в смокингах и бальных дамских туалетах [-ах].

Вот на какой белиберде я тренирую своё творческое воображение, вот как низко падаю я как художник. От реализма всё дальше и дальше, я уже на краю чудовищной пропасти.

Здесь я бок о бок с художниками «Мира искусства», которые впоследствии скатятся в мир эмиграции: А.Н. Бенуа, М. Добужинский, Конст. Сомов, Билибин.

Спасают меня от этой среды два обстоятельства: с художником А.Я. Головиным я по уши влезая в работу [по] сценической подготовке «Маскарада» Лермонтова (1912-1916 г.), долгие просиживания в библиотеках, музеях, картинных галереях

рях, в мастерской у Головина, дома у Головина, и горячая работа с учениками в моей студии. Этот период отмечаю как период некоего отшельничества и ухода от реальной действительности. Ужасы империалистической войны шли мимо меня, я как бы усыплял себя искусством и не замечал, как терял свою принципиальность: с одной стороны, моя солидная работа не только театрального порядка, но и литературоведческого порядка по подготовке для сцены «Маскарада», а с другой стороны, согласие моё на предложение дирекции импер. театров (Теляковский В.А.) двух вредных пьес, направленных к размагничиванию назревавших на базе империалистической войны революционных настроений в массе, — это: «Зелёное кольцо» З.Гиппиус и «Романтики» Мережковского Д.С. Как всегда бывает, когда режиссёр ставит пьесу того или иного драматурга, он волей-неволей общается с автором. Мережковский Д.С. и Зинаида Гиппиус, желая сгладить мои натянутые отношения с артисткой М.Г. Савиной, которая при вступлении моём в состав Александринского театра рвала и метала против моего вступления как декадента, однажды пригласили меня и М.Г. Савину к себе в дом, и здесь помимо разговоров об искусстве я был свидетелем контрреволюционных установок этой знаменитой триады контрреволюции: Мережковского Д.С., Зинаиды Гиппиус и Философова (впоследствии оказавшегося самым активным, самым злобным псом контрреволюции). Это было в 1916 году*. На пороге перехода февральской революции в революцию Октябрьскую эти враги пролетарской революции, религиозные мракобесы пытались вовлечь меня в контрреволюционное гнездо очень хитрым способом. Они организовали какую-то газету, куда намеревались через литературный отдел вовлечь: меня, А. Блока, поэта Пяста, искусствоведа В.Н. Соловьёва, поэта и историка-искусствоведа Княжнина-Ивойлова. А. Блок, находившийся в принципиальном разладе с З. Гиппиус, предостерег меня, что с ними (Мережковским, З. Гиппиус и Философовым) нам не по дороге. И я уклонился от дальнейшей связи и даже знакомства. Во все мои заезды в Париж в течение годов советской

* Мейерхольду изменяет память — Савина умерла в 1915 г.

власти (так зарубил я себе в моём решении после предостережения Блока) я твёрдо решил ни при каких условиях не встречаться с этой мразью. Кстати, горжусь и тем, что от эмигрантов я (заграницей временно пребывал, куда я периодически ездил лечиться) держался в величайшем отдалении. За всё время моих выездов за границу: я один раз в Германии виделся с А.М. Ремизовым (очень короткая, мимолётная встреча), с женой Ф. Грея, что известно следственным органам из заявления моего на имя Комиссара Вн. дел СССР от 27 июня 1939, и с Е.А. Зноско-Боровским, который вёл знакомство с женой Ф. Грея (это тот самый, который указан был мною выше как один из организаторов «Дома интермедий»). Последний политикой, как мне заявил, не занимался, живя в эмиграции, отдавшись всецело шахматной игре и писанием отзывов о шахматных турнирах. Он уже здесь, до революции, был известным шахматистом и литературную работу по совместительству вёл в журнале «Аполлон» (театральные писал рецензии).

28/VI-39.

Документ № 5

29 июня 1939 г.

Собственноручное показание
арестованного Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича
29 июня 1939 г.

Это показание начинаю с преступной антисоветской работы моей в период от 1917 г. (со времени совместной моей работы с О.Д. Каменевой в Театральном отделе ТОО Наркомпроса, несколько позже, а именно: после отъезда правительства в Москву, в Ленинградском отделении ТОО Наркомпроса самостоятельно, в качестве завед. Ленинград. отдел. ТОО Наркомпроса, но по директивам О.Д. Каменевой) по весну 1919 г. (NB: с весны 1919 г. по май 1920 г. моя жизнь протекала вне советской зоны, так как, отправившись в Советский Крым в поезде Главполитпросвета на лечение по поводу туберкулёза плечевых желёз, вспыхнувшего на почве недоедания, давшего катастрофическое истощение организма, — я оказался отрезанным от советской земли после захвата Крыма белыми.)

В период 1917 по весну 1919 наиболее преступными отмечаю следующие мои деяния:

1) Когда А.В. Луначарский с санкции В.И. Ленина в Ленинграде установил в отношении управления театрами и зрелищами новую структуру, а именно взамен одного ранее организованного аппарата (ТОО Наркомпроса) должны работать два аппарата: Отдел театра и зрелищ (во главе этого отдела поставлена была М.Ф. Андреева) и ТОО Наркомпроса (Ленинградское отделение с центром в Москве), когда так было установлено, часть управленческих функций перешла от ТОО Наркомпроса к Отделу т-ра и зрелищ. Имелось, очевидно, в виду: за ТОО Наркомпроса оставить его секционные работы (изучение истории театра, обследование репертуара: рецензирование пьес, издательство) с неким академическим укло-

ном. Имелось, очевидно, в виду в конце концов расформировать этот отдел в Ленинграде, так как в московском ТЕО имелись все эти секции и не было надобности дублировать эту работу в Ленинграде.

О.Д.Каменева, несмотря на чёткую структуру, установленную Правительством, повела решительную борьбу против такой структуры и дала мне приказ всячески мешать проведению в жизнь необходимых мероприятий, вытекавших из установленного Правительством порядка.

Коротким был период этой работы моей в качестве зав. Тео Наркомпроса (Ленинград. отд.) вследствие того только, что вскоре я, больной, отправился в Москву с тем, чтобы направиться на юг, но всё же он должен быть отмечен как период вредительской работы по заданиям О.Д.Каменевой.

Второе.

2) Как в центре (в Москве), так и в Ленинграде ТЕО Наркомпроса наводнено было чужаками, среди работавших в различных секциях работали люди с антисоветскими настроениями, в технических аппаратах сидели люди, явно саботировавшие (напр., в Ленинграде управделами был некий Курляндский, который впоследствии, как я слышал — это было в период моего отъезда на юг, — был арестован органами НКВД).

Правой рукой О.Д.Каменевой (по секционным работам), её, так сказать, идеологом в области руководства театрами был Вяч. Иванов. Он составлял ей разного рода декларации, и он же держал в руках самое ответственное дело (оно не было доведено до конца, но если бы было доведено до конца, оно носило бы на себе отпечаток глубоко антисоветских установок): в Москве велись в секции, руководимой Вяч. Ивановым, длительные подготовки по созданию Театральной Академии. В этой секции работали одни идеалисты, туда не было доступа марксистам. Московское ТЕО Наркомпроса при О.Д.Каменевой было буквально проходным двором. Когда я приехал из Ленинграда в Москву, в ТЕО толкались такие люди, как поэт Гумилёв и ещё какой-то поэт, фамилии которого я сейчас не помню, но впоследствии он стал сотрудником «Последних известий» в Париже (орган Миллкова), и кантианец Г.Г. Шпет, и Г.И. Чулков. В другой какой-то секции (вспомнил: в сек-

ции нацменьшинств) работал режиссёр Еврейского театра Грановский, впоследствии бежавший за границу. Вяч. Иванов также получил возможность уехать за границу, хотя, совершенно очевидно, учитывая его антисоветские настроения, он уезжал, не намереваясь вернуться. Кстати: ставлю себе в вину, что, несмотря на информацию, данную мне полпредом нашим в Риме Керженцевым, о том, что Вяч. Иванов вхож в полпредство и что с ним можно встречаться, я встречался с ним. Зная его антисоветские настроения, я упорно избегал говорить с ним о нашей стране, однажды дав ему отпор, когда он позволил себе бросить реплику о большевиках такую: «грубые люди». Я позволил себе использовать его громадную эрудицию в области античной культуры, поставив его в положение гида при осмотре мною памятников старины в Риме (в Риме я был в 1925 г., поехал туда потому, что я не получил визы на въезд во Францию на выставку искусств, где были среди других экспонатов и экспонаты от руководимого мною театра).

В Ленинградском отделении ТЕО Наркомпроса, в секциях его, тоже не было марксистов и также они были наводнены людьми, идеалистически мыслящими, среди них были и такие, которые настроены были явно антисоветски: напр.: Иванов-Разумник, А.М. Ремизов (до бегства его за границу), профессор Морозов (историк театра). Издательский аппарат был в руках бывшего владельца типографии Лаврова, а столовая, которой пользовались не только сотрудники ТЕО, но и люди из других учреждений, была в руках некоего Родэ, бывшего собственника большого, очень известного в Петрограде ресторана «Вилла Родэ».

Ставлю себе в вину, что, получив в наследство от прежнего Зав. ТЕО аппарат, засорённый чужаками, я ничего не сделал к тому, чтобы очистить его от них, а либеральничал в отношении них. Я даже не заглядывал в секции, и они могли там творить, что хотели. А между тем мне должно было броситься в [глаза], что в секциях работали люди, которые в одно и то же время работали в советских учреждениях и состояли в какой-то так называемой Вольно-философской (Вольфил) ассоциации, где идеологом был Андрей Белый. Там

же работал некий Борис Кушнер, хотя и носивший в кармане партбилет (но, может быть, он втирал нам очки), но в высказываниях своих больше походил на с-р'а.

В Ленинградском отделении ТЕО Наркомпроса начал издаваться «Временник», редактором какового был я. Кризис бумаги был очень велик в то время, и я несу ответственность за то, что без толку тратил драгоценную бумагу, помещая во «Временнике» одни лишь бессодержательные информации или структурные предложения (как установить в ТЕО среди секретарей взаимосвязь), или печатал протоколы заседаний в московском ТЕО по поводу организации Театральной Академии. И это в то время, когда Ленин особым декретом приказал нам при условии бумажного кризиса не только беречь имеющуюся бумагу, но ещё и собирать, направляя в указанные места всякие бумажные отбросы, попадающие в корзину для бумаг.

И это я считаю моей вредительской работой.

3) По работе моего [моей] в Александринском (ныне Пушкинском) театре:

Выпросил у А.В. Луначарского разрешение на постановку пьесы Л.Н. Толстого «Пётр Хлебник»*. Разрешение я получил и пьесу поставил. Когда в стране велась партией и правительством труднейшая работа по созданию государственного аппарата, когда надо было сломить саботаж царских чиновников, когда надо было очистить аппараты от с-р'ов, меньшевиков, анархистов, я затеял постановку пьесы, которая могла лишь размагничивать ту часть зрительного зала, которая уже пошла за большевиками, которая уже проявила готовность работать не за страх, а за совесть плечом к плечу с большевиками. Я не могу сейчас изложить содержание названной пьесы (успел забыть), но в основу этой пьесы положена библейская легенда, и основные идеи Л.Н. Толстого о непротивлении злу сквозят в этом произведении. Здесь мысли гуманитарные, но гуманизма внеклассового нет в природе, нет в обществе. Мы знаем, что Л.Н. Толстой был гуманистом, но классовой природы гуманизма этот великий писатель никогда не принимал.

* Премьера в Александринском театре состоялась 8 апреля 1918 г.

Считаю преступным этот свой шаг — преступно было затрачивать государственные средства на постановку, которая не лила воду на колесо тех настроений зрительного зала, которые требовали от театра огненно-революционных мыслей и показа таких событий, которые бы разжигали революционные страсти зрителей. Если обратиться к наследию прошлого в области классического репертуара, надо было поставить, ну, например, «Жакерию» Мериме или что-нибудь в этом роде.

Документ № 6

2 июля 1939 г.

Собственноручное показание
арестованного Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича
2 июля 1939 г.

Я завербован был троцкистом Рафаилом в троцкистскую организацию. Хотя никаких прямых разговоров на политические темы Рафаил не вёл со мной, но, восхваляя мои формалистические вредительские антисоветские тенденции при постановках мною пьес и в Театре Революции («Озеро Ляль») и в театре на Б.Садовой, 20, мною руководимом, он направлял меня на эту вредительскую работу в театрах, выше указанных. Борясь с реализмом, трактуя пьесы формалистически, извращая действительность, я боролся с государственной установкой в области театра: строить искусство здоровое, говорить в искусстве языком, понятным рабочему классу.

С конца 1922 года примерно по 1925 год я встречался с Рафаилом и у него в служебном кабинете, куда раза 2-3 я приходил вместе с администратором Дальцевым, работавшим в Театре Революции, где велись разговоры о материальных делах и организационных мероприятиях, и у него на квартире, где я однажды был один и в другой раз с И.С. Зубцовым, несшим функции хозяйственника в Театре на Б.Садовой, 20.

Когда я был на квартире Рафаила один, у него на столе стояла большая фотография Троцкого, и Рафаил, указывая на этот портрет, стал восхвалять Троцкого как личность. Я в то время с Троцким не был совсем знаком и выслушал это молча. Потом я изложил ему о материальных трудностях, в каких находится мой театр, о необходимости произвести в театре капитальный ремонт, так как арка над сценой дала трещину и обнаружено оседание самой сценической площадки.

Он обещал переговорить с Богуславским, который занимал должность председателя Малого Совнаркома. Я знал, что Рафаил в очень дружеских отношениях с Богуславским, также как и с Дробнисом. Посещая премьеры вышеуказанных театров, они всегда втроём бывали вместе.

Впоследствии Рафаил сообщил мне, что он переговорил с Богуславским, и что следует направить официальное ходатайство на имя предс. Мал. Совнаркома Богуславского.

Я сделал это, и театр получил, если не ошибаюсь, 40 тысяч рублей на ремонт.

Второе посещение с И.С. Зубцовым было вызвано необходимостью иметь в лице Рафаила, как опытного организатора (он был Зав. МОНО Наркомпроса), консультанта по целому ряду неладившихся дел.

Что касается Дробниса, то разговоры с ним были у меня лишь по двум вопросам. Дробнис упорно настаивал на том, чтобы я возвратил в театр его свояченицу (сестру его жены) артистку Амханицкую (ныне жена художника Вильямса, в каком театре сейчас она работает, я не знаю); при одной проводимой в театре чистке труппы от недаровитых артистов Амханицкая была исключена. Дробнис очень резко ставил вопрос передо мной о необходимости её возвращения в труппу. Я своего согласия на это не давал, и однажды Рафаил пришёл ко мне в квартиру с той же просьбой, но я в труппу её не принял. Это вызвало большое неудовольствие ко мне и со стороны Рафаила, и со стороны Дробниса.

Хотя директором театра Революции была О.Д. Каменева, но в сущности Зав. МОНО Рафаил был главным заправкой в театре. Во всяком случае на подбор пьес для репертуара он оказывал преимущественное влияние. При обсуждении репертуара Рафаил приводил с собой Бориса Волина*, который принимал активное участие в рецензировании пьес.

В 1923 году исполнился 35-тилетний юбилей моей артистической деятельности.

За организацию публичного чествования меня энергично принялись Рафаил, О.Д. Каменева (администрировал по их

* Борис Михайлович Волин (1886–1957) в 1936–1937 гг. был первым заместителем наркома просвещения РСФСР.

указанию Дальцев). Чествование состоялось в Большом театре. Среди приветствий зачитано было редактором журнала «Печать и революция» Вяч. Полонским (критик) приветствие от Троцкого.

Троцкий, так же как и Рафаил, влиял на составление репертуара в театре Революции. Однажды Троцкий прислал в театр Революции пьесу французского автора Мартине «Ночь». Поскольку эта пьеса была рекомендована Троцким, Каменева и Рафаил поспешили её перевести и дать в работу. Поставлена она была режиссёром Велижевым (одним из моих учеников). Пьеса проникнута была (также и постановка) крайним безысходным пессимизмом.

С. Третьяков, как один из входивших в группу ЛЕФ, возглавлявшуюся В.В. Маяковским, получил от руководимого мною театра заказ дать какую-нибудь пьесу для названного театра. С. Третьяков, видевший спектакль «Ночь» и знавший, что пьеса эта рекомендована Троцким, вызвался переделать эту пьесу «Ночь» в пьесу под названием «Земля дыбом».

Тем временем, пока я подготавливал с учеником моим Фёдоровым переделку классика А.Н. Островского «Лес», другой ученик мой Н. Лойтер приступил вместе с С. Третьяковым к подготовке переделанной последней пьесы «Ночь» под названием «Земля дыбом».

Когда определилось, что для реализации на сцене «Земли дыбом» необходимо большое количество военной амуниции (шинели, каски, ружья, пулемёты, мотоциклы, а для оформления света прожектора), я обратился к Троцкому как к комиссару-военмору с ходатайством предоставить нам следующее во временное пользование с обязательством по использованию возвратить предоставленное. Так как, хотя распоряжение Троцким по инстанциям было дано, но ход получения испрошенного тормозился, я испросил свидание с Троцким и был принят им совместно с И.А. Аксёновым, который после смерти художницы Л. Поповой ведал монтировочной частью спектакля «Земля дыбом».

* Подчёркнуто следователем коричневым карандашом.

Свидание было очень коротким (он принял нас в своём кабинете в Военном Комиссариате) и разговор касался вопросов ходатайства. После этого посещения театр вскоре получил всё испрошенное.

В театре Революции и другие спектакли, как «Человек-масса» Толлера (режиссёр Велижев) и «Разрушители машин» того же автора (режиссёр Репнин, тоже мой ученик), так же, как и «Ночь», трактованы были формалистически и задурировали сознание зрителя упадочническим настроением. «Озеро Ляль», пьеса, которую я ставил сам, принял от начавшего её режиссёра Роома, была поставлена с формалистическими вывертами, не отражая действительности точно и верно.

Упомянутый мною Вяч. Полонский, читавший приветствие мне на моём юбилее (1923) от Троцкого, был несомненным троцкистом. Редактировался им журнал «Печать и революция» совместно с М.Н. Покровским, впоследствии разоблачённым как извращавший историю.

В 1922 году я по предложению Вяч. Полонского напечатал рецензию на книгу А.Я. Таирова «Записки режиссёра». В этой рецензии я тщательно изложил свою теорию биомеханического тренинга для актёра, ту самую, которую я в предыдущих своих показаниях правильно квалифицировал как теорию глубоко порочную. Проводимая на практике, она становилась вредительской, так как, тренируя в актёре одни лишь его физические свойства, не давала развиваться другим качествам человеческой природы (развитие внешних качеств за счёт внутренних качеств).

Уйдя после постановки «Доходного места» в Театре Революции из этого театра на работу только в Театре на Б.Садовой, 20, я предложил театру Революции привлечь к работе режиссёра В.М. Бебутова, который привлёк драматурга Волькенштейна, и позже режиссёра А. Гриппича и в качестве зав. литературной части Б. Алперса (критик-театровед). Последнего я знал давно по Петрограду. Он с братом своим пианистом посещал мой театр[альную] студию, когда я попал у белых в тюрьму, он помогал мне выкарабкиваться из беды (семья Алперсов оказалась в Но-

вороссийске). Считаю долгом упомянуть здесь, что Б. Алперс, работая в советской журналистике, проявлял какие-то качания, за что однажды был исключён из Союза писателей, однако впоследствии был восстановлен.

Линия, которая была начата в театре Революции при мне, продолжалась моими учениками Бебутовым, Грипичем, художником Шлепяновым.

Документ № 7

2 июля 1939 г.

Собственноручное показание арестованного
Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича
2 июля 1939 г. (№ 2)

Всякие встречи с троцкистами Рафаилом, Дробнисом, Богуславским, Каменевой прекратились после того как Троцкий был выброшен партией и правительством за пределы нашей родины. Прошу в подтверждение правильности этого моего заявления опросить артистку Амханицкую, которая скажет, что раза два при встречах с ней после вышеуказанного факта (высылка Троцкого) я спрашивал её о Рафаиле — где он в настоящее время, она сообщила мне, что он в Сибири.

После того, как указанная мною группа троцкистов (подробности о сношениях с ними указаны мною в показаниях № I (за 2 июля 1939) смылась с моего горизонта, в театре, руководимом мною (Б.Садовая, 20), на спектаклях этого театра время от времени, в разные спектакли (не всех сразу в одно время), я видел однажды Л.Б. Каменева со Смилгой, Бухарина (на сп. «Мандат»), Радека (на спектакле «Список благодеяний»), на спектакль «Последний решительный» А.С. Бубнов привёз Гамарника,* и мне бросилась в глаза их тесная дружба. Троцкий до высылки его за пределы нашей страны был на спектаклях «Земля дыбом» и «Мандат». На «Земле дыбом» он совсем не выходил из ложи. Он был окружён большой свитой «телохранителей» (ложа у нас была очень открытой, даже не было барьера, т.к. в некоторых спектаклях эта крайняя ложа служила для выходов актёров на сцену), и мне бросилось в глаза, что он боится возможных против него эксцессов, на подиуме ложи со стороны партера сидела большая группа молодёжи, которая заняла свои места тотчас, как вошли в ложу

* Ян Борисович Гамарник (1894--1937), армейский комиссар I ранга.

«телохранители». На «Мандате» Троцкий в одном из антрактов пришёл в комнату, где обычно отдыхали в антракте члены правительства, когда они бывали в нашем театре (В.М. Молотов на «Ревизоре», И.В. Сталин на «Рычи, Китай!», Каганович, Фрунзе, Будён[н]ый и другие). Я спросил его, какое впечатление производит на него спектакль, он дал кислую оценку. Бухарин, бывший в другой раз на спектакле «Мандат», дал хорошую оценку спектаклю, однако не соглашался с финалом пьесы, предлагая его изменить. Так как я был уверен в правильном разрешении конца, я не нашёл нужным конец менять. Потом он стал рассказывать о великом физиологе Павлове, как он ездил к нему в Колтуши и как правильно, что ему не мешают молиться богу, лишь бы он продолжал проводить свои замечательные опыты в области изучения мозговой деятельности человека и в области изучения системы условных рефлексов.

Рыков бывал преимущественно во МХАТе и в наш театр почти не заглядывал. Если не ошибаюсь, он был в театре не более одного раза (кажется, на «Ревизоре»).

Обращаясь к оценке серии спектаклей за период с 1925 по 1934, считаю долгом отметить появление в нашем театре двух пьес с явно троцкистскими тенденциями.

«Выстрел» А. Безыменского, в котором получила своё отражение опрокинутая И.В. Сталиным (в его жёсткой подлинно большевистской критике по адресу этой троцкистской теории) теория о роли молодёжи, о роли молодежной смены в партии. А. Безыменский контрабандой протащил в эту пьесу эту вредную теорию. Пьесу эту в театр А. Безыменский навязал не через меня, а через близкую к нему, А.Безыменскому, группу моих учеников, которым А. Безыменский просил меня поручить постановку этой пьесы (Нестерову А.С., Козикову и Бондаренко; А. Нестеров был впоследствии в половине 30-х годов арестован и выслан; Козиков служит в одном из московских театров, где — не знаю; Бондаренко сейчас директор Оперного в Ленинграде театра им. С.М. Кирова). Я передал эту пьесу этой группе. Когда она была почти готова к выпуску, я сразу увидел в ней этот злейший порок, сказал об этом членам партии нашей низовой партиячки и они требо-

вали от меня немедленного вмешательства в постановку, я в течение двух-трёх недель произвёл в ней ряд купюр при громадном противодействии со стороны А. Безыменского, этим противодействием он выдал себя в своём намерении контрабандой протащить на сцену троцкистские идеи.

Другая пьеса «Командарм 2» поэта Сельвинского. В этой пьесе боролись две воли становления революции: в лице Чуба — воля здоровая, мировоззрение подлинного большевика, примерного большевика, не идущего ни на какие компромиссы в утверждении пролетарской революции, и в лице ему противопоставляемого Оконного, обуреваемого философским мышлением. И все симпатии Сельвинского (так сконструирована пьеса) с совершенной очевидностью лежали не к Чубу, а к Оконному (в котором легко можно высмотреть прообраз Троцкому). Ставя эту пьесу на сцене, я с помощью купюр и с помощью полного изменения концовки пьесы (на сцене я Оконного расстрелял) дал иное звучание этой пьесы. Сельвинский вознегодовал, напечатал кляузное письмо [в] «Литер. газету» против бесцеремонного обращения режиссёра Мейерхольда с его пьесой. Бросился к Раскольникову (заведывавшему тогда отделом искусств при Наркомпросе). Раскольников пришёл принимать пьесу в окружении РАПП'овцев и, поддержанный Сельвинским, при обсуждении спектакля в таком «искажённом» виде пьесу не разрешил. Этим летом театр отправился на гастроли на Юг. И в г. Харькове я с помощью привлечённого из ГПУ одного из знакомых Маяковского на заседании харьковского реперткома добился разрешения этой пьесы. После этого она и [в] Москве была разрешена.

Отмечаю этот факт, как показатель несомненной связи с троцкистами поэта Сельвинского, так же как и Безыменского, стремившегося протащить вредные троцкистские мысли.

В пределах 1934 года взамен исчезнувшего с моего горизонта Рафаила приблизилась ко мне некая Милютина (жена близко стоящего к руководящей головке Милютина, инициалы, кажется, В.П.). Так же как и Рафаил, Милютина курила мне фимиам по поводу моих антисоветских формалистических постановок на театре (Б.Садовая, 20, после на ул. Горького, 15). На Б.Садовой, 20 на спектаклях я с ней не видался, на спектаклях на ул. Горького, 15, я её видел, и мужа её видел.

Приглашённый ею (после того, как я пригласил её на обед по случаю моего 60-летнего (возрастного) юбилея к себе в дом) вместе с П.М. Керженцевым с женой на одну из вечеринок в её с мужем квартире, я видел там Радека, Бухарина. Среди гостей была сестра Милютиной, фамилии её я не помню, однако я знал, что она заведывала московским отделом Наркомздрава, и знал также, что она намерена дочь свою выдать замуж за Бухарина, затем там был некий Гусман с сыном взрослым, который являлся завед. строительным отделом при Моссовете. В последний раз я видел его в качестве работающего в строительном отделе при Гос. оперном театре им. К.С. Станиславского, при этой встрече он сообщил мне о том, что сын его арестован, а что он уволен был из строительного отдела при Моссовете. Этого Гусмана Милютина, когда я пришёл к ней в гости на вышеуказанную вечеринку, отрекомендовала мне как человека, который может мне помочь продвижением моих ходатайств в Моссовете по поводу необходимых мне для строящегося для меня на площади Маяковского театра. На этой вечеринке Радек сыпал антисоветские анекдоты, которых я не помню, но они были насыщены злобой к советской власти. Среди гостей был певец Батурин с женой Верой Дуловой (арфисткой). Я не заметил, когда ушли Бухарин и Радек, так [как] занялся указанием Батурину фразировки в только что спетых им романсах. Несколько позже я обратился к Милютиной с просьбой, зная её близость к Рыкову, устроить английскому подданному Фреду Грей, о чём я уже показывал ранее, свидание его с Рыковым в моей квартире. Она охотно пошла на устройство этого свидания, и в моей квартире однажды вечером состоялось свидание Ф. Грея с Рыковым в присутствии Милютиной, жены Рыкова и Размирович. После ещё была у меня деловая связь с Милютиной, как заведующей делами Западно-сибирского театрального треста. Милютина с большой настойчивостью требовала от меня, чтобы я обязательно направился в порядке гастролей вместе с своей труппой в Новосибирск и Сталино. Нам, нашей труппе, всегда было очень трудно отправляться на гастроли в очень отдаленные от Москвы периферийные центры (у нас большой багаж и накладные расходы по транспорту делали наши выезды

нерентабельными). Я уклонялся, говорил об этом Милютиной, но она рисовала радужные перспективы, и я согласился. Поездка была организована. Кончилась эта поездка тем (кстати, я из-за нездоровья должен был уехать из Новосибирска и труппа доканчивала поездку без меня), что Сибирский театр-трест не доплатил театру 30 тысяч рублей. Обратившись с жалобой на это в Комитет по делам искусств (при руководстве таковым Керженцевым), мы в первом рассмотрении этого дела в арбитраже выиграли это дело (было постановление взыскать в нашу пользу 30 тысяч с Зап. сиб. театрального треста), а когда постановление арбитража поступило для резолюции к Керженцеву, постановление арбитража не было им утверждено. Наши 30 тысяч остались в Зап. сибирском тресте. В свете всех событий, протекших после 1934 г., для меня совершенно очевидно, что Милютина была не столько проводником культуры в рабочие центры в Зап. Сибир., сколько она интересовалась судьбой троцкистов, расселившихся в Сибири, и Западно-сибирский театральный трест, полный тёмных театральных жучков, был аппаратом с иным, по-видимому, назначением. Такое впечатление у меня сложилось, когда театр наш ни за что ни про что лишился 30 тысяч рублей. Этот факт и меня, и работников театра привёл в такое бешенство, что после я никаких встреч с Милютиной не хотел иметь. Упомянув здесь Керженцева, считаю необходимым указать, что Керженцев свел меня очень давно с другом своим Ив. Беспаловым*, который был года три-два назад арестован. Он также поддерживал меня в моих формалистических вредительских деяниях. Между прочим, он, будучи замом Гослитиздата, заказал моему ученику театральному критику А.В. Февральскому, большую книгу (листов 20-30) о моём театре и моей деятельности в нём. В период дискуссии о формализме, когда я был разоблачён как главный вдохновитель, как главный идеолог формализма, Гослитиздат отказался от книги, которая при Беспалове могла бы поглотить и большие средства и большое количество бумаги.

Вс.Мейерхольд-Райх

* Иван Михайлович Беспалов (1900-1937), литературный критик, с 1934 г. главный редактор Гослитиздата; расстрелян летом 1937 г.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

4 июля – 20 августа

Документы № 8–14

Документ № 8

4 июля 1939 г.

Утверждаю
Зам. нач. след. части НКВД СССР
Майор Госбезопасности Макаров
23/VII-1939 г.

Постановление

об избрании меры пресечения и объявлении обвинения
гор. Москва, 1939 год, июля, 4 дня.

Я, старший следователь Воронин М.М., главного управления след. части НКВД СССР, рассмотрев следственный материал по делу № 537 и приняв во внимание, что гр. Мейерхольд-Райх Всеволод Эмильевич, 1874 года рождения, уроженец г. Пензы, немец, быв. член ВКП(б) с 1918 года, до ареста работал главным режиссёром Государ. Оперного театра им. Станиславского, достаточно изобличается в том, что является активным участником антисоветской троцкистской организации среди писателей в Москве, вёл антисоветскую, предательскую, шпионскую работу в пользу иностранных государств,

Постановил:

гр. Мейерхольда-Райха В.Э. привлечь в качестве обвиняемого по статьям 58.1а, 58.7, 58.10, 58.11 УК. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

Уполномоченный старший след. части НКВД СССР
лейтенант Госбезопасности М. Воронин

Настоящее постановление мне объявлено
4 июля 1939 года

Подпись обвиняемого
Всеволод Эмильевич Мейерхольд-Райх

Документ № 9

8 июля 1939 г.

Допрос от 8 июля 1939 года

Вопрос. На предыдущем допросе Вы заявили, что являлись в течение ряда лет двурушником и проводили антисоветскую работу. Подтверждаете Вы это?

Ответ. Да, поданное мною на прошлом допросе заявление подтверждаю.

Вопрос. Заявление является очень схематичным, поэтому Вам придётся сейчас чётко и подробно ответить на ряд вопросов. Скажите раньше всего, к какому периоду относится начало Вашей антисоветской работы?

Ответ. Впервые на путь борьбы против партии и советской власти я встал в 1923 г.

Вопрос. Какой характер носила эта борьба?

Ответ. Должен прямо сказать, что я был, конечно, не один и действовал в этой борьбе совместно с другими.

Вопрос. Говорите конкретнее, с кем вы были связаны по антисоветской работе?

Ответ. Признаю, что в 1923 году был вовлечён в антисоветскую троцкистскую группу неким Рафаилом, который являлся заведующим московского отдела народного образования Наркомпроса. Рафаил в то же время руководил и театром Революции, директором которого являлась Ольга Давыдовна Каменева, жена врага народа Каменева и сестра иудушки Троцкого.

Вопрос. Что общего у вас было с Рафаилом?

Ответ. Дело, видите ли, в том, что я был заведующим художественной частью и режиссёром этого театра и очень часто сталкивался с Рафаилом. Установившаяся между мной и Рафаилом близкая связь привела к тому, что он начал втягивать меня в троцкистскую группу, участником которой в то время являлись: Дробнис, Богуславский, Сосновский,

О.Д. Каменева и Борис Волин. Все они, и особенно Рафаил, восхваляли Троцкого. Помню, однажды, когда я был в его квартире, на столе «красовался» портрет Троцкого, и Рафаил, стоя перед портретом, провозгласил горячую хвалебную речь по адресу Троцкого.

Вопрос. Эти речи нас не интересуют. Вы расскажите о своей антисоветской троцкистской работе.

Ответ. Я ничего не скрою и признаю, что вся моя дальнейшая вредительская работа в театре строилась в соответствии с установками этой троцкистской группы. Особенно сблизало меня с троцкистами и то, что я в то время ознакомился со статьями Троцкого в его книге о культурном фронте. Эта книга показалась мне правильной, и я, признаться, не только впитал распространённые в ней идеи, но и отображал их на всём протяжении дальнейшей работы.

Вопрос. Почему эта вражеская книга оказала на Вас такое влияние?

Ответ. Потому, что Троцкий восхвалял в ней меня. В этой книге есть абзац, посвященный моим работам. Между прочим я назван там «неистовым Всеволодом», чем Троцкий уравнивал меня с неистовым Виссарионом Белинским. Это, конечно, очень льстило моему артистическому самолюбию.

Вопрос. Только поэтому Вы стали приверженцем Троцкого и проводником его предательских установок в работе?

Ответ. Конечно, не только поэтому. Правда, троцкисты, возглавлявшиеся Рафаилом, сумели вовлечь меня в свою группу именно этим особенным приёмом, подкупная цель которого была — привлечь меня на свою сторону. Однако я и сам к тому времени был антисоветски настроен. Припоминаю, Рафаил, обрабатывая меня, говорил так: «Вот видите, правительство и руководители партии с их генеральной линией вам не помогают, а мы помогаем».

Вопрос. Как Вы относились в [к] этому антисоветскому заявлению?

Ответ. Я был полностью согласен с Рафаилом и аналогичными высказываниями других участников троцкистской группы. Признаю, что под их влиянием я всё более озлоблялся против советского правительства и руководителей партии.

Вопрос. Делились ли Вы об этом с Рафаилом?

Ответ. Да, Рафаил хорошо знал о моих антисоветских настроениях и, очевидно, поэтому щедро отпускал средства на мои постановки в театре Революции. Когда же я пожаловался ему, что помещение руководимого мною театра на Б.Садовой, 20 нуждается в ремонте, то Рафаил предложил мне подать ходатайство председателю Малого Совнаркома троцкисту Богуславскому об отпуске средств для этой цели. Рафаил обещал переговорить с Богуславским, чтобы он эти деньги отпустил.

Вопрос. Так и было?

Ответ. Да, я подал Богуславскому ходатайство, и оно было удовлетворено. Мне выдали не то тридцать тысяч, не то сорок тысяч на ремонт.

Вопрос. Стало быть, троцкисты поддерживали Вас материально за то, что Вы проводили по их установкам вражескую работу?

Ответ. Должен признать, что было именно так. Следует, между прочим, сказать также о том, что в последующие годы враги советского народа продолжали практику финансирования моей антисоветской работы.

Вопрос. Об этом Вы будете допрошены особо. А сейчас расскажите о своей практической враждебной работе.

Ответ. Моя антисоветская вредительская работа заключалась в нарушении государственной установки: строить искусство, отражающее правду и не допускающее никакого искажения. Эту государственную установку я, руководствуясь указаниями троцкистов, настойчиво и последовательно нарушал, строя, наоборот, искусство, извращающее действительность.

Вопрос. Только по линии руководимого вами театра?

Ответ. Нет. Я наряду с этим старался подорвать основы академических театров. Особенно большой удар я направил в сторону Большого театра и МХАТ, которые были взяты Лениным под защиту. Ленин указывал, что пролетариат должен использовать всё лучшее, что создало человечество с первых дней своего существования.

Вопрос. А Вы по указанию врагов народов — троцкистов действовали как раз наоборот?

Ответ. Совершенно верно. Нападая на академические театры, я тем самым вёл борьбу против партии и правительства

в отношении этих театров. В театре на Большой Садовой, 20, я продолжал начатую мою вредительскую работу в Театре Революции.

Вопрос. Вы говорите отвлечённо, а называйте факты.

Ответ. Фактов моей вражеской работы было немало. Отдельные из них, наиболее чётко запечатлевшиеся в моей памяти, я приведу. Так, например, в Театре Революции была принята рекомендованная Троцким пьеса французского троцкиста Мартине «Ночь». Эта пьеса была упадническая, размагничивающая рабочего зрителя. Я ставил её во вражеских целях не только в театре Революции, но и перенёс в театр на Б.Садовую, 20, переименовав лишь её в пьесу «Земля дыбом». Нужно сказать, что эта пьеса монтировалась мною при ближайшей помощи со стороны Троцкого, который не упускал случая обозлить меня против руководителей партии и советского правительства. Троцкий обычно подчёркивал невнимательное отношение со стороны руководства ВКП(б) к возглавлявшемуся мною театру и свою щедрость. Он снабжал театр большим количеством военной амуниции: шинели, каски, оружие, прожектора. Эта пьеса была посвящена мною Троцкому, о чём в своё время было объявлено даже в театральных программах.

Вопрос. Ваша особенная приверженность предателю Троцкому общеизвестна. Не об этом Вам говорить надо, а о своих вражеских делах.

Ответ. В своей антисоветской практике я не ограничился только постановкой пьесы «Земля дыбом», мною в период 1925–30 г. ставились также пьесы «Выстрел» А. Безыменского и «Командарм 2» Сельвинского, обе пропитанные троцкистской идеологией.

Вопрос. А после 1930 г. Вы разве не вели антисоветской работы?

Ответ. Наоборот, моя антисоветская работа после 1930 г. ещё более активизировалась. Я возглавлял организацию под названием «Левый фронт», охватившую театр, кино, музыку, литературу и живопись. Моё антисоветское влияние, подогретое троцкистскими идеями, распространялось в то время не только на моих учеников периода 1921–22 гг., как Сергей Эйзенштейн, Василий Фёдоров, Эраст Гарин, Николай Охлоп-

ков, Цетнерович, Луце, Александр Нестеров, Наум Лойтер, Репнин, Велижев и Роом, которые искали случая получить от меня те или иные установки, но и на ряд представителей других искусств.

Вопрос. Кто эти лица, назовите их.

Ответ. Начну с кино. Здесь моё влияние распространилось на режиссёра Сергея Эйзенштейна, который является озлобленно настроенным против советской власти человеком. Нужно сказать, что Эйзенштейн проводил и практическую подрывную работу.

Вопрос. А именно?

Ответ. Советское правительство как-то командировало Эйзенштейна в Америку в надежде получить в свои руки творческую кинопродукцию. Так вот, вместо того, чтобы работать в контакте с Амторгом Эйзенштейн продаётся капиталисту Синклеру, в руках которого остаётся заснятый Эйзенштейном фильм. По отдельным отрывкам этого фильма, который я лично видел в Париже, Эйзенштейн характеризуется как художник упаднических настроений и мистик. Вражеская работа Эйзенштейна выразалась и в том, что он пытался выпустить на экран антисоветский фильм «Бежин луг», но ему это не удалось, т.к. съёмка была прервана по указанию правительства. Конкретным показателем моего антисоветского влияния на кинорежиссёрские кадры является и другой факт.

Вопрос. Какой?

Ответ. Я имею в виду то, что мой выученик кинорежиссёр Гарин Эраст сработал фильм «Женитьба» по Гоголю, израсходовал большие средства, и эта картина, как искажающая классическое произведение, не была допущена до экрана. Мой же ученик режиссёр киевской кинофабрики Роом сработал фильм по сценарию Юрия Олеши «Строгий юноша», в котором было оклеветано советское юношество и молодёжь была показана не как советская, а по настроению самого Олеши, с фашистским духом. По линии кино — это всё.

Вопрос. А по другим видам искусства?

Ответ. Также велась антисоветская троцкистская работа. В живописи, например, художник Давид Петрович Штеренберг, кадровый троцкист, «желая перестроиться» в своей специаль-

ности (абстрактные натюрморты), переходит к жанровой живописи и не находит ничего «лучшего», как написать портрет врага народа Примакова.

Вопрос. А Вы-то при чём? Откуда Вы знаете, что Штеренберг – троцкист?

Ответ. Штеренберг, как троцкист, известен мне ещё по 21 году, по совместной работе в Наркомпросе, где я заведовал Театральным, а он Изо отделом. Ещё в то время Штеренберг оказывал на меня троцкистское влияние. Приверженность Штеренберга к Троцкому была настолько очевидна, что он даже «хвостом ходил» за женой Троцкого, которая заведовала тогда музыкальным отделом Наркомпроса. В период профсоюзной дискуссии Штеренберг всецело стоял на платформе Троцкого и был вообще под сильным обаянием личности Троцкого. Свои троцкистские настроения он мне неоднократно высказывал.

Вопрос. Вы были связаны со Штеренбергом до последнего времени?

Ответ. Нет, в последние годы у меня с ним были только служебные встречи. Правда, у меня были и другие антисоветские связи среди работников живописи.

Вопрос. С кем ещё Вы были связаны?

Ответ. В частности, с моим бывшим учеником Дмитриевым Владимиром Владимировичем, сыном крупного инженера. Он всегда был настроен антисоветски, тем более в последнее время в связи с арестом в Ленинграде его жены. Дмитриев по этому поводу проявлял ещё более яростные антисоветские тенденции: у него в разговорах со мной не было ни одной реплики без того, чтобы не высказать гнусной клеветы против советского правительства и партии.

Вопрос. Кто такая жена Дмитриева* и за что она арестована?

Ответ. Детали я не знаю. Однако, со слов самого Дмитриева мне известно, что жена его является уроженкой Армении или Грузии и арестована якобы за контрреволюционные связи с кавказскими контрреволюционерами. Антисоветские связи у

* Жена В.В.Дмитриева искусствовед Елизавета Исаевна Долуханова (1904–1938) была расстреляна 28 июня (по другим сведениям – умерла под пытками).

меня были не только с художниками, но и с работниками литературного фронта.

Вопрос. С кем персонально?

Ответ. Должен сказать, что я до последнего времени находился в антисоветской связи со следующими писателями. Раньше всего необходимо остановиться на моих взаимоотношениях с писателем Борисом Пастернаком и его настроениях. С Пастернаком в течение ряда лет я был близко связан, и мы неоднократно вели между собой антисоветские озлобленные разговоры, направленные, в частности, на руководителей партии и правительства. Пастернак настолько озлоблен, что он в последнее время ничего не пишет — ни стихов, ни романов, чтобы не прорвалось его антисоветское нутро, а занимается лишь переводами иностранной литературы. Аналогичные позиции занимает также поэт Пяст Владимир Алексеевич, который также ничего не пишет и всё время уделяет переводам испанской литературы. Прямые антисоветские разговоры были у меня также и с писателем Николаем Эрдманом, которые продолжались вплоть до его ареста*.

Вопрос. Не об аресте Эрдмана рассказывайте, а о проводимой Вами вражеской работе вплоть до ареста.

Ответ. Я признаю, что и в последующие годы до самого последнего времени я продолжал проводить вражескую работу по линии искусства по установкам Рыкова, Бухарина и Радека.

Вопрос. Вы что, были с ними лично связаны?

Ответ. Да.

Вопрос. Когда и каким образом Вы установили с ними антисоветскую связь?

Ответ. Было это в 1933 году. С Рыковым, Бухариным и Радеком связала меня некая Милютина, которая являлась представительницей Западно-Сибирского театрального треста, проживала в Москве. Муж её Милютин Владимир Павлович, работавший в Госплане. Милютина, насколько мне известно, была очень близка к Рыкову, Бухарину и Радеку.

Вопрос. Какое это, однако, имеет к Вам отношение? Что общего у Вас с Милютиной?

* Н.Р.Эрдман был арестован 11 октября 1933 г. и отправлен в ссылку.

Ответ. Не помню точно, но это было между 1930 и 1933 годами. Я познакомился с Милютиной на основе театральной деятельности. Она нередко посещала спектакли в руководимом мною театре и беседовала со мной по существу постановок. С течением времени между нами установились довольно близкие отношения, причём Милютина всячески старалась склонить меня к переезду на постоянную работу в Западную Сибирь.

Вопрос. Чем она руководствовалась при этом?

Ответ. Из отдельных реплик и высказываний Милютиной я понял, что её стремления носят антисоветский характер.

Вопрос. Из чего это было видно?

Ответ. Хотя бы из того, что Милютина нередко подогревала мои и до того уже озлобленные настроения. Она подчёркивала, что в Москве меня третируют, не дают свободно работать, причём обращала моё внимание на то, что, дескать, в Западной Сибири работают мои старые знакомые Дробнис, Богуславский и Рафаил.

Вопрос. Непонятно. К чему это Милютина говорила Вам об этом?

Ответ. Очевидно, она знала о моей троцкистской связи с Рафаилом, Дробнисом и Богуславским в прежние годы.

Вопрос. Из чего Вы, собственно, делаете такой вывод?

Ответ. Для того, чтобы был до конца ясен этот вопрос, следует сказать, что с Милютиной у меня не раз были недвусмысленные антисоветские разговоры, в процессе которых и я, и она высказывала своё озлобление против советской действительности, руководства партии и правительства. Именно поэтому, когда Милютина сделала мне предложение встретиться с Рыковым, Бухариным и Радеком, я несколько не удивился её знакомству с ними. По всему этому нужно добавить, что Милютина была и родственно связана с Бухариным. Сестра Милютиной, фамилию которой я забыл, однако помню, что она была заведующей Мосздравотделом, выдала свою дочь замуж за Бухарина.

Вопрос. Довольно о родственных связях, рассказывайте об антисоветских Ваших отношениях с перечисленными лицами.

Ответ. Повторяю, однажды, кажется, в 1934 году, Милютина предложила мне встретиться с Рыковым, Бухариным и Радеком.

Вопрос. Где?

Ответ. На квартире Милютина встреча эта состоялась и была организована под видом вечеринки. В первом случае в числе прочих гостей там присутствовал также Рыков, Бухарин, Радек и некий Гусман, работавший в строительном отделе Моссовета, а впоследствии он работал на строительстве театра им. Станиславского.

Вопрос. Что происходило на этой «вечеринке»?

Ответ. Помимо всего, что обычно происходит в таких случаях, между присутствующими велись неприкрытые антисоветские разговоры, базой для которых служили непрерывные контрреволюционные анекдоты Радека. При этой же встрече я получил от Бухарина установку продолжать свою вражескую работу по линии театра.

Вопрос. Что говорил Вам Бухарин?

Ответ. Дословно его высказываний не помню, но смысл их сводился к тому, что мне, дескать, не следует тужить и на то, что меня здорово треплют в прессе, свою работу нужно продолжать по-прежнему. Эту установку Бухарина поддерживали также и Рыков, и Радек.

Вопрос. Вы сказали, что так было в первом случае. Стало быть, у Вас были и другие встречи с ними? Верно?

Ответ. Да, я ещё раз встретился с Рыковым, Бухариным и Радеком опять-таки на квартире у Милютиной. В данном случае антисоветское собрание проходило также под видом вечеринки. Ничего особенно нового при этой моей встрече с главарями правотроцкистской организации не произошло, если не считать ещё более озлобленных антисоветских разговоров. Нужно сказать, что и при этой встрече антисоветский тон задавал Радек.

Вопрос. А после этого Вы встречались с Рыковым, Бухариным и Радеком?

Ответ. С Радеком мне больше никогда встречаться не приходилось. С Бухариным и Рыковым у меня было по одной эпизодической встрече.

Вопрос. Когда, где это было?

Ответ. С Бухариным, насколько мне помнится, я встретился в 1935 году по поводу того, что в «Известиях» появи-

лась отрицательная рецензия на постановку в возглавляемом мною театре пьесы «Дама с камелиями». Я позвонил Бухарину и пригласил его посетить этот спектакль для того, чтобы лично проверить своего рецензента. Бухарин обещал приехать в театр и, действительно, на одной из вечерних постановок пьесы «Дама с камелиями» он был.

Вопрос. Виделись ли Вы тогда с Бухариным в театре?

Ответ. Да, после окончания спектакля я встретился с Бухариным и поинтересовался его мнением в отношении постановки. Бухарин дал положительную оценку пьесы и исполнявшим роли в ней, и сделал мне одно предложение.

Вопрос. Не припомните ли Вы смысл его?

Ответ. Помню хорошо. Бухарин мне тогда довольно прямо сказал, чтобы я нашёл себе любого рецензента для положительного освещения постановки, и он уже обеспечит печатание её на страницах «Известий». Больше я с Бухариным не встречался. Однако его антисоветские установки являлись как бы программой моих дальнейших вражеских действий в театре.

Вопрос. Вы показали, что имели ещё одну встречу с Рыковым, где это было?

Ответ. Встреча моя с Рыковым произошла в том же 1935 году.

Вопрос. Уславливались ли Вы об этой встрече?

Ответ. Нет, она произошла случайно на пароходе. Я ехал с семьёй из Одессы в Ялту, а Рыков на этом же пароходе, как он говорил мне, в Сочи.

Вопрос. Были ли между вами антисоветские разговоры?

Ответ. Нет. Обстоятельства не позволяли откровенно разговаривать. Встреча моя с Рыковым произошла в карт-компании, где присутствовал также и капитан парохода. Хотя я и имел намерение поделиться с Рыковым своими озлобленными настроениями, но в присутствии капитана не решался на это. Встретиться же наедине с Рыковым мне не пришлось.

Вопрос. Скажите, а с Милутиной Вы встречались в дальнейшем?

Ответ. Последняя моя встреча с Милутиной произошла в 1935 году. Ей удалось убедить меня в необходимости выехать на гастроли в Западную Сибирь. Пробыв месяца пол-

тора—два на гастролях в Новосибирске и Сталино, театр возвратился обратно в Москву. Здесь у меня произошёл, кажется, по телефону довольно крупный разговор с Милутиной в связи с тем, что Западно-Сибирский театральный трест не выполнил своих договорных обязательств и не доплатил нашему театру 30 000 рублей. Я неистовствовал и высказал Милутиной своё недовольство по этому поводу, однако она успокаивала меня и осторожно дала понять, что эти деньги не пропали даром, а пошли на финансирование троцкистской деятельности в Западной Сибири, которую в то время возглавлял Рафаил, Дробнис и Богуславский. Этим, пожалуй, и завершается моя антисоветская связь и вражеские дела.

Вопрос. Не верно это. Вы далеко не всё ещё рассказали о своей предательской работе. Почему Вы скрываете свои шпионские связи?

Ответ. Скрывать я ничего не думаю и просто забыл рассказать следствию о некоторых своих связях, которые носили шпионский характер.

Вопрос. Это какие связи Вы имеете в виду? Расскажите о них.

Ответ. Должен признать, что некоторые шпионские услуги я оказывал английскому разведчику Фред Грей, с которым знаком с 1913 г.

Вопрос. Кто такой Грей, что было общего у Вас с ним?

Ответ. Грей англичанин, английский подданный. Познакомился я с ним потому, что одна из моих учениц вышла за него замуж. Грей очень часто встречался со мной и между нами в результате установились близкие дружеские отношения. Причём мы бывали друг у друга на квартире. Близкая связь между нами продолжалась до 1916 года, так [как] в начале 1917 года он [с] женой уехал в Англию.

Вопрос. Чем занимался Грей в России?

Ответ. Формально он был корреспондентом одной из английских газет. Кстати, бывая на квартире у Грея, я видел у него снимок в военной форме. На мой недоумевающий вопрос по этому поводу Грей ответил, что в период империалистической войны он был военным корреспондентом.

Вопрос. К какому же периоду относится установление Вами шпионской связи с Греем?

Ответ. Это произошло значительно позже, через много лет.

Вопрос. Говорите точнее, когда это было?

Ответ. Насколько я помню, привлечение меня Греем к шпионской работе в пользу английской разведки относится к концу 1934 года и началу 1935 года.

Вопрос. Разве Вы в это время ездили в Англию?

Ответ. Нет, я был тогда в Москве.

Вопрос. Непонятно, каким же тогда образом вы могли установить шпионскую связь, когда он находился в Англии?

Ответ. Вообще-то с начала 1917 года Грей действительно проживал в Англии, но в конце 1934 года или начале 1935 года он приехал в Москву под видом представителя какой-то американской фирмы. Тогда же он и явился ко мне на квартиру.

Вопрос. Ещё одна неясность. Вы ведь расстались с Греем в Петербурге? Откуда же он знал Ваш адрес в Москве?

Ответ. Дело в том, что я, бывая за границей, встречался там с его женой Анной Константиновной Грей.

Вопрос. Где и когда происходили ваши встречи с ней?

Ответ. Первый раз я встречался с ней в 1928 году в Париже, куда я ездил для специального лечения. Во французской прессе появилось сообщение о моём приезде в Париж, после чего Анна Константиновна Грей разыскала меня и пригласила к себе.* К этому времени я был очень озлоблен против руководителей партии и советского правительства в связи с тем, что Наркомпрос намеревался закрыть возглавлявшийся мною театр. Эти антисоветские настроения я высказывал Анне Константиновне Грей.

Вопрос. Почему Вы говорите только об Анне Константиновне Грей, разве Вы с её мужем в то время не встречались?

Ответ. Нет. Он в 1928 году был в Лондоне и мне с ним видеться не удалось. Однако о моих антисоветских настроениях Грей был хорошо информирован, так как жена его написала ему об этом в Лондон.

Вопрос. Реагировал ли Грей на это письмо?

* Дальше до конца ответа подчёркнуто синим карандашом.

Ответ. Да. Грей рекомендовал мне не возвращаться в Советский Союз и остаться либо в Париже, либо поехать в Лондон. Однако я не решился это сделать, так как сын мой и дочь* остались в Москве.

Вопрос. Когда произошла Ваша вторичная встреча с Анной Грей?

Ответ. В 1930 году. В этом случае я даже некоторое время жил у них на квартире. В этом случае я оставил Анне Грей свой московский адрес. Таким образом, Фред Грей знал мой адрес и явился прямо на квартиру.

Вопрос. Что же, собственно, произошло после приезда Фред Грей в Москву?

Ответ. Он привлёк меня к выполнению некоторых шпионских заданий. Разговор, помню, начался с того, что, мол, он в своё время оказывал мне определённые услуги, намекая на некоторый период моего пребывания у него на квартире в Париже. Был затронут вопрос и о моих антисоветских настроениях. В общем, Грей весь разговор со мной свёл к тому, что дал мне понять о том, что я зависим от него. Грей говорил, что теперь настало время, когда необходимо будет оказать и ему некоторые услуги.

Вопрос. По шпионской работе?

Ответ. Да, я этого не отрицаю.

Вопрос. К чему практически сводилась Ваша шпионская связь с Греем?

Ответ. Нужно сказать, что она носила несколько своеобразный характер. Зная Грея в течение многих лет, я понимал, что он является одним из выдающихся, опытных агентов английской разведки и приехал в Советский Союз со специальным заданием. Я же лично не представлял для него особого интереса, между тем, Грей использовал меня по шпионской работе.

Вопрос. Конкретно?

Ответ. Грей потребовал, чтобы я дал ему рекомендательное письмо к бывш. в то время заместителю наркома финансов Манцеву, так как он очень добивался встречи с последним, но подхода не имел.

* Речь о приёмных детях Мейерхольда Т.С. и К.С. Есениных.

Вопрос. Выполнили ли Вы это требование?

Ответ. Да, выполнил. Я написал Грей рекомендательное письмо Манцеву, содержание которого сводилось к тому, что Грей очень интересуется побеседовать с ним по некоторым вопросам. В своём письме к Манцеву я указал также, что Грей мне давно известен с хорошей стороны. Мне было, однако, понятно, что все стремления Грея к этой встрече с Манцевым направлены к тому, чтобы привлечь его к изменческой шпионской работе.

Вопрос. Выходит, таким образом, вы содействовали Грей в расширении шпионских связей английской разведки в Советском Союзе. Это так?

Ответ. Да, было именно так.

Вопрос. Только ли к этому сводилась ваша шпионская связь с Греем?

Ответ. Нет, мною было выполнено ещё одно его задание.

Вопрос. Какое?

Ответ. Грей очень настоятельно просил меня организовать ему встречу с Рыковым.

Вопрос. И Вы её организовали?

Ответ. Да, правда, это поручение я выполнил после целого ряда настойчивых напоминаний Грея.

Вопрос. Каким образом Вы организовали эту встречу с Рыковым?

Ответ. Через Милютину. Я как-то встретился с ней и сказал, что с Рыковым имеет большое желание встретиться представитель одной Американской фирмы для серьёзных переговоров, у меня на квартире. При следующей встрече с Милютиной она сказала, что виделась с Рыковым и он изъявил своё согласие видеться с Греем. Тогда же было обусловлено и время встречи. В начале 1935 года встреча Грея с Рыковым у меня на квартире состоялась.

Вопрос. Они были наедине?

Ответ. Нет, вместе с Рыковым пришли тогда его жена — Рыкова, Милютина и некая Размирович. Размирович являлась первой женой наркома Крыленко и работала в то время секретарем в Пушкинском юбилейном комитете при Совнаркоме СССР. Хотя разговор был общим, между тем Рыков сидел всё время

рядом с Греем и они имели возможность свободно разговаривать по интересующим их вопросам.

Вопрос. А Вы знаете, какие это были вопросы?

Ответ. Нет. Во-первых, потому, что я всё время находился в обществе женщин, и, во-вторых, потому, что Рыков и Грей сидели у другого края стола и очень тихо между собой беседовали. Когда же я подошёл к ним поближе, то услышал лишь реплику Рыкова: «Ну, об этом мы поговорим потом». Из этого было ясно, что разговор их носил конфиденциальный характер и что Рыков и Грей предполагают снова встретиться. Состоялась ли следующая встреча Рыкова с Греем, мне ничего не известно, так как Грей в этом направлении никаких поручений мне больше не давал.

Вопрос. А в других направлениях давал?

Ответ. Это было уже, собственно, не поручение, а просьба Грея.

Вопрос. Что имеете в виду?

Ответ. Обращение Грея ко мне с просьбой о том, чтобы я дал ему рекомендацию на ходатайство о продлении срока визы для дальнейшего проживания в Советском Союзе. Эту рекомендацию я дал.

Вопрос. И этого было достаточно для того, чтобы виза была продлена?

Ответ. Нет, нужна была и вторая рекомендация.

Вопрос. Достал ли ее Грей?

Ответ. Да, вторую рекомендацию ему дала родная сестра жены Грея, проживавшая в Москве. Фамилия её не то Барсова, не то Корсова. В то время, то есть в начале 1935 года, она жила в гостинице «Метрополь» и работала, кажется, в Наркомсте. Должен сказать, что в Москве проживала и вторая сестра жены Грея. Фамилии я также не знаю, но мне известно, что она была замужем за неким Карпинским, который специализировался в крестьянских вопросах и работал, кажется, в редакции «Крестьянской газеты». Говоря о Греге, я хочу в завершение сказать, что он присутствовал у меня на квартире, когда я тогда же, в начале 1935 года, пригласил к себе литовского посланника Балтрушайтиса с женой бывшего в то время английского посла в СССР.

Вопрос. Что это была за встреча? Что у Вас общего с Балтрушайтисом и в каких целях Вы его пригласили к себе домой?

Ответ. Я объясню. С Балтрушайтисом я знаком с 1905 года, когда мы встречались в редакции журнала символистов «Весы». Балтрушайтис был в то время уже литератором, а я в то время являлся режиссёром театра-студии на Поварской улице. Ещё в то время у меня с Балтрушайтисом установились приятельские отношения. После революции Балтрушайтис перешёл в литовское подданство и уехал в Литву. Через пару лет он возвратился в Москву уже в качестве литовского посла. С этого времени вплоть до весны 1939 года Балтрушайтис очень часто бывал у меня на квартире, так же как я бывал у него в литовском посольстве.

Вопрос. Какой характер носила ваша связь с Балтрушайтисом?

Ответ. Должен прямо сказать, что никаких прямых предложений по шпионской работе Балтрушайтис мне никогда не давал. Однако за время долголетнего близкого общения между нами я, желая или не желая этого, мог выболтать интересовавшие его по Советскому Союзу сведения. Мне сейчас очень трудно припомнить конкретные факты в этой части, но я рассказывал ему о секретных решениях партийных органов и о содержании тех секретных партийных писем, которые оглашались только на закрытых партийных собраниях. Нужно сказать, что Балтрушайтис с большим вниманием относился к такого рода моим, по существу, шпионским информацииам.

Вопрос. А не получали ли Вы от Балтрушайтиса конкретных заданий в этом направлении?

Ответ. Нет. Никаких сколько-нибудь четко выраженных шпионских заданий Балтрушайтис мне не давал, исходя, может быть, из одного того, что между нами существовала долголетняя дружба.

Вопрос. Дружба дружбой, но это вовсе не мешало Вам вести шпионскую работу. Верно?

Ответ. Это, конечно, верно, и я не отрицаю того, что если бы Балтрушайтис давал бы мне какие-либо конкретные

задания, то я бы их выполнял, но таких поручений он мне не давал. Правда, я вспомнил одно очень важное обстоятельство, связанное с Балтрушайтисом.

Вопрос. А именно?

Ответ. Как-то в 1936 году Балтрушайтис, будучи у меня на квартире, сказал, что из Литвы в Советский Союз приехал молодой режиссёр, являющийся одним из моих театральных поклонников. При этом Балтрушайтис просил меня устроить этого режиссёра в возглавлявшийся мною театр в качестве стажёра.

Вопрос. И Вы это сделали?

Ответ. Да, просьбу Балтрушайтиса я выполнил. Не согласовывая ни с какими органами и учреждениями, я принял этого иностранно-подданного (режиссёра) на работу в театр и не предпринимал абсолютно никаких мер к тому, чтобы хоть сколько-нибудь контролировать его поведения и действия. В результате общественность театра обратила внимание на подозрительное поведение этого «режиссёра», фамилию которого я не помню, и поставила вопрос об удалении его из театра. Признаю, что только лишь в результате вмешательства партийной и общественной организации театра срок стажировки «режиссёра» был сокращён.

Вопрос. Скажите прямо, не был ли этот режиссёр устроен Вами в театр в целях создания ему возможностей для шпионской работы?

Ответ. Какие цели преследовал Балтрушайтис, направляя режиссёра на стажировку в возглавлявшийся мною театр, я не знаю. Не отрицаю, однако, того, что подозрения о том, что этот «стажёр» занимался шпионской работой, у меня были. В заключение считаю необходимым довести до следствия о том, что в период своего пребывания за границей в Париже в 1928 году я дал интервью в газету «Нойз-Фрайз Прессе» явно антисоветского характера, в котором я клеветнически обрисовал отношение советского правительства к работникам искусства. Припоминаю, что я вскоре же через Наркоминдел получил вырезку из этой газеты, причём мне сделали замечание о недопустимости подобного рода интервью. Вот, собственно, в основном,

всё о моей лично вражеской работе, о моих антисоветских связях.

Вопрос. Вы многого не договариваете о своей антисоветской и шпионской работе и будете допрошены об этом дополнительно. При следующих вызовах рекомендую говорить правду до конца, так как скрыть что-либо от следствия Вам всё равно не удастся.

Допрос прерывается.

Протокол читал, всё записано с моих слов верно.

[подпись, автограф]

Вс.Мейерхольд-Райх.

Допросил [подпись, автограф] Воронин.

Документ № 10

11 июля 1939 г.

Протокол допроса от 11 июля
начат в 11 ч. — окончен 18 ч.

Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича, 1874 г. рождения, урожд. г. Пензы, немец, с высшим образованием, сын купца, бывший член ВКП(б) с 1918 г., до ареста главн. режиссёр госуд. Оперного театра им. Станиславского

Вопрос. На прошлом допросе Вы показали, что в течение многих лет находились в дружеских отношениях с литовским послом в Москве Балтрушайтисом, но скрыли действительную установленную с ним вашу шпионскую связь. Следствие предлагает Вам полностью рассказать о шпионской связи с Балтрушайтисом.

Ответ. Я категорически отвергаю это обвинение, никаких шпионских связей у меня с Балтрушайтисом не было. Правда, я должен дополнить показания, которые дал на прошлом допросе в связи с Балтрушайтисом.

Вопрос. Чем Вы желаете дополнить свои показания?

Ответ. В 1933 году Балтрушайтис пришел ко мне на квартиру с тем, чтобы уговорить меня принять на работу во мною руководимый театр некоего Азерского*, жена которого Полонская** (бывш. жена Яншина, артиста Худ. театра) работает в Художественном театре.

Вопрос. Кто такой Азерский?

Ответ. Я его лично не знал, но Балтрушайтис рекомендовал мне как хорошего работника.

Вопрос. Откуда знал Азерского Балтрушайтис?

Ответ. Мне это неизвестно, откуда он его знал.

Вопрос. Вы приняли Азерского на работу?

* Валериан Александрович Азерский (ум. в 1957 г.), театральный администратор.

** Речь идет о Веронике Витольдовне Полонской (1908-1994).

Ответ. Нет, я сразу его не принял, так как не было в театре свободных штатных единиц. Но после этого Балтрушайтис при встречах со мной настойчиво требовал от меня зачисления Азерского на работу в театр, и я вынужден был его принять в 1933 году на должность администратора театра.

Вопрос. Как долго у Вас работал Азерский?

Ответ. Азерский работал года полтора в театре.

Вопрос. Он сам ушел из театра?

Ответ. Нет, он был уволен из театра по настоянию парторганизации как подозрительный человек.

Вопрос. В чем его подозревали?

Ответ. Я лично был убежден, что это действительно подозрительный человек и несомненно шпион, иначе бы Балтрушайтису незачем было так настойчиво требовать от меня об устройстве Азерского в мой театр. Азерский в театре денег получал мало, а жил очень хорошо.

Вопрос. Для какой же цели Вы приняли Азерского в театр?

Ответ. Я принял его благодаря настойчивому требованию Балтрушайтиса.

Вопрос. Работая Азерский у Вас в театре, он продолжал поддерживать связь с Балтрушайтисом?

Ответ. Несомненно продолжал, я в этом уверен, хотя и сам не видел, но понимал, так как при встречах с Балтрушайтисом он у меня никогда об Азерском не спрашивал и мне было ясно, что Балтрушайтису было всё известно от самого Азерского.

Вопрос. Азерский у Вас на квартире был?

Ответ. Да, он бывал у меня на квартире раза два по служебным делам.

Вопрос. Почему вдруг Азерскому по служебным делам потребовалось ходить к Вам на квартиру, а не в служебный Ваш кабинет?

Ответ. Я точно не помню, это была какая-то экстренность, связанная со спешной постановкой премьеры.

Вопрос. Всё не то Вы говорите, Мейерхольд, расскажите лучше, какими секретными материалами Вы снабжали Балтрушайтиса и Азерского.

Ответ. Никакими материалами я не снабжал ни Балтрушайтиса, ни Азерского, кроме лишь того, что я Балтрушайтису

высказывал антисоветские взгляды, а через него, очевидно, было известно и Азерскому.

Вопрос. Где сейчас Азерский?

Ответ. После ухода из моего театра он поступил в качестве администратора в театр, руководимый Завадским в Ростове-на-Дону, а в мае месяце 1939 года я его видел на улице в Москве. Правда, с ним я не смог говорить, так как он ушёл. Я должен сказать еще, что Азерский, работая у меня в театре, близко сошёлся с Варпаховским (арестован), который работал у меня в научно-исследовательской лаборатории при театре, и с режиссёрами-стажёрами Хельдом (немец), Секи-Сано (японец), которые работали также у меня в театре. Вот всё, что я мог сказать в отношении Азерского.

Вопрос. Выходит, что Балтрушайтис через Вас устроил в театр не одного «стажёра-режиссёра», как Вы показали на прошлом допросе, а также и второго «администратора» Азерского, которые впоследствии были изгнаны из театра как подозрительные чужие люди?

Ответ. Совершенно правильно.

Вопрос. Какие же Вы делаете выводы из этого для себя?

Ответ. Я должен сказать правду, анализируя всё это, что, зная моё гнилое буржуазное прошлое и антисоветские взгляды в настоящем, литовский посол Балтрушайтис не мог меня не использовать в выгодном для себя положении. Поэтому он старался наводнить мой театр подозрительными людьми — шпионами. Я ещё раз повторяю, что это люди, присланные в мой театр Балтрушайтисом, использовались им со шпионскими целями, а я, слепо доверяя Балтрушайтису, служил как бы прикрытием для его шпионской разведывательной работы. Тем самым я также несу за такого рода преступления ответственность, тем более что я при встречах с Балтрушайтисом информировал его о положении своего театра.

Вопрос. Только о положении своего театра?

Ответ. Нет, не только о своём театре, а также я ему говорил о своём недовольстве к советскому правительству, о литературе, он шёл за нас, за формалистов. В частности, интересовался Борисом Пастернаком.

Вопрос. Откуда он знал Пастернака?

Ответ. Балтрушайтис знаком ещё с ним с дореволюционных лет, после революции 1917 года они также встречались в Москве.

Вопрос. У Вас на квартире были встречи Балтрушайтиса с Пастернаком?

Ответ. Да, были, в 1936 году Борис Пастернак был у меня на обеде, где и присутствовал Балтрушайтис.

Вопрос. Какой характер носила эта встреча?

Ответ. В разговорах Балтрушайтиса с Пастернаком он выражал негодование к правительству советской власти в том, что оно якобы неправильно занимает позицию в отношении формалистов, в частности Пастернака и меня — Мейерхольда. Он говорил о нас как о талантах. Выражал негодование и по поводу того, что не печатают произведения Пастернака в СССР.

Вопрос. Как часто эти встречи Пастернака с Балтрушайтисом бывали у Вас на квартире?

Ответ. Раза три, содержание которых носили антисоветский характер.

Вопрос. Вы указали, что Азерский, работая у Вас в театре, тесно дружил с режиссёром-стажёром немцем Хельдом и японцем Секи-Сано. Каким образом они попали к Вам в театр?

Ответ. Хельд и Секи-Сано вместе были присланы в 1932 году ко мне в театр со служебной запиской от международного объединения рабочего театра (МОРТ) за подписью Диамента*, который возглавлял это международное объединение, и кроме того, они принесли на моё имя письмо от немецкого режиссёра Пискатора, который жил в то время в Москве и работал в МОрте и одновременно был режиссёром кинопромышленности.

Вопрос. Что это за письмо?

Ответ. Пискатор в письме рекомендовал Хельда как своего ученика и как способного режиссёра. Хельд и Секи-Сано также являлись подозрительными людьми.

Вопрос. В чем Вы их подозревали?

Ответ. Работая в театре, они конспирировали свой быт, свои знакомства, связи и по духу были чужды. Мне пом-

* Генрих Диамент, немецкий коммунист, представлял в руководстве МОРТ (Международное объединение рабочих театров) Профтерн — Красный интернационал профсоюзов.

нится случай, когда на одном из заседаний актива театра в 1937 году секретарь парторганизации Кудлай выступил с разоблачением шпионского лица Секи-Сано. Я и сам понимал, что Секи-Сано и Хельд — это «волки в овечьей шкуре», присланные ко мне в театр со шпионскими целями. После актива театра на одном из партийных собраний я выступил и сделал указания Кудлай, что он неправильно выступил на активе против Секи-Сано.

Вопрос. Сколько времени работал у Вас Секи-Сано и Хельд?

Ответ. Хельд работал с 1932 года и сам ушел из театра в 1935 году. Куда, мне совершенно не было известно, и я с ним не встречался.

Вопрос. А Секи-Сано?

Ответ. Секи-Сано проработал с 1932 года до конца 1937 года, когда он изгнан был из театра как подозрительный человек.

Вопрос. Где он сейчас?

Ответ. Он уехал в Америку, откуда он мне в начале 1939 г. прислал открытку.

Вопрос. Зная, что эти люди, присланные к нам со шпионскими целями, Вы их всё же продолжали держать на работе. Расскажите следствию правду, у Вас была установлена с ними шпионская связь?

Ответ. Нет. У меня не была с ними установлена шпионская связь. Я не знал, что они занимаются шпионажем, а только предполагал.

Вопрос. И всё же держали их на работе?

Ответ. Да, и не принимал никаких мер.

Вопрос. Почему?

Ответ. Очевидно, потому, что они были людьми, которые разделяли мои антисоветские взгляды и поддерживали меня в этом. Я им изливал своё недовольство по отношению к советской власти.

Вопрос. Расскажите, с немецким режиссёром Пискатором Вы встречались, он интересовался своими посланцами к Вам в театр?

Ответ. Я с ним встречался. Дело в том, что я с Пискатором познакомился в Берлине в 1927 году в берлинском от-

делении Всесоюзной организации культурной связи (ВОКС), когда я там был проездом во Францию. Затем встречался в 1930 году в Берлине, когда там был наш театр на гастролях, а затем он приехал в СССР, где я с ним встречался, но разговоров с Хельдом и Секи-Сано не было. В 1936 году я его встретил в Париже, когда он уехал из Москвы.

Вопрос. Где Вы его встречали в Париже?

Ответ. Случайно в одном из кафе Парижа, я ему сообщил, что еду в Прагу, где буду делать доклад о театре. Он сказал, чтобы я включил в свой доклад ряд информационных сообщений о международной организации рабочего театра. Он мне отпечатал на машинке материалы о принципах этого объединения, я взял это и включил в доклад.

Вопрос. Откуда он имел такие сведения?

Ответ. Он работал в Москве в МОРТе и поэтому он знал всю работу МОРТа. Он говорил, что в Москву больше не хочет ехать.

Вопрос. Вы были связаны с Хельдом и Секи-Саном по шпионской работе?

Ответ. Нет. Я с ними не был связан.

Записано правильно, с моих слов.

Записан рукой ст. следователя спецчасти НКВД СССР
лейт. Гос. безоп.

Воронин

Документ № 11

14 июля 1939 г.

Протокол допроса от 14 июля 1939 г.

На предыдущем допросе Вы заявили, что являлись в течение ряда лет двурушником и проводили антисоветскую работу. Подтверждаете Вы это?

Ответ. Да, подтверждаю, что на путь борьбы против партии и советской власти я впервые встал еще в 1922 году.

Вопрос. Как это произошло?

Ответ. В то время я был вовлечён в антисоветскую троцкистскую группу неким Рафаилом, который являлся заведующим московского отдела народного образования Наркомпроса. Одновременно Рафаил руководил Театром Революции, директором которого являлась Ольга Давыдовна Каменева — жена врага народа Каменева и сестра иудушки Троцкого.

Вопрос. Если Вы были участником троцкистской группы, то поддерживали, очевидно, связь не только с одним Рафаилом.

Ответ. Да, это верно, я был тогда связан не только с Рафаилом, но и с участниками троцкистской группы Дробнисом, Богуславским, О.Д. Каменевой и Борисом Волиным, которые так же, как и Рафаил, были злобно настроены против руководства партии. В антисоветских разговорах участников этой троцкистской группы принимал [участие] и я.

Вопрос. Вы занимались не только антисоветскими разговорами, но и проводили активную вражескую работу, признаёте ли это?

Ответ. Признаю, что под влиянием и руководством участников этой троцкистской группы и лично Троцкого, с которым я также был связан, мною в тот период проводилась практическая антисоветская работа по линии театра. Об этом я могу дать подробные показания.

Вопрос. О Вашей вражеской работе того периода расскажите в общих чертах, а подробно дадите следствию показания о вашей предательской работе в последний период. Намерены ли Вы говорить правду до конца?

Ответ. Я ничего не намерен скрывать от следствия и расскажу всё не только о своей личной вражеской работе, но и выдам всех своих сообщников. На протяжении ряда лет после 1923 года я поддерживал связи с указанной троцкистской группой и по её указаниям осуществлял антисоветские и троцкистские постановки в театре. Так, например, мною была во вражеских целях поставлена рекомендованная лично Троцким антисоветская пьеса французского троцкиста Мартине «Ночь», переработанная в «Землю дыбом».

Вопрос. Как же Вам удалось добиться постановки пьесы антисоветского содержания?

Ответ. Должен сказать, что эта пьеса монтировалась мною при ближайшей помощи со стороны Троцкого, который не упускал случая озлобить меня против партии и советского правительства. Таким образом, антисоветская пьеса «Земля дыбом» допускалась к постановке благодаря прямой заинтересованности в этом Троцкого. Не случайно и то, что эта пьеса была мною посвящена Троцкому, о чём было объявлено даже в театральных программах.

Вопрос. Ваша особая приверженность к предателю Троцкому общеизвестна и никого не интересует содержание театральной программы. Рассказывайте о своей вражеской работе.

Ответ. После 1930 года моя лично предательская работа заключалась в том, что я в антисоветском духе обрабатывал своих бывших учеников, работавших по линии театра, Василия Фёдорова, Николая Охлопкова, Цетнеровича, Люце, Наума Лойтера, Репнина, Велижева и Александра Нестерова (арестован впоследствии как враг народа). Признаю, что в антисоветском духе я обрабатывал не только работников театра, но и ряд представителей других видов искусств.

Вопрос. Кто эти лица? Назовите их.

Ответ. Антисоветскую связь поддерживали со мною также кинорежиссёры Сергей Юткевич, Гарин Эраст и Роом, худож-

ники Штеренберг Давид Петрович и Дмитриев Владимир Владимирович и писатели — Пастернак Борис, Олеша Юрий, Эрдман Николай и Сейфуллина Лидия Николаевна, которая также проводила вражескую работу в искусстве.

Вопрос. Ваша антисоветская связь носила организационный характер?

Ответ. Организационно до последнего времени как с участниками антисоветской троцкистской организации я был связан только с Пастернаком, Олешей и Сейфуллиной. С остальными же перечисленными лицами у меня были эпизодические встречи, во время которых мы делились своими антисоветскими настроениями. Признаю, наряду с этим, что антисоветские разговоры я неоднократно вёл с композиторами Шостаковичем Дмитрием Дмитриевичем, Шебалиным Виссарионом Яковлевичем, Поповым Гавриилом Николаевичем и Кнебель [Книппер] Львом Константиновичем.

Вопрос. Подробно о характере Вашей антисоветской связи с этими лицами Вы будете допрошены особо. А сейчас расскажите о своей последующей антисоветской работе.

Ответ. В период 1933—1935 гг. поддерживал антисоветскую связь с Рыковым, Бухариным, Радеком, по установкам которых продолжал проводить вредительскую работу по линии театра.

Вопрос. Каким образом Вы установили антисоветскую связь с Рыковым, Бухариным, Радеком?

Ответ. Через Милютину, которая являлась представительницей Западно-Сибирского театрального треста, проживала в Москве. Встречи мои с Рыковым, Бухариным и Радеком происходили на квартире у Милутиной. Касаясь Милутиной, считаю необходимым довести до сведения следствия об одном немаловажном обстоятельстве.

Вопрос. Что Вы имеете в виду?

Ответ. Вражескую антисоветскую работу Милутиной в 1935 году. Милутина совершила жульническую комбинацию, недоплатив руководимому мною театру 30 тысяч рублей за организацию гастролей в Западной Сибири. Это была необычная афера. Милутина обратила эти деньги на финансирование существовавшей там троцкистской организации во главе с Рафаилом,

Дробнисом и Богуславским, с которыми в своё время был связан по антисоветской работе и я.

Вопрос. Стало быть и Вы лично участвовали в финансировании троцкистской организации?

Ответ. Своего участия в передаче 30 тысяч рублей Западно-Сибирской троцкистской организации я не отрицаю. Однако, повторяю, что этот предательский акт был организован лично Милутиной.

Вопрос. Это, Вы говорите, было в 1935 году, а в чём выразалась ваша антисоветская связь с Милутиной в дальнейшем?

Ответ. После 1935 года у меня с Милутиной антисоветской связи не было и я больше с ней не встречался. Других антисоветских связей у меня тоже не было.

Вопрос. Как же не было, когда Вы до последнего времени являлись участниками антисоветской организации. Верно это?

Ответ. Да, верно. Я был просто неточен в своём преддуде ответе. Нужно прямо сказать, что начиная ещё с 1922 года и до последнего времени я не порывал антисоветской связи с троцкистами, однако участником троцкистской организации я стал в 1936 или 1937 году во время одного из приездов Ильи Эренбурга из Франции в Москву.

Вопрос. Почему Вы увязываете вовлечение Вас [в] троцкистскую организацию с приездом Ильи Эренбурга в Москву?

Ответ. Потому, что именно он, Илья Эренбург, установил со мной антисоветский контакт и вовлек в троцкистскую организацию.

Вопрос. Не врёт ли Вы? Может быть, Вы оговариваете Илью Эренбурга?

Ответ. Нет, я говорю правду. Илья Эренбург, как он и сам говорил мне, являлся участником троцкистской организации, причём он располагал обширными связями среди троцкистов не только в Советском Союзе, но и за границей.

Вопрос. Откуда Вы об этом знаете?

Ответ. Со слов Ильи Эренбурга. Он лично говорил мне о том, что во Франции по троцкистской линии он поддерживает регулярную связь с Андре Мальро. Непосредственно от Эренбурга мне известно также, что в Париже он поддерживал

антисоветскую связь с писателем Савичем, который недавно прибыл из Парижа и проживает в Москве, а также с невозвращенцем Навашиным*, работающим в Европейском банке в Париже. Другой троцкистской связи в Париже Эренбург мне не называл.

Вопрос. Чего это вдруг Илья Эренбург стал откровенно беседовать с Вами на антисоветские темы?

Ответ. Это было вовсе не вдруг. С Ильёй Эренбургом я знаком с 1920 года, и во всех случаях его приезда в Советский Союз и моих поездок за границу я обязательно во всех случаях встречался с ним.

Вопрос. Что же из этого?

[Ответ]. Для ясности нужно сказать, что наши встречи носили не совсем обычный характер. Мы всегда разговаривали на политические темы и оценивали события с антисоветских троцкистских позиций. Эренбург весьма сочувственно относился ко мне во всех случаях, когда я клеветнически и озлобленно высказывался против руководителей партии и советского правительства.

Вопрос. Так ли это?

Ответ. Безусловно, так. Эренбург не только охотно выслушивал мои антисоветские нападки на руководителей партии и советского правительства, но и сам клеветнически и зло отзывался о якобы нетерпимом отношении руководителей ВКП(б) к развитию искусства в Советском Союзе и мастерам художественного фронта.

Вопрос. Где это было?

Ответ. Наиболее откровенные антисоветские разговоры были между мною и Ильёй Эренбургом при наших встречах с ним в Париже, когда у нас не было никаких опасений за то, что нас могут подслушать секретные сотрудники НКВД. Илья Эренбург во всех случаях моих разговоров с ним клеветнически подчёркивал преимущество устройства Франции по сравнению с Советским Союзом. Он говорил: «Париж — это не Москва, здесь действительно живёшь свободно, и никто тебя не угнетает». Эренбург с большим нежеланием ездил в Советский Союз.

* Речь о Дмитрии Сергеевиче Навашине (1889-1937; убит в Париже), директоре советского Коммерческого банка для Северной Европы.

Вопрос. Почему?

Ответ. Потому, что вследствие своих резко антисоветских настроений Эренбург очень опасался того, чтобы его не оставили в Советском Союзе и не привлекли к ответственности. При каждом приезде в Москву он никак не мог дожидаться дня своего отъезда обратно в Париж. В 1938 году Эренбург прямо говорил мне, что его могут не выпустить из СССР и арестовать. Он в этой связи очень сильно переживал и был очень обрадован, когда получил на руки визу на выезд во Францию. Таким образом, разговор Ильи Эренбурга со мною в Москве в 1936 или 1937 году о своём участии в троцкистской организации являлся не случайным, а результатом наших неоднократных предыдущих откровенных бесед на антисоветские темы.

Вопрос. Настаиваете ли Вы на том, что Илья Эренбург вовлёл вас в троцкистскую организацию?

Ответ. Да, настаиваю. Помню, Илья Эренбург был у меня на квартире вместе с Андре Мальро. Между [нами] тогда происходила оживлённая беседа на политические темы. Мне трудно сейчас вспомнить точно, с чего именно начался разговор, однако мы немало времени и внимания уделили вопросу о происходящих в Советском Союзе арестах троцкистов и правых. Илья Эренбург и Андре Мальро откровенно высказывали своё неприязненное отношение к политике и руководителям коммунистической партии и советского государства.

Вопрос. А вы?

Ответ. Я стоял на тех же позициях и также открыто высказывал свои антисоветские злобные настроения. Илья Эренбург и Андре Мальро недвусмысленно высказывались в таком духе, что, дескать, такая система в Советском Союзе недолговечная и что троцкистам так или иначе удастся захватить власть в свои руки.

Вопрос. И вы лично разделяли эти предательские возжелания?

Ответ. Да. Именно поэтому Илья Эренбург прямо поставил вопрос о моём участии в троцкистской организации, на что я дал своё согласие. После этого Илья Эренбург останавливался на задачах нашей троцкистской организации.

Вопрос. Помните ли Вы, как в этой части Эренбург ставил перед Вами вопрос?

Ответ. Со слов Эренбурга и Мальро мне было ясно, что нам не следует отчаиваться в связи с арестами ряда участников троцкистской организации, а настойчиво и последовательно продолжать борьбу против партии.

Вопрос. Каким образом?

Ответ. Речь шла о том, что нам, троцкистам, находящимся в Советском Союзе и особенно в Москве, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы максимально пополнить поредевшие ряды троцкистской организации, затем всеми мерами и средствами добиться осуществления своей цели, то есть свержения советской власти.

Вопрос. В этом направлении Вы практически действовали?

Ответ. Не отрицаю, что по указаниям Ильи Эренбурга мною лично в том же 1937 году были вовлечены в троцкистскую организацию Борис Пастернак и Юрий Олеся.

Вопрос. А не опасались ли Вы откровенно разговаривать с ними о существовании троцкистской организации и Вашем участии в ней?

Ответ. На этот счёт никаких опасений у меня не было. Нужно прямо сказать, что и с Пастернаком и с Олесей я уже издавна вёл откровенные антисоветские разговоры и хорошо знал, что они очень злобно настроены против руководителей партии и советского правительства. Следовательно, к периоду вовлечения мною Пастернака и Олеси в троцкистскую организацию они уже были полностью подготовлены для этого, и я заранее был уверен в успехе. Пастернак был настолько озлоблен, что последнее время не писал ни стихов, ни романов, чтобы не прорвалось наружу его антисоветское нутро, а занимался лишь переводами иностранной литературы. Олеся был настроен не менее злобно, чем Пастернак, и большую часть своего времени проводил с различными разложившимися антисоветскими элементами в ресторанах. В частности, Олеся был очень близок с разоблаченными впоследствии врагами народа писателем Стеничем* и режиссёром Диким** (оба арестованы).

* Валентин Иосифович Стенич (наст. фам. Сметанич; 1897-1938) был арестован в ноябре 1937 г., расстрелян в сентябре 1938-го.

** А.Д. Дикий был арестован в августе 1937 г., приговорен к пяти годам заключения; в августе 1941 г. дело против него было прекращено.

Все эти данные и послужили веским основанием для вовлечения мною Пастернака и Олеси в троцкистскую организацию, перед которым [—и] были поставлены определенные задачи для проведения вражеской работы.

Вопрос. Не крутите, говорите прямо, какие задачи были поставлены Вами перед Пастернаком и Олешей?

Ответ. Пастернаку я дал задание подбирать антисоветски настроенных писателей в целях последующего вовлечения их в нашу троцкистскую организацию. При этом я назвал Пастернаку писателей Вс. Иванова и Константина Федина как вполне подходящих по своим антисоветским настроениям людей для практического участия в борьбе нашей троцкистской организации против руководства партии и советского правительства.

Вопрос. Откуда Вы знали, что Иванов и Федин антисоветски настроены?

Ответ. С Фединым я лично неоднократно вёл откровенные разговоры антисоветского характера и знал об озлобленности его против руководителей правительства. Что же касается осведомлённости моей об антисоветских настроениях Вс. Иванова, то об этом говорила мне Сейфуллина.

Вопрос. В связи с чем?

Ответ. Сейфуллина говорила мне об этом потому, что она была заинтересована в выполнении мною задания Эренбурга.

Вопрос. Опять говорите загадками. О каком задании Эренбурга идёт речь?

Ответ. Я имею в виду установку Ильи Эренбурга о расширении кадров нашей троцкистской организации.

Вопрос. А Сейфуллина—то причём?

Ответ. Она знала о моей троцкистской связи с Ильёй Эренбургом и Андре Мальро.

Вопрос. В результате Вашей болтливости?

Ответ. Нет, о своей принадлежности к троцкистской организации и антисоветской связи с Эренбургом я говорил с Сейфуллиной прямо.

Вопрос. Какая была в этом необходимость?

Ответ. Мне нечего было скрывать от Сейфуллиной своей вражеской работы, так как и она являлась участницей троцкистской организации, в которую была вовлечена лично мною.

Вопрос. Когда?

Ответ. Вовлечение мною Сейфуллиной в троцкистскую организацию относится к весне 1937 года, когда она была особо озлоблена против существующего государственного строя в СССР, где, как она говорила, не дадут свободно развиваться прогрессивной мысли художника и заставляют творить по заказу и определённому штампу. Разговор этот возник в связи с тем, что написанная ею пьеса «Наташа» была оценена как политически невыдержанная.

Вопрос. А Вы, конечно, не преминули случая воспользоваться этим обстоятельством во вражеских целях. Так?

Ответ. Это верно. Для вовлечения Сейфуллиной в троцкистскую организацию был тогда подходящий момент. Учитывая это обстоятельство, а также то, что Сейфуллина издавна находилась под моим антисоветским влиянием, я во время этого разговора, который проходил на даче у Сейфуллиной в посёлке Переделкино, открыто поставил перед ней вопрос об участии её в троцкистской организации. Она согласилась.

Вопрос. Какие задачи поставили Вы перед ней?

Ответ. Сейфуллиной, как и Пастернаку, я поручил антисоветскую обработку и вовлечение писательской молодёжи в троцкистскую организацию.

Вопрос. Как они выполняли Ваши эти вражеские указания?

Ответ. Пастернак, например, как мне известно с его же слов, вовлёл в антисоветскую троцкистскую организацию озлобленно настроенных писателей Кирсанова Семёна, Брика Осипа. Вместе с ними Пастернак проводил вражескую работу на литературном фронте.

Вопрос. А Вы лично были связаны с Кирсановым и Бриком по антисоветской работе?

Ответ. Нет. Они, очевидно, знали о моей роли в троцкистской организации среди писателей, но устанавливать с ними непосредственные связи по практической вражеской работе не было никакой необходимости. С Кирсановым и Бриком, повторяю, был связан Пастернак. Должен попутно сказать, что не только к этому сводилась роль Пастернака в расширении кадров троцкистской организации.

Вопрос. Следует ли понимать это так, что Пастернак вовлёл ещё кого-нибудь в троцкистскую организацию?

Ответ. Да, Пастернак информировал меня, что ему удалось окончательно обработать и вовлечь в троцкистскую организацию среди писателей Вс.Иванова и Константина Федина.

Вопрос. Это по Вашему указанию?

Ответ. Да, Иванов и Федин были вовлечены Пастернаком во вражескую работу троцкистской организации по моей рекомендации и установке. По моим указаниям действовала также участница нашей троцкистской организации Сейфуллина.

Вопрос. В каком направлении?

Ответ. Сейфуллина обрабатывала в антисоветском духе писателя Афиногенова и очень просила меня помочь ей завершить вовлечение его в нашу организацию.

Вопрос. Говорили ли Вы с Афиногеновым в этом направлении?

Ответ. Нет, мне это не удалось, так как всё время не было подходящей обстановки для откровенного разговора с Афиногеновым. Других конкретных фактов антисоветской деятельности Сейфуллиной я сейчас не помню.

Вопрос. Вы показали, что в троцкистскую организацию Вами были вовлечены также и Олеша. Какие указания Вы ему давали?

Ответ. Несмотря на то, что Олеша в троцкистскую организацию был завербован лично мною, практической вражеской его работой руководил непосредственно Мальро. По указаниям Мальро Олеша проводил серьёзную работу по подбору волевых и наиболее надёжных, с точки зрения интересов нашей организации, людей для выполнения особых заданий.

Вопрос. Известны ли Вам эти «особые» задания?

Ответ. Да, основной смысл их я знаю. После моей информации Мальро о том, что я вовлёл Олешу в нашу троцкистскую организацию, Мальро заметил, что Олеша является очень необходимым для нас человеком. Тогда же Мальро в присутствии Эренбурга и меня высказал свои соображения о том, что этой «буйной натуре» — Олеше нужно будет дать соответствующее направление.

Вопрос. Что это означало?

Ответ. Речь шла тогда о том, чтобы использовать Олешу по подбору необходимых кадров, могущих быть использованными по линии физического устранения руководителей партии и советского правительства. Было совершенно ясно, что Мальро намечает использование Олеша как участника троцкистской организации для террористических целей.

Вопрос. Может быть, Олеша вовсе не знал, какие замыслы в отношении его имеются у Мальро?

Ответ. Олеша об этом хорошо знал, так как и он присутствовал при этом разговоре Мальро со мной и Эренбургом.

Вопрос. Насколько следствию известно, Мальро не владеет русским языком. Как же он изъяснялся с Вами?

Ответ. Обычно, где бы Мальро ни был, его сопровождала переводчица из «Интуриста» или ВОКСа, фамилию которой я не знал.

Вопрос. Что же, эта переводчица присутствовала и при этих антисоветских разговорах?

Ответ. Нет, в этом случае переводчиком Мальро являлся Эренбург. Таким образом, и я и Олеша хорошо знали о существовании тех задач, которые были поставлены перед ним.

Вопрос. Вы, следовательно, должны знать и о вражеской работе Олеша по подготовке террористических актов?

Ответ. Подробно о практической предательской работе Олеша по подбору и подготовке террористических кадров я не осведомлён, так как Олеша не распространялся по этому поводу. Между тем, со слов Олеша я знал, что для террористических целей им лично были привлечены ленинградский писатель Стенич и режиссёр Большого драматического театра Ленинграда Дикий. Впоследствии оба они были разоблачены и арестованы органами НКВД. Больше ничего о практической антисоветской деятельности Олеша в части подготовки террористических кадров я не знаю.

Вопрос. Чем это объяснить? Неужели Олеша конспирировался от Вас?

Ответ. Дело не в том. В период, когда у меня с Олешей были хорошие отношения, он откровенно разговаривал со мной на антисоветские темы и ничего не скрывал. Впоследствии же наши отношения испортились.

Вопрос. Почему?

Ответ. Потому, что Олеша как-то взял у моей жены 3 тысячи рублей и, так как он в течение долгого периода времени не возвращал этой суммы, жена была вынуждена подать на него в суд. После этого взаимоотношения между нами испортились, и я с Олешей не встречался.

Вопрос. Но встречались с другими участниками троцкистской группы?

Ответ. Ни с кем больше, кроме уже перечисленных мною участников троцкистской организации, я связи не поддерживал

Вопрос. Вы говорите неправду и продолжаете скрывать свои антисоветские связи. Признаёте Вы это?

Ответ. Хотя других организационных связей, кроме Пастернака, Сейфуллиной и Олеша, у меня не было, я всё же признаю, что до последнего времени поддерживал антисоветскую связь с рядом других работников художественного фронта, в частности, с кинорежиссёром Эйзенштейном и Гариным, художниками Штеренбергом и Дмитриевым, а также с композитором Шостаковичем и Шебалиным. Помню даже мой разговор по этому вопросу с Эренбургом во время его приезда из Парижа в 1938 году.

Вопрос. О чём вы говорили с ним?

Ответ. Я информировал тогда Эренбурга о практической вражеской работе участников нашей террористической организации. В этой связи Эренбург спросил меня, а каковы же дальнейшие перспективы в части привлечения новых людей в нашу организацию. Я ответил, что занимаюсь обработкой Эйзенштейна, Гарина, Штейнберга, Дмитриева, Шостаковича и Шебалина в расчёте на вовлечение их в троцкистскую организацию. Эренбург одобрил эти мои намерения и рекомендовал ускорить их привлечение к практической подрывной работе.

Вопрос. Какие Вы имели основания рассчитывать на возможное вовлечение этих лиц в троцкистскую организацию?

Ответ. Я учитывал, во-первых, антисоветские настроения каждого из перечисленных мною лиц, о чём я знал из личных разговоров с ними, и, во-вторых, мне были известны отдельные вражеские их дела.

Вопрос. Например?

Ответ. Начну с Сергея Эйзенштейна, который является озлобленно настроенным против советской власти человеком. Советское правительство как-то командировало Эйзенштейна в Америку в расчёте на получение от него творческой кинопродукции. Так вот, вместо того, чтобы работать в контакте с Амторгом, Эйзенштейн продался капиталисту Синклеру, в руках которого остался заснятый Эйзенштейном фильм. Бражеская работа Эйзенштейна выражалась также в том, что он пытался выпустить на экран антисоветский фильм «Бежин луг», но ему это не удалось, так как съёмка была прервана по указанию правительства. Антисоветски настроенные кинорежиссёры Гарин Эраст и Роом также проводили подрывную работу.

Вопрос. Это Вам так кажется?

Ответ. Нет, это факт. Мой выученик кинорежиссёр Гарин, например, вредительски сработал фильм «Женитьба» по Гоголю. Он израсходовал колоссальную сумму государственных средств, и в результате эта картина, как искажающая классическое произведение, не была допущена на экран. Другой мой ученик, режиссёр киевской кинофабрики Роом сработал фильм по сценарию участника нашей троцкистской организации Юрия Олеши «Строгий юноша». В этой картине Роом оклеветал советское юношество, и молодёжь была им показана не как советская, а, по настояниям самого Олеши, с фашистским духом.

Вопрос. А в чём заключается антисоветская работа остальных лиц, намеченных Вами к вовлечению в троцкистскую организацию?

Ответ. Кадровый троцкист художник Штеренберг Давид Петрович, «желая перестроиться» в своей специальности (абстрактные натюрморты), перешёл к жанровой живописи и не нашёл ничего лучшего, как написать портрет врага народа Примакова.

Вопрос. А Вы-то причём? Откуда Вам было известно, что Штеренберг троцкист?

Ответ. Штеренберг как троцкист был мне известен ещё по 1921 году в период нашей совместной работы в Наркомпро-

се, где я заведовал театральным, а он изо отделом. Ещё в то время Штеренберг оказывал на меня троцкистское влияние. Приверженность Штеренберга к Троцкому была настолько очевидной, что он даже «хвостом ходил» за женой Троцкого, которая заведовала тогда музейным отделом Наркомпроса. В период профсоюзной дискуссии Штеренберг стоял на платформе Троцкого и был вообще под сильным обаянием личности Троцкого. Свои троцкистские настроения Штеренберг высказывал мне неоднократно, и я считал его вполне подходящим человеком для участия в троцкистской организации. Вот и всё, что мне было известно об антисоветских настроениях и вражеской работе Штеренберга. Теперь хотел бы остановиться на Дмитриеве.

Вопрос. Что Вам о нём известно?

Ответ. Дмитриев Владимир Владимирович в течение ряда лет являлся моим учеником и всегда был настроен антисоветски, тем более в последнее время в связи с арестом его жены в Ленинграде. Дмитриев по этому поводу проявил ещё более яростные антисоветские тенденции. В разговорах со мной у него не было почти ни одной реплики без того, чтобы не высказать гнусной клеветы против партии и советского правительства.

Вопрос. Знаете ли Вы, кто такая жена Дмитриева и за что она арестована?

Ответ. Детально об этом я не осведомлён. Однако, со слов самого Дмитриева мне известно, что жена его является уроженкой Армении или Грузии и арестована, якобы, за преступные связи с кавказскими контрреволюционерами.

Вопрос. А в чём заключалась Ваша антисоветская связь с Шостаковичем и Шебалиным?

Ответ. С Шостаковичем вплоть до последнего времени я имел ряд откровенных антисоветских разговоров, в которых он выражал свои озлобленные настроения против советского правительства. Шостакович мотивировал это тем, что, мол, в европейских странах его произведения очень ценят, а здесь только прорабатывают. В этой связи Шостакович высказал мне свои намерения выехать за границу и больше не возвращаться в Советский Союз. Что же касается Шебалина,

то он также нередко выражал мне свои антисоветские настроения и озлобленность в связи с отрицательной оценкой его формалистических музыкальных произведений. Основываясь на этих данных, я и намеревался вовлечь этих лиц в нашу троцкистскую организацию. Однако осуществить этого мне не удалось.

Вопрос. Все ли свои антисоветские связи Вы высказали?

Ответ. Да. Правда, со слов Эренбурга мне были известны также как участники троцкистской организации дочь Эренбурга Лапина и Мильман, который является секретарём Эренбурга и проживает в Москве, но у меня лично антисоветской связи с ними не было.

Вопрос. У Вас были не только троцкистские, но и шпионские связи. Почему Вы об этом не говорите?

Ответ. Скрывать я ничего не думаю и просто забыл рассказать следствию о некоторых «шпионских услугах», которые я оказывал английскому разведчику Фред Грей.

Вопрос. Кто такой Грей? И что было у Вас общего с ним?

Ответ. С Греем я знаком еще с 1913 года. Это знакомство произошло на той основе, что он с того времени являлся мужем одной из моих учениц, Барсовой Анны Константиновны. С момента знакомства у меня установились очень близкие приятельские отношения с Греем.

Вопрос. И с этого же времени Вы связаны с ним по шпионской работе?

Ответ. Нет. Шпионская связь с Греем у меня установилась лишь с конца 1934 года или начала 1935 года, когда он последний раз приезжал в Москву. Тогда я выполнил несколько его шпионских поручений.

Вопрос. В чём именно заключалась ваша шпионская связь с Греем?

Ответ. В том, что я помог Грей связаться с Рыковым и бывшим в то время заместителем народного комиссариата финансов СССР Манцевым по изменческой шпионской работе. Наряду с этим признаю, что я дал Грей рекомендацию, которую он должен был использовать для продления срока его пребывания в Советском Союзе. Однако одной моей рекомендацией было мало, и Грей должен был достать вторую.

Вопрос. Достал ли её Грей?

Ответ. Да. Вторую рекомендацию дала родная сестра его жены Барсова Елена Константиновна. В то время, то есть в начале 1935 года, она жила в гостинице «Метрополь» и работала, кажется, в Наркомюсте. В Москве же проживала и вторая сестра жены Грея, фамилии её не знаю, но помню, что она была замужем за неким Карпинским, который специализировался в крестьянских вопросах и работал, кажется, в редакции «Крестьянской газеты». После 1935 года я с Греем не встречался и шпионской связи с ним не поддерживал.

Вопрос. Однако шпионскую работу продолжали через других. Признаёте Вы это?

Ответ. Прямой шпионской связи у меня больше ни с кем не было. Признаю между тем, что благодаря бывшему наркому иностранных дел Литвинову я всегда приглашался на дипломатические приёмы, где при встрече с иностранцами распространял клеветнические измышления о Советском Союзе, руководителей партии и советского правительства. Не отрицаю также и того, что мною в разговорах с дипломатическими представителями иностранных государств разбалтывались партийные секреты.

Вопрос. И это всё?

Ответ. Да, больше никакой троцкистской и шпионской работы не вёл.

Допрос прерывается.

Протокол читал, все записано с моих слов верно.

Допросил Воронин.

Документ № 12

16 июля 1939 г.

Протокол от 16/VII 1939

Допрос начат в 10 утра окончен 24 часа

Вопрос. На прошлом допросе Вы скрыли и не рассказали полностью о своей предательской шпионской работе в пользу иностранных государств. Следствие предлагает рассказать Вам об этом.

Ответ. Действительно, на прошлых допросах я скрыл свою прямую шпионскую работу в пользу английской разведки, прикрываясь лишь рассказом о шпионских связях с Фредом Греем. Правда, Грей также являлся английским шпионом, с которым у меня была установлена связь, но это не всё. Прямая шпионская связь у меня была установлена с Балтрушайтисом.

Вопрос. Кто такой Балтрушайтис?

Ответ. Я всё объясню. С Балтрушайтисом я знаком с 1905 года, когда мы встречались в редакции журнала символистов «Весы». Балтрушайтис был в то время уже литератором, а я являлся режиссёром театра-студии на Поварской улице в Москве. Ещё в то время у меня с Балтрушайтисом установились приятельские отношения. После революции Балтрушайтис перешёл в литовское подданство и уехал в Литву. Через пару лет он возвратился в Москву уже в качестве литовского посла. С этого времени и вплоть до весны 1939 года Балтрушайтис очень часто бывал у меня на квартире, так же как я бывал у него в литовском посольстве.

Вопрос. Какой характер носила Ваша связь с литовским послом Балтрушайтисом?

Ответ. Должен прямо сказать, что до 1932 года я находился просто в дружеских отношениях с Балтрушайтисом, а в 1933 году я был Балтрушайтисом привлечен к шпионской работе в пользу английской разведки, на которую он и сам работал.

Вопрос. Откуда Вам известно, что Балтрушайтис работал на английскую разведку?

Ответ. В одну из встреч в 1933 г. у меня на квартире Балтрушайтис рассказал мне, что он ведёт шпионскую разведывательную работу в СССР в пользу Англии. Это происходило в ту встречу, когда он мне сказал, что я, Мейерхольд, должен помогать ему в этой работе.

Вопрос. Вы дали на это свое согласие?

Ответ. Да, я дал Балтрушайтису слово, что буду ему помогать по шпионской работе в пользу английской разведки.

Вопрос. Балтрушайтис назвал Вам лиц, кто ему ещё помогает проводить шпионскую работу в СССР при этой встрече?

Ответ. Нет, он при этой встрече мне не назвал лиц, проводивших шпионскую работу.

Вопрос. А когда назвал?

Ответ. Он назвал позже.

Вопрос. Кого именно?

Ответ. Он назвал двух лиц, Шпета Густава Густавовича*, ныне сосланного в Томск, Подгорного Николая Афанасьевича, работает сейчас в МХАТе в качестве актёра. От вышеуказанных лиц Балтрушайтис получал интересовавшие его сведения шпионского характера для английской разведки.

Вопрос. Какие сведения Вам известны?

Ответ. Балтрушайтис мне об этом не говорил, да и не было необходимости в этом.

Вопрос. У Вас была установлена шпионская связь с Подгорным и Шпетом?

Ответ. Нет, не была.

Вопрос. Какие задачи перед Вами поставил Балтрушайтис, конкретно, и в чём Вы ему должны помогать?

Ответ. Он поставил передо мной ряд вопросов, по которым я должен его систематически информировать. Во-первых, докладывать о всех партийных секретных делах, например, о секретных письмах, документах ЦК ВКП(б), которые обычно зачитываются на партсобраниях. Во-вторых, информировать о

* Философ, переводчик Г.Г. Шпет был арестован в марте 1935 г. и выслан в Тольский, в 1937 г. был арестован в 1937 г. в Томске и вскоре расстрелян.

настроениях советской интеллигенции по линии театра, литературы, кино. В-третьих, помогать обрабатывать ему людей, которых он бы мог привлекать к шпионской работе. В-четвёртых, информировать о происходящих арестах и обо всём, что связано с этими арестами.

Вопрос. Вы выполняли эти задачи?

Ответ. Да, по всем этим вопросам я информировал Балтрушайтиса, который вследствие этого был в курсе всех вопросов в нашей стране. И Балтрушайтис и английская разведка были довольны моей работой.

Вопрос. Расскажите, каким образом Вы проводили практически шпионскую работу в пользу английской разведки?

Ответ. Дело началось с того, что Балтрушайтис в 1933 г. стал настойчиво требовать от меня приёма на службу в руководимый мною театр некого Азерского Валериана Александровича, при этом сказал, что он будет и на меня «работать».

Вопрос. Что значит, на меня «работать»?

Ответ. Это значит, что он устраивает шпиона для шпионской работы, которого я должен прикрывать. Я должен сказать, что с целью конспирации у нас выработался свой лексикон, вместо слов «шпион» и «на разведку» мы употребляли два слова на «меня работать» или на «наас работать», что значит работать на английскую разведку. Когда он требовал устроить Азерского, то и употребил слово, что он будет на «меня работать», я это понимал и без слова «разведка» или «шпион», что Азерский устраивается для проведения шпионской работы.

Вопрос. Кто такой Азерский?

Ответ. Я его лично не знал, но знал его жену Полонскую, которая работает как артистка в МХАТе. Азерский никогда никакого отношения к театру не имел.

Вопрос. Откуда мог знать Азерского Балтрушайтис?

Ответ. Мне это неизвестно, откуда он его знал.

Вопрос. Вы приняли Азерского на работу?

Ответ. Да, я Азерского принял в театр в качестве администратора, который проработал у меня года полтора и по требованию парторганизации театра я вынужден был его уволить.

Вопрос. На основании чего парторганизация требовала его увольнения?

Ответ. В процессе работы он вёл себя подозрительным человеком. Заметно было, что Азерский работает меньше всего для театра, а занят какой-то посторонней работой.

Вопрос. Вы были связаны по шпионской работе с Азерским?

Ответ. Нет, да и не настаивал на этом Балтрушайтис. Работа Азерского в театре была маскировкой для его шпионской работы на стороне.

Вопрос. Где сейчас Азерский?

Ответ. После ухода из руководимого мною театра он поступил в качестве администратора в театр, руководимый Завадским в Ростове-на-Дону, а в мае месяце 1939 года я его встретил на улице в Москве, правда, с ним не смог говорить, так как он ушёл.

Вопрос. Кого еще устраивал Балтрушайтис на работу в театр, Вами руководимый?

Ответ. В 1936 г. Балтрушайтис, будучи у меня на квартире, сказал, что из Литвы в Советский Союз приехал молодой режиссёр Михневичус, являющийся одним из моих театральных поклонников. При этом Балтрушайтис просил меня устроить этого режиссера в театр в качестве как бы стажёра.

Вопрос. И Вы это сделали?

Ответ. Да, просьбу Балтрушайтиса я выполнил, он при этом сказал, что он будет на «меня работать», я понял, что Балтрушайтис устраивает ко мне в театр шпиона. В процессе его работы я не принимал никаких мер, чтобы сколько-нибудь контролировать его работу. Он так же, как Азерский, работал меньше для театра, а больше работал на стороне, что от общественности театра скрывал. В результате такого подозрительного поведения, парторганизация поставила вопрос передо мной об увольнении этого подозрительного «стажёра», что я и вынужден был сделать. Вскоре после этого Михневичус вынужден был выехать обратно в Литву.

Вопрос. Значит, Азерский и Михневичус были устроены Вами в театр в целях создания им возможностей для ведения шпионской работы?

Ответ. Совершенно правильно, мне было известно, что они проводят шпионскую работу в пользу английской разведки.

Вопрос. Расскажите, какие Вы лично собирали сведения и передавали английской разведке через Балтрушайтиса?

Ответ. Я систематически информировал о партийных секретных решениях и документах ЦК ВКП(б), которые я знал через свою партийную организацию. Помню несколько случаев, когда я Балтрушайтису рассказывал содержание секретных писем к парторганизации ЦК. Балтрушайтис внимательно выслушивал меня и переписывал. Я, как антисоветски настроенный человек, знал ту прослойку интеллигенции, которая стояла на позиции троцкизма, которая антисоветски настроена, я об этом говорил Балтрушайтису, называл фамилии.

Вопрос. Кого вы называете?

Ответ. В области литературы я называл Пастернака и Олешу, восхвалял их как талантливых людей и клеветнически говорил, что советская власть их зажимает и не печатает их произведения. В области кино — Сергея Эйзенштейна, музыки — Шостаковича, Шебалина, Попова. Он этими людьми интересовался как близкими, своими, о которых даже давал сообщения в заграничную печать как о людях, которых якобы зажимает советская власть и не даёт им развёртываться.

Вопрос. Ещё что передавали?

Ответ. Я собирал сведения об арестах среди интеллигенции (этим вопросом Балтрушайтис особенно интересовался) и передавал Балтрушайтису, называл лиц. Помню случай, когда я дал адрес к ссыльному осуждённому Николаю Эрдману (писатель), Балтрушайтис организовал посылку с заграничными предметами и переслал ему через жену Эрдмана.

Вопрос. Вы снова стараетесь обойти и скрыть свою шпионскую работу, говоря о второстепенных вопросах, скрывая основные. Намерены ли рассказывать всю правду о Вашей шпионской работе?

Ответ. Я говорю правду, как это было и что я сделал как шпион.

Вопрос. Вы не говорите, какие сведения секретного порядка передавали английской разведке, имеющие оборонное значение. Скрываете лиц, на которых Вы опирались, проводя шпионскую работу. Следствие предлагает рассказать Вам об этом.

Ответ. Нет, я не скрываю мне известных шпионов, я Вам их назвал. Сведения для английской разведки, имеющие оборонное значение, я сам не передавал. По настоянию Балтрушайтиса я должен [был] связать его с кем-либо из военных работников.

Вопрос. Вы выполнили это задание Балтрушайтиса?

Ответ. Да, я выполнил данное мне задание Балтрушайтиса.

Вопрос. С кем Вы Балтрушайтиса связали из военных работников?

Ответ. Я Балтрушайтиса связал с Беловым Иваном Панфиловичем, когда он работал в Москве в качестве начальника Московского военного округа.

Вопрос. Вы что, были знакомы с ним?

Ответ. Я познакомился с ним ещё в Ленинграде, точно не помню, кажется, в 1931 г., в то время он работал начальником военного округа. Я Белова приглашал на спектакли в театр за оказанную им мне любезность.

Вопрос. Какую любезность оказал Вам Белов?

Ответ. Дело в том, что одно время я обратился к Белову как к начальнику военного Ленинградского округа с ходатайством оказать содействие пианисту В.В. Софроницкому, у которого были какие-то неполадки с военным билетом. После этого Белов вызвал к себе Софроницкого и устроил ему всё с военным билетом.

Вопрос. Непонятно, почему Вы это вдруг начали ходатайствовать за Софроницкого?

Ответ. Софроницкий хороший мой друг, а сам он этого не смог сделать и обратился ко мне за помощью.

Вопрос. С Беловым Вы часто встречались?

Ответ. В Ленинграде, когда театр бывал там на гастролях, он заходил ко мне раза три в Европейскую гостиницу, где я жил, а также и на спектаклях с ним встречался. Позже в Москве я с ним продолжал иметь встречи у меня на квартире.

Вопрос. Что это были за встречи?

Ответ. Встречи носили чисто дружеский характер.

Вопрос. Когда же Вы связали с Балтрушайтисом Белова?

Ответ. Кажется, в 1935 году, когда мне Балтрушайтис предложил пригласить Белова ко мне на квартиру.

Вопрос. Встреча состоялась?

Ответ. Состоялась у меня на квартире за обедом. После чего Балтрушайтис с Беловым продолжали свои встречи.

Вопрос. С какой целью Вы познакомили Белова с Балтрушайтисом?

Ответ. Просто для знакомства.

Вопрос. Говорите правду?

Ответ. Я познакомил Белова с Балтрушайтисом с тем, чтобы последний смог его привлечь для шпионской работы в пользу английской разведки, от которого можно было получить секретные военные сведения.

Вопрос. Ну и как, Белов был привлечён к шпионской работе на английскую разведку?

Ответ. Я не интересовался этим, но я думаю, что у них установились деловые шпионские отношения.

Вопрос. Кто еще был Вами познакомлен с Балтрушайтисом для привлечения к шпионской работе?

Ответ. Я устроил встречу у себя на квартире Балтрушайтиса с английским шпионом Фредом Греем в 1935 году, о котором я показывал на прошлом допросе и с которым у меня была установлена шпионская связь с 1935 года. Фред Грей и Балтрушайтис не знали друг друга и я их свёл как людей, занимающихся одной работой для одной разведки. С другой стороны была приглашена жена английского посла, с которой знакомил меня Балтрушайтис.

Вопрос. Что это за знакомство с женой английского посла, на какой основе Вас знакомил Балтрушайтис?

Ответ. На общей основе нашей работы.

Вопрос. Какой работы?

Ответ. Работы шпионского характера. Я должен сказать, что при этой встрече у нас получилась тройственная связь, которая носила шпионский характер, жена посла (фамилии её не помню) являлась хозяином, а мы людьми, работающими на неё.

Вопрос. Грей продолжал встречаться с Балтрушайтисом?

Ответ. Нет, он вскоре уехал в Англию, так как был заподозрен в шпионаже и виза ему не была дана на пребывание в СССР, хотя я и давал рекомендацию ему на получение визы.

Допрос прерывается.

Протокол записал с моих слов правильно Вс.Мейерхольд-Райх

Допросил М.Воронин

Документ № 13

19 июля 1939 г.

Протокол допроса от 19 июля 1939

начат в II утра окончен в 18 час.

Мейерхольд-Райха Всеволода Эмильевича

см. допрос от II/VII

Вопрос. На прошлых допросах Вы продолжали скрывать Вашу шпионскую предательскую работу в пользу иностранных государств. Намерены ли Вы сейчас рассказать всю правду о шпионской своей работе?

Ответ. Я уже Вам показал на прошлом допросе, что был завербован английским шпионом Фредом Греем, а затем Балт-рушайтисом, правда, я скрыл от следствия ещё одно обстоятельство.

Вопрос. Какое обстоятельство?

Ответ. Я был ещё раз завербован и являлся агентом японской разведки.

Вопрос. Когда Вы были завербованы японской разведкой?

Ответ. Приблизительно (точно не помню) во второй половине 1935 г.

Вопрос. Кем?

Ответ. Я был завербован японским шпионом, неким Секи-Саном, который работал в руководимом мною театре в качестве стажёра-режиссёра с 1933 года примерно до октября 1937 года.

Вопрос. Где Вас завербовал Секи-Сано?

Ответ. Это было в кабинете научно-исследовательской лаборатории при театре, когда мне Секи-Сано сдавал работу, которую я ему поручал, и у нас здесь состоялся откровенный большой разговор.

Вопрос. Расскажите, что был у Вас за разговор с Секи-Сано?

Ответ. Я должен сказать, что в 1935 году я был сильно [озлоблен] на правительство по поводу того, что мне не разрешил Наркомпрос отпраздновать 15-летний юбилей театра. Всю эту озлобленность я при этой встрече выражал Секи-Сану, который выражал мне сочувствие, говоря, что мне не нужно волноваться, что моё имя широко известно за границей, пресса моё имя часто упоминает, давая моим работам положительную оценку, что он (Секи-Сано) постарается осветить в японской и американской прессе за границей моё положение в СССР.

Вопрос. И что же дальше?

Ответ. Я был удивлён, когда Секи-Сано сказал, что он связан с японской прессой, так как при поступлении в театр он уверял, что он с Японией всё порвал и не имеет никаких связей. Я сказал тогда ему: «Почему ты не говорил об этом, когда поступал к нам?» — он смутился сперва, а затем заговорил, что он связан не только с японской прессой, но и с разведкой, агентом которой является.

Вопрос. Как Вы на это заявление реагировали?

Ответ. Я отнёсся, как к японскому агенту и стал с большим раздражением клеветнически нападать на целый ряд фактов в нашей стране, изливал это Секи-Сано. В это время я был ужасно расстроен и даже рад, что я встретил японского разведчика, которому мог бы всю злобу и недовольство излагать на советское правительство.

Вопрос. После этого Секи-Сано предложил Вам работать на японскую шпионскую разведку. Да?

Ответ. Да, он сказал мне, что я должен работать на японскую разведку.

Вопрос. Вы дали на это согласие?

Ответ. Да, я дал на это согласие и ещё сильнее стал ему изливать свою злобу по отношению к советской власти и существующих порядков в различных отраслях. Я всячески восхвалял заграничные издания литературы по искусству, особенно французскую, что в нашей театральной прессе работают люди почти неграмотные. Всё это я говорил клеветнически.

Вопрос. Тогда, когда Вы дали согласие, что вы желаете работать на японскую разведку, что Вам на это ответил Секи-Сано?

Ответ. Он сказал, что это очень хорошо, и просил меня собирать сведения и передавать ему.

Вопрос. Вы согласились?

Ответ. Да, я дал ему на это согласие.

Вопрос. О каких он говорил сведениях?

Ответ. Он прямо мне не сказал, но я сам понимал, что его интересуют сведения об искусстве, вернее же те сведения, которые я передавал и Балтрушайтису — английскому шпиону.

Вопрос. Какие именно?

Ответ. Об интеллигенции, об арестах и партийных секретных постановлениях.

Вопрос. Вы передавали Секи-Сано сведения секретного характера?

Ответ. Нет, я ему не передавал, так как после вербовки я рассказал об этом Балтрушайтису, который категорически запретил мне работать на японскую разведку.

Вопрос. Почему?

Ответ. Он мне не говорил почему.

Вопрос. Вы прекратили после этого связь с Секи-Сано?

Ответ. На втором свидании с Секи-Сано я сказал ему, что сведений давать для японской разведки не буду, а попросил его связаться с Варпаховским (арестован) и Александром Константиновичем Гладковым (которые работают в научно-исследовательской лаборатории при театре научными сотрудниками).

Вопрос. Почему Вы направили Секи-Сано к Гладкову и Варпаховскому?

Ответ. Это были антисоветские люди, которые никогда не были советскими людьми, они разделяли мои антисоветские взгляды.

Вопрос. Секи-Сано установил шпионскую связь с Варпаховским и Гладковым?

Ответ. Я уверен в этом, хотя мне об этом не говорил Секи-Сано, но было заметно, что это стала единая группа, которая носила подозрительный характер. Парторганизация неоднократно ставила передо мной вопрос об увольнении всех этих людей, но я сознательно не принимал никаких мер.

Вопрос. Где сейчас Гладков?

Ответ. Как я узнал из газеты «Правда», в начале июня месяца с.г. Гладков осужден на I год принудительных работ за кражу книг из Ленинской библиотеки.

Вопрос. Вам Секи-Сано говорил, с кем он был связан по шпионской работе в СССР, кто ему давал сведения для японской разведки?

Ответ. Нет, он мне не называл лиц, с кем он работал.

Вопрос. Вы снова продолжаете лгать. Говорите правду о своей шпионской работе в пользу японской разведки.

Ответ. Я говорю всю правду, как было.

Вопрос. Где сейчас Секи-Сано?

Ответ. Он ушёл от меня в конце 1937 года и уехал в Америку, об этом я узнал в начале 1939 года, когда он мне прислал из Америки открытку, на которой он мне писал привет.

Вопрос. Как он мог уехать в Америку?

Ответ. Мне этого неизвестно.

Допрос прерывается.

Протокол записан с моих слов правильно Вс.Мейерхольд-Райх

Допросил: ст. следов. следчасти НКВД СССР

лейт. Госбезопасности

М. Воронин

Документ № 14
20 августа 1939 г.

[Протокол допроса от 20 августа 1939 г.]

Вопрос. Прошлый допрос мы закончили Вашей шпионской связью с английским разведчиком Греем. Следствие, однако, располагает данными о том, что английская разведка далеко не довольствовалась услугами, которые Вы оказывали ей через Грея. Начав говорить правду — показывайте всё до конца, выдавайте всех сообщников по своей анти-советской шпионской работе.

Ответ. На первом допросе я действительно скрыл свою шпионскую связь с Юргисом Балтрушайтисом. Он мой старый друг и мне поэтому не хотелось показывать подлинное его лицо разведчика, который на протяжении ряда лет вёл шпионскую работу на территории СССР, прикрываясь официальным званием литовского посла.

Вопрос. Только ли Балтрушайтиса и свою шпионскую связь с ним Вы скрыли от следствия?

Ответ. Нет, не только. Признаюсь, что я был также связан по шпионской работе с японским режиссёром Секи Сано.

Вопрос. А с ним Вы на какую разведку работали?

Ответ. На японскую.

Вопрос. Скажите, разве Балтрушайтисом и Секи Сано исчерпывается круг Ваших шпионских связей?

Ответ. Нет. Со слов Балтрушайтиса мне известны как английские разведчики литераторы Густав Шпет (арестован в 1937 г. и сослан в Томск), администратор театра им. Завадского Валерий А[зерский], артист МХАТ Николай Подгорный и литовский режиссёр Михневичус.

Вопрос. А теперь Вы уже назвали всех соучастников Вашей шпионской работы?

Ответ. Я заявляю, что указанными выше лицами исчерпывается круг известных мне английских разведчиков, ведущих работу на территории СССР.

Вопрос. Ваше заявление мы ещё проверим, а пока начинайте свои показания с момента установления Вами шпионской связи с Балтрушайтисом.

Ответ. С Балтрушайтисом я знаком давно: ещё в 1905 году мы вместе сотрудничали в редакции журнала «Весь», Балтрушайтис в то время являлся литератором, а я работал режиссёром в театре-студии на Поварской улице в Москве. Уже тогда у меня с Балтрушайтисом установились близкие приятельские отношения. После революции Балтрушайтис перешёл в литовское посольство [подданство] и вскоре уехал в Литву, но через пару лет снова возвратился в Москву в качестве литовского посла. С этого времени на протяжении почти двадцати лет я поддерживал дружеские отношения с Балтрушайтисом, который часто бывал у меня на квартире в Москве, а я — у него в литовском посольстве.

Вопрос. Факт Вашей личной близости с Балтрушайтисом ещё мало о чём говорит. Укажите обстоятельства, при которых Вы с ним установили отношения двух разведчиков, ведущих шпионскую работу в СССР.

Ответ. При той дружбе, которая возникла у нас ещё с 1905 года, естественно, я не скрывал от Балтрушайтиса своих антисоветских взглядов. Он на это отвечал лишь полной откровенностью.

Вопрос. Выходит, что ещё с первых лет пребывания Балтрушайтиса в СССР Вы знали его действительные функции как английского разведчика?

Ответ. Во всяком случае догадывался. Да и Балтрушайтис не особенно скрывал от меня своё стремление завязывать возможно более широкие связи как в культурном мире, так и в особенности среди работников Красной Армии и Военно-морского флота.

[Пропущена страница.]

шпионской информации.

Ответ. Да. По требованию Балтрушайтиса я систематически снабжал его сведениями о настроениях советской интеллигенции, работников театра, литературы и кино. Я систематически информировал его о происходящих арестах и в этой связи о политических настроениях населения страны, об отношениях различных прослоек населения к состоявшимся процессам над троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами. Далее я регулярно информировал Балтрушайтиса о внутривнутрипартийном положении, секретных решениях, письмах и других документах ЦК ВКП(б), к которым я имел доступ как член партии. Наконец, я способствовал расширению связи Балтрушайтиса опять-таки в тех же шпионских целях. Руководимый мною театр стал ареной разведывательной работы Балтрушайтиса, местом завязывания им связей не только в среде интеллигенции, но и в кругу военных. В 1933 году Балтрушайтис настойчиво потребовал от меня принять на службу в руководимый мною театр некоего Азерского Валерия Александровича, сказав, что тот должен будет работать «на нас».

Вопрос. В каком же плане должен был «работать» Азерский?

Ответ. В целях конспирации у нас с Балтрушайтисом выработался свой лексикон. Слово «работать на нас» означало в действительности — работать на английскую разведку. Поэтому стоило лишь Балтрушайтису сказать, что Азерский «будет работать на нас», как мне стал ясен подлинный смысл этой комбинации. Балтрушайтис таким образом дал мне знать, что устраивает на работу в театр шпиона, а на моей обязанности лежит его всячески прикрывать.

Вопрос. И Вы это делали не без успеха, не правда ли?

Ответ. Да. Я принял Азерского в театр в качестве администратора и старательно прикрывал его разведывательную работу. Азерский был уволен только через полтора года своего пребывания в театре в результате нажима партийной организации.

Вопрос. Что же, коммунисты раскрыли подлинное лицо Азерского?

Ответ. Не совсем так. Прямых данных на этот счёт у партийной организации не имелось, однако для многих было

ясно, что Азерский меньше всего работает для театра, что занят он какими-то посторонними интересами и делами.

Вопрос. Где сейчас находится этот Азерский?

Ответ. Мне известно, что Азерский выехал в Ростов-на-Дону и некоторое время работал там в качестве администратора в театре Завадского. В мае 1939 года я случайно увидел его на улице в Москве, но поговорить нам не удалось, мы как-то разминулись.

Вопрос. В числе других связей Балтрушайтиса Вы назвали литовца Михневичуса. А этого шпиона Вам также пришлось маскировать под актёра или театрального администратора?

Ответ. Пришлось. В 1936 году Балтрушайтис поставил меня в известность о том, что приезжает молодой литовский режиссёр Михневичус, и предложил определить его на работу в театр.

Вопрос. Вы, стало быть, определили Михневичуса?

Ответ. По просьбе Балтрушайтиса я определил Михневичуса на работу в качестве стажёра-режиссёра в руководимый мною театр. Но Михневичус своим поведением навёл подозрение партийной организации, по требованию которой его также пришлось убрать. Получив отказ в продлении визы, Михневичус в начале 1937 года вынужден [был] уехать обратно в Литву.

Вопрос. Незачем изображать дело так, что Вас, Мейерхольд, английская разведка использовала только для устройства своих агентов. Потрудитесь уточнить характер всей своей шпионской работы для английской разведки.

Ответ. Я уже показывал о том, что регулярно снабжал Балтрушайтиса сведениями о настроениях, особенно среди интеллигенции. Зная о моей троцкистской работе, Балтрушайтис проявил особый интерес к моим организаторским связям по этой линии. Я поставил в известность Балтрушайтиса о том, что мною создана троцкистская группа в составе поэта Пастернака и писателей Олеси и Сейфуллиной, которых я, в свою очередь, по антисоветской работе связал с советским писателем, постоянно живущим в Париже, Ильёй Зренбургом, а также французом Андре Мальро. При этом я особо восхвалял Пастернака и Олешу, как талантливых лю-

дей, клеветнически заявляя, что советская власть их зажимает, что и этот факт характерен для неправильной — с моей точки зрения — политики партии в области литературы, что в Советском Союзе якобы не дают возможности развернуться подлинным талантам.

Вопрос. Кем ещё интересовался Балтрушайтис?

Ответ. Он интересовался также кругом, близким мне по духу, по антисоветским настроениям, из работников искусств. Я рассказал ему об антисоветских настроениях кинорежиссёра Эйзенштейна и композиторов Шостаковича, Шебалина и Попова. О всех четырёх Балтрушайтис давал даже сообщения в заграничной печати как о людях, которых якобы зажимает советская власть, держит их на задворках. По требованию английской разведки я собирал сведения об арестах среди интеллигенции. Помню также случай, когда я дал адрес осуждённого и ссылке писателя Николая Эрдмана, которому Балтрушайтис тотчас же организовал посылку с заграничными вещами и переслал через жену Эрдмана, балетную танцовщицу, фамилию которой постараюсь вспомнить и назвать на следующем допросе.

Вопрос. И это всё, что Вы делали для английской разведки?

Ответ. Я должен показать ещё об одном серьёзном поручении Балтрушайтиса. По его настоянию я должен был связать Балтрушайтиса с кем-либо из крупных военных работников.

Вопрос. С кем персонально Вы его связали?

Ответ. Я связал Балтрушайтиса с Беловым Иваном Панфиловичем в 1936 году, когда тот работал в Москве в качестве командующего Московским военным округом.

Вопрос. Откуда Вам известен Белов?

Ответ. Я познакомился с Беловым ещё в Ленинграде, не то в 1931, не то в 1932 годах, когда он командовал Ленинградским военным округом. В Ленинграде, куда я приезжал на гастроли вместе с руководимым мною театром, Белов три раза заходил ко мне в Европейскую гостиницу и встречал меня на спектаклях. Позже, в Москве, я продолжал с ним встречаться у меня на квартире.

Вопрос. Как всё-таки Вам удалось свести Балтрушайтиса с Беловым?

Ответ. Я пригласил к себе на обед того и другого. Они познакомились, после чего продолжили свои встречи.

Вопрос. Где?

Ответ. В литовском посольстве в Москве, где и я бывал не раз. Неизменным посетителем приёмов у литовского посла являлся Белов.

Вопрос. А ещё кто?

Ответ. Постоянными посетителями у Балтрушайтиса являлись также его близкий приятель режиссёр Таиров, артист Берсенеv, композитор Сергей Прокофьев и бывший заместитель наркома иностранных дел Стомонаков (арестован). Однако об их шпионской работе мне ничего не известно. В заключение своих показаний о Балтрушайтисе считаю необходимым упомянуть состоявшуюся по моей инициативе у меня на квартире встречу его с английским разведчиком Фредом Греем.

Вопрос. Когда точно состоялась эта встреча?

Ответ. Эта встреча состоялась примерно в первой половине 1935 года: к себе на обед я пригласил также жену английского посла, с которой познакомил меня Балтрушайтис (фамилию её вспомню и назову дополнительно). При этой встрече получилась как бы тройственная наша связь, носившая шпионский характер. Жена английского посла за обедом чувствовала себя хозяйкой, а мы все трое — работающими на неё, на её страну.

Вопрос. Грей продолжал встречаться с Балтрушайтисом?

Ответ. Нет, так как вскоре Грей уехал в Лондон.

Вопрос. Чем был вызван его отъезд в Англию?

Ответ. Грея заподозрили в шпионаже и ему было отказано в визе на дальнейшее пребывание в СССР, хотя я и попытался дать Грей свою рекомендацию на получение визы. Что касается Балтрушайтиса, то с ним я встречался по май месяц 1939 года, пока он не уехал к себе на родину в Литву.

Вопрос. Переходите к Вашей дальнейшей шпионской связи с японской разведкой.

Ответ. Секи-Сано работал в руководимом мною театре в качестве стажёра-режиссёра с 1933 года по октябрь 1937 года.

Вопрос. А когда он завербовал Вас для сотрудничества с японской разведкой?

Ответ. Во второй половине 1935 года.

Вопрос. То есть в момент, когда Вы уже являлись английским шпионом?

Ответ. Совершенно верно.

Вопрос. Значит, одновременно вы работали на две разведки. Вы это подтверждаете?

Ответ. Я это подтверждаю.

Вопрос. Тогда остановитесь подробно на обстоятельстве вербовки Вас Секи-Сано.

Ответ. Секи-Сано, как режиссёра, я ценил, считал способным человеком и часто вёл с ним беседы на театральные темы. Однажды в 1935 году против своего обыкновения я имел с Секи-Сано серьёзный разговор.

Вопрос. Воспроизведите содержание этого разговора с Секи-Сано.

Ответ. Дело в том, что в 1935 году я был крайне обозлён на правительство по поводу того, что Наркомпрос мне не разрешил отпраздновать 15-летний юбилей театра. Своё озлобленность я в резкой форме высказал Секи-Сано, добавив при этом ряд антисоветских клеветнических измышлений по адресу партии и правительства. Секи-Сано в ответ заявил: «Вам не нужно волноваться. Ваше имя широко известно за пределами Советского Союза. Заграничная пресса Вашим работам даёт самые лестные оценки. Я же, — продолжал Секи-Сано, — постараюсь осветить в японской и американской прессе ваше затруднительное положение в СССР». Это заявление Секи-Сано меня несколько озадачило.

Вопрос. Почему?

Ответ. Я был удивлён, когда Секи-Сано проболтался, что связан с японской прессой. При поступлении в театр он уверял меня, что с Японией всё порвал и не имеет там никаких связей. Я спросил Секи-Сано, почему он скрыл этот факт, когда поступал в театр. Секи-Сано сперва смутился, но затем объяснил это нежеланием ставить себя под подозрение.

Вопрос. Что было дальше?

Ответ. Я продолжал начатый разговор о запрещении празднования юбилея моего театра, интересы которого я ставил превыше всего.

Вопрос. Насколько известно следствию, превыше всего для Вас были интересы разведок, не так ли?

Ответ. Это верно. Как ни тяжело мне в этом признаться, но последний период моей жизни прошёл под знаком самой тесной связи с иностранными разведками.

Вопрос. Продолжайте Ваши показания.

Ответ. В разговоре с Секи-Сано, который, как я помню, происходил в научно-исследовательской лаборатории при театре, мы коснулись положения искусств в СССР и за границей. Я клеветнически утверждал о серости и бесталанности советского театра и об ограниченности кругозора советской прессы, которой противопоставлял иностранную, особенно французскую, говоря при этом, что в нашей театральной прессе работают полуграмотные люди. Секи-Сано со мной во всём соглашался, в свою очередь заявив, что, конечно, в его стране, да и вообще за границей, пресса стоит выше и готова всегда поддержать талантливых людей, как я — Мейерхольд.

Вопрос. Как дальше сложились Ваши отношения с японцем?

Ответ. В дальнейшем я ещё более сблизился с Секи-Сано, особенно после того, как в японской и американской прессе появились статьи, превозносящие меня как режиссёра и созданный мною театр. Секи-Сано, убедившись в моих антисоветских взглядах, в одну из бесед со мной дал мне понять, что он связан в Японии не только с различными органами прессы, но и с разведкой. Впрочем, это для меня было ясно уже из прежних бесед. Далее Секи-Сано предложил мне регулярно сообщать ему сведения о политических настроениях интеллигенции, в особенности же крупных имён, с которыми я встречался, о происходящих в стране арестах, о становящихся мне известными секретных партийных решениях.

Вопрос. И Вы стали снабжать японца шпионскими сведениями?

Ответ. Я согласился снабжать Секи-Сано шпионскими материалами, но счёл необходимым поставить об этом в извест-

ность Балтрушайтиса. Однако тот строго-настрого запретил мне давать какие-либо сведения японской разведке.

Вопрос. [Пропущенное слово] для другого?

Ответ. Несмотря на запрет Балтрушайтиса, я продолжал встречаться с Секи-Сано, но никаких сведений ему не передавал.

Вопрос. И Секи-Сано оставил Вас в покое?

Ответ. Нет. Он тогда потребовал от меня связать его с другими лицами, могущими служить источником шпионской информации для японской разведки.

Вопрос. С кем же Вы связали Секи-Сано?

Ответ. Я порекомендовал ему сблизиться с сотрудниками научно-исследовательской лаборатории театра Варпаховским (арестован в 1937 году) и Александр. Гладковым.

Вопрос. Почему именно с ними?

Ответ. Антисоветские настроения Варпаховского и Гладкова мне были известны из ряда происходивших между нами бесед. Оба они целиком разделяли мои троцкистские установки.

Вопрос. Секи-Сано последовал Вашему совету?

Ответ. Да. С моей помощью он сблизился с Варпаховским и Гладковым, которые вместе с ним вскоре составили единую группу и настолько сдружились, что на это стали обращать моё внимание другие сотрудники театра.

Вопрос. Где сейчас Гладков?

Ответ. Как я узнал из газеты «Правда», Гладков в начале июля этого года был осуждён на I год принудительных работ за кражу книг из Ленинской библиотеки.

Вопрос. Вы продолжаете скрывать свою практическую шпионскую работу в пользу Японии. Предлагаем Вас дать исчерпывающие показания по этому вопросу.

Ответ. Действительно, я выполнял одно специальное поручение Секи-Сано, о котором не показал на следствии.

Вопрос. Поручение шпионского характера?

Ответ. Да. В 1936 году я был направлен на лечение в Париж. Перед моим отъездом в Париж Секи-Сано потребовал, чтобы я там разыскал кинорежиссёра Эрвина Пискатора и передал ему письмо от японца. Секи-Сано при этом меня

инструктировал, что Пискатора можно встретить в парижском кафе на Монпарнасе под названием «Куполь», которое он постоянно навещает. По приезду в Париж я стал посещать это кафе, в котором однажды встретился с Пискатором.

Вопрос. До этого Вы были знакомы с Пискатором?

Ответ. Я познакомился с ним в 1932 году или в 1933 году во время пребывания Пискатора в СССР.

Вопрос. Известно ли Вам содержание письма от Секи-Сано Пискатору?

Ответ. Мне точно не было известно содержание этого письма. Однако когда Пискатор прочёл письмо, то тут же заявил, что и сам поддерживает тесную связь с Секи-Сано. Отсюда я понял, что своим письмом Секи-Сано в условной форме ставит Пискатора в известность о моей шпионской связи с японцами и, видимо, даёт какое-то задание Пискатору, хотя, повторяю, точно мне это не было известно. Пискатор в разговоре интересовался моими планами на будущее и между прочим спросил — долго ли я рассчитываю пробыть в Париже. Я ответил, что через два дня собираюсь вылететь в Прагу, где буду делать доклад о советском театре. Тогда Пискатор заявил, что в докладе я должен особо осветить вопрос о роли МОРТа (Международное объединение рабочих театров), что я и сделал.

Вопрос. С чего вдруг Пискатор проявил такой интерес к МОРТу?

Ответ. Я и сам задал этот вопрос. Пискатор тогда в завуалированной форме дал мне понять, что МОРТ является официальным прикрытием для шпионской работы, точно так же, как, скажем, для Секи-Сано являлась прикрытием его работа в руководимом мною театре. Пискатор так и сказал: «В судьбе этого дела заинтересованы наши друзья, в том числе и Секи-Сано». На этом закончилась моя парижская встреча с Пискатором.

Вопрос. И больше Вы с ним не встречались?

Ответ. Нет.

Вопрос. По возвращению в СССР вы поставили в известность Секи-Сано о встрече с Пискатором?

Ответ. По возвращении в Москву я рассказал Секи-Сано о состоявшейся встрече с Пискатором. Секи-Сано живо инте-

рессовался подробностями нашей беседы и поддержал мысль, высказанную Пискатором о необходимости создать возможно большую популярность МОРТУ. В конце 1937 года моя связь с Секи-Сано оборвалась в связи с его отъездом за границу.

Вопрос. Секи-Сано был выслан за пределы СССР?

Ответ. Секи-Сано, заподозренному в шпионской работе, было отказано в визе. На этом прервалась моя связь с японской разведкой.

Записано с моих слов все верно, мною прочитано

Вс. Мейерхольд-Райх

Допросили: пом. нач. след. части НКВД СССР капитан госбезопасности Шварцман

ст. следователь след. части НКВД СССР лейтенант госбезопасности Воронин

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

26-28 августа - 21 октября

Документы № 15-21

Документ № 15

26-28 августа 1939 г.

Утверждаю
Зам. начальника Следственной части НКВД СССР
майор Госуд. безопасности Макаров
27 августа 1939 г.

Постановление

(О продлении срока следствия и содержания под стражей)

По след. делу № 537

Гор. Москва, 1939 г., августа 26 дня, я - ст. следователь след. части НКВД СССР лейтенант Госуд. безопасности Воронин, рассмотрев материалы по делу 537 по обвинению Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58.1а, 58.11- 58.10 УК РСФСР, нашёл:

что Мейерхольд-Райх В.Э. 1874 г. рождения, уроженец г. Пензы, немец, гр. СССР, б. член ВКП (б) с 1918 года, до ареста работал главным режиссёром Государственного Оперного театра им. Станиславского, арестован 20 июня 1939 г. и содержится под стражей во Внутренней тюрьме НКВД.

Мейерхольд-Райх является активным участником антисоветской троцкистской организации среди писателей, в которую был вовлечён Эренбургом. Кроме того, Мейерхольд-Райх является агентом двух разведок: английской и японской, в пользу которых проводил предательскую шпионскую работу в СССР.

Мейерхольд-Райх виновным себя признал и дал показания о своей антисоветской предательской работе.

Учитывая, что срок ведения следствия к настоящему истёк, а по делу требуется дополнительная документация о вредительской работе Мейерхольда-Райха, а также проведение ряда очных ставок с соучастниками троцкистской организации и с лицами, занимающимися шпионской работой в СССР, а потому постановил:

Возбудить ходатайство перед Прокурором Союза ССР о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей Мейерхольда-Райха В.Э. ещё на два месяца, т.е. до 26 октября 1939 года.

Ст. следователь след. части НКВД СССР
Госуд. безопасности
Воронин

Согласен пом. нач. след. части НКВД СССР
капитан Гос. безопасности
Шварцман

Согласен Военный прокурор
подпись [нрзб.]

28/VIII- 39 г.

Документ № 16

22 сентября 1939 г.

Допрос от 22 сентября 1939 г.

Вопрос. Вы знаете Дикого Алексея Денисовича?

Ответ. Да, Дикого я знаю, он перед арестом работал режиссёром Ленинградского драматического театра.

Вопрос. Когда и где Вы с ним познакомились?

Ответ. С Диким я познакомился в Москве во время его работы в МХАТе Втором, это относилось примерно к 1933 году*.

Вопрос. При каких обстоятельствах произошло Ваше знакомство?

Ответ. Это было знакомство просто артиста с артистом, на почве искусства. Конкретных обстоятельств знакомства с Диким я не помню.

Вопрос. Вы часто встречались друг с другом?

Ответ. Нет, с Диким я встречался редко, при этом наши встречи носили чисто случайный характер. Дикого можно было встретить либо в клубе, либо в театре моего имени, в других общественных местах.

Вопрос. Дикий посещал Вашу квартиру?

Ответ. За весь период нашего знакомства с Диким он был у меня в квартире один раз. И ещё один раз был у меня в номере Европейской гостиницы в Ленинграде в период времени, когда я приезжал туда для работы по постановке оперы «Пиковая дама» в Малом оперном театре**. Подобных встреч с Диким у меня больше не было.

Вопрос. А Вы у Дикого были на квартире?

Ответ. Нет, я у него не был.

* Из МХАТ 2-го А.Д. Дикий вынужден был уйти в 1927 г., в дальнейшем работал в разных театрах и в своей студии (до 1936 г.).

** Мейерхольд работал над постановкой «Пиковой дамы» в 1933–1935 гг.

Вопрос. Чем объяснить ваше такое, я назову, холодное отношение друг к другу как режиссёров?

Ответ. В этом скрывались две причины: первая – приёмы его режиссёрского искусства мне не нравились. Второе – меня отталкивала от него репутация, которая за ним создавалась, как о человеке божественных настроений (горький пьяница).

Вопрос. Кто Вам известен из знакомых Дикого?

Ответ. Круг знакомых мне известен очень мало. Знаю, что его близкие друзья являются Олеша, Стенич, их можно было видеть часто вместе в пашлычной и в квартире Дикого.

Вопрос. В чём выражалась их близость?

Ответ. Причины их близости мне неизвестны, но полагаю, что их сближала тяга к божественности, к пьянкам. В их компании я никогда не был.

Вопрос. Что вам известно компрометирующего о Диком?

Ответ. Поскольку Дикого я знаю очень мало, поэтому ничего компрометирующего о нём не знаю.

Вопрос. А как участника антисоветской организации Вы его знаете?

Ответ. Как участника антисоветского заговора мне Дикого неизвестен, и показать о нём что-либо в этом направлении не могу.

Записано с моих слов верно, мною прочитано

Вс. Мейерхольд-Райх

Допросил следователь следственной части ГУГБ НКВД
мл. лейтенант госуд. безопасности
Шибков

Документ № 17

3 октября 1939 г.

Протокол допроса обвиняемого
Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича
от 3 октября 1939 г. Допрос начат в 21.20

[Вопрос.] На допросе от 14 июля 1939 г. Вы показали, что со слов Олеси Вам известно о причастности Дикого Алексея Денисовича, б. режиссёра Большого драматического [театра] г. Ленинграда террористической деятельности. Расскажите подробно, когда и при каких обстоятельствах Вам стало об этом известно?

Ответ. Да, на допросе 14 июля я действительно показал, что Дикий был привлечён Олесей к террористической деятельности, но мои показания в этой части не соответствуют действительности, потому что об этом мне Олеса никогда не говорил, и вообще с Олесей о террористической деятельности никаких разговоров не было. Дикого я оговорил.

Вопрос. Почему же Вы Дикого оговорили, у Вас, что, с ним были личные счёты?

Ответ. Нет, личных счётов с Диким у меня не было. Наши отношения были нормальные. А оговорил я его потому, что в момент допроса находился в тяжелом психическом и моральном состоянии. Других причин в этом нет.

Вопрос. Всеволод Эмильевич, может быть, Вы сейчас сознательно вздумали отрицать эту часть показаний с тем, чтобы скрыть от следствия преступную деятельность Дикого. Не правда ли это, а?

Ответ. Я следствию всё рассказал о своей антисоветской деятельности и поэтому у меня нет никаких оснований скрывать Дикого. Я категорически утверждаю, что о террористической деятельности Дикого мне ничего не известно. Я прошу следствие мне в этом верить.

Записано с моих слов верно: мною прочитано
Вс. Мейерхольд-Райх

Документ № 18

4-5 октября 1939 г.

Утверждаю**Зам. нач. след. части ГУГБ НКВД****[Боярский]****4 октября 1939 года****Постановление****(О продлении срока ведения следствия)****г. Москва, 1939 года, октября "...” дня**

Я, следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР мл. лейтенант Гос. безопасности Шибков, рассмотрев материалы следственного дела № 537 по обвинению Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича, 1874 года рождения, урож. гор. Пензы, немец, гр-н СССР, до ареста главный режиссёр Государственного Оперного театра им. Станиславского, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58. Iа, 58. II УК РСФСР, нашел: Мейерхольд-Райх В.Э. арестован 20 июня 1939 года, содержится под стражей во Внутренней тюрьме.

Обвиняется в том, что является [членом] антисоветской троцкистской организации, а также агентом английской - японской разведок, в пользу которых проводил шпионскую работу против СССР.

Мейерхольд-Райх виновным себя признал полностью и изобличается показаниями Бабея и японского шпиона Йошида. Принимая во внимание, что по делу Мейерхольда-Райха необходимо провести ряд следственных мероприятий, как то, очные ставки и т.д. в целях вскрытия полностью его анти-советских связей и деятельности, а срок ведения следствия истёк, руководствуясь ст. II6 УПК РСФСР постановил:

Возбудить ходатайство перед Прокурором Союза ССР о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей

обвиняемого Мейерхольда-Райх на один месяц, т.е. до 4 ноября 1939 года.

Следователь след. части ГУГБ НКВД СССР
млад. лейтенант гос. безопасности Шибков

Согласен.

Пом. нач. след. части ГУГБ НКВД
ст. лейтенант госбезопасности Пизнур

Ходатайство поддерживаю
Военный прокурор [подпись нрзб.]
5/Х - 39

Документ № 19

4-5 октября 1939 г.

Комн. № 497 тов. Шибкову тел. 35.36

5 октября 1939 г.

СССР НКВД Главное управление Госуд. Безопасности Особый
отдел

Служебная записка

начальнику Следств. части ГУГБ НКВД СССР

В связи с запросом КПК при ЦК ВКП(б) компрометирующих материалов на Дударенко Михаила Лаврентьевича, исключительно из членов ВКП(б) за связь со своим шурином Беловым (б. командующим БВО) просьба допросить арестованного Мейерхольда по вопросу его связи с Беловым и Дударенко.

Дударенко вместе с Беловым в 1936 году присутствовал на частном вечере Мейерхольда, где был Литовский Консул.

Зам. нач. ОО ГУГБ НКВД СССР

[подпись нрзб.]

Документ № 20

7 октября 1939 г.

Протокол допроса от 7 октября 1939 г.

Вопрос. Вы знаете Белова Ивана Панфиловича?

Ответ. Да, знаю. Он был командующим МВО, а потом переведён в Белорусский военный округ.

Вопрос. Когда и при каких обстоятельствах Вы с ним познакомились?

Ответ. С Беловым я познакомился в период его командования Ленинградским военным округом, когда временно выезжал в Ленинград вместе с руководимым мною театром на гастроли. Это относится примерно к 1933 г. Знакомство произошло в связи с моим обращением к Белову с ходатайством помочь пианисту В.В. Софроницкому, имевшему какие-то неполадки с военным билетом. И тут же я обратился с просьбой посетить спектакль нашего театра. После этого у меня и завязалось знакомство с Беловым.

Вопрос. Какие отношения у Вас установились с Беловым?

Ответ. Отношения у нас установились как у двух симпатизирующих друг другу лиц. Наши отношения ограничивались только его неоднократными посещениями меня. Белов много рассказывал о своих прошлых военных походах, меня это интересовало.

Вопрос. Как часто Белов посещал Вашу квартиру?

Ответ. За мою бытность в Ленинграде Белов посетил меня раза 2-3, а в Москве раз пять-шесть.

Вопрос. Белов один к Вам приезжал?

Ответ. Чаще всего он приезжал один, а раза два с женой. Мне помнится случай, когда Белов приехал вчетвером, т. е. его жена, брат жены - военный в форме пограничника - и врач (фамилии их не помню). Врач работал в военном госпитале. Последние явились ко мне без приглашения, их привёз с собой Белов.

Вопрос. А где служил брат жены Белова?

Ответ. Точно сказать, где работал брат жены Белова, я затрудняюсь, но, судя по форме, он был пограничником.

Вопрос. Вы до этого случая встречали брата жены Белова?

Ответ. Ни до, ни после этого случая, который относится примерно к 1936 году, я этого пограничника не встречал.

Вопрос. Кто ещё был у Вас в момент посещения Вас Беловым с женой и со своими гостями?

Ответ. Точно не помню, но, кажется, присутствовали при этом литовский посол Балтрушайтис и пианист Оборин Л.Н.

Вопрос. Вам известны отношения Белова с этим пограничником?

Ответ. Белов мне рекомендовал его как брата своей жены, было видно, что отношения между ними были дружеские.

Вопрос. А как относился пограничник к присутствию литовского посла Балтрушайтиса?

Ответ. За столом пограничник сидел от литовского посла далеко, и знаю, что между собой они даже не говорили.

Вопрос. Скажите, литовский посол ещё когда-нибудь встречался с пограничником?

Ответ. Мне это неизвестно, но думаю, что нет, потому что они до этого случая были, насколько мне известно, незнакомы.

Вопрос. У Вас лично были с пограничником разговоры на политические темы?

Ответ. Нет, у меня с ним разговоров о политике не было.

Вопрос. А что Вы можете рассказать об этом пограничнике? брате жены Белова?

Ответ. О нём я могу рассказать следующее, что этот человек развязный, грубоватый и недалёкий. А с политической стороны его характеризует следующий его рассказ об овчарках, которых на одной из пограничных застав хотели, по его словам, заменить эрдель-терьерами, но пришлось, как он сказал, от этого опыта отказаться. Эрдель-терьеры оказались настолько умнее овчарок, что бойцы-пограничники не смогли их освоить. Сказано это было с такой иронией и с такими многозначными подмигиваниями, что цель его рассказа была очевидной: не восторг его перед умом собак был

подчёркнут в рассказе его, а «умственная способность» бойцов Красной Армии. Рассказав это, он долго смеялся, хотя все кругом, как казалось, отлично понимали неприличный смысл рассказа человеком, носящим форму пограничника. Вот и всё, что я могу сообщить о нем.

Записано с моих слов верно, мною прочитано
Вс. Мейерхольд-Райх

Допросил следователь следчасти ГУГБ НКВД СССР
мл. лейтенант госбезопасности
Шибков

Документ № 21

19 октября 1939 г.

Допрос от 19 октября
Начат в 22 - окончен в 0.50

Вопрос. На допросе 8 и 14 июля 1939 года Вы показали, что были в близких отношениях с Милютиной, вели с ней антисоветские разговоры и что Вы через Милютину у неё на квартире установили антисоветскую связь с Рыковым, Бухариным и Радеком. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ. Я должен сейчас заявить, что в предыдущих своих показаниях относительно Милютиной я изложил ряд моментов, не соответствующих действительности. Объясняю это исключительно тем, что со дня моего ареста (с 20 июля и до середины июля 1939 г.) я находился в состоянии такого психического и морального потрясения, что, во-первых, не сразу мог взять себя в руки, чтобы спокойно и сосредоточенно давать свои показания. Выкладывая факты и лиц, с которыми я был в тех или иных отношениях, вследствие крайней растерянности моего сознания я путал даты, забывал хорошо известные мне фамилии, а, главное, часто переадресовывал события от лиц, в них участвовавших, к другим лицам, в них не участвовавших. Так, например, Рыков и Милютина однажды были вместе у меня на квартире, этого было достаточно, чтобы показать, что с Рыковым я встречался в квартире Милютиных. Сейчас вношу поправку в мои показания о том, что я с Рыковым в квартире Милютиных не встречался. Вследствие той же растерянности моего сознания 8 июля 1939 г. я показал, что видел Бухарина в квартире Милютиных. Я показал это потому, как я теперь осознал, что у Милютиных много говорили о Бухарине в связи с тем, что Бухарин женился на дочери Ларина - сестра Милютиной. Поэтому мое артистическое воображение, чрезмерно повышенное, как у артиста-профессионала, восприняло это

обстоятельство так, что мне казалось, что я видел его там. В действительности же Бухарина на квартире Милютиных я никогда не встречал. О моей вражеской работе в театре у меня действительно имел место разговор с Бухариным, но [не] в квартире Милютиных, а в руководимом мною театре на двух спектаклях, которые он в разные периоды посетил («Мандат» Ник. Эрдмана и «Дама с камелиями»). Что же касается Радека и встречался ли я с ним в квартире Милютиных в упомянутый мною вечер, я сейчас точно сказать не могу, так как я не помню, были ли квартиры Милютиных и Радека в одном подъезде. Дело в том, что Радек появился за столом, когда все гости уже расположились за ужином, и из реплик явствовало, что он живёт на той же лестнице. Поэтому, если только квартира Радека находилась в одном подъезде с Милютиным, то я твёрдо могу сказать, что Радека я видел именно в квартире Милютиных, а не в квартире Керженцевых. Ибо в течение этого периода времени я был ещё на вечеринке в квартире Керженцевых, и, может быть, я, находясь в состоянии нервного расстройства на допросе 8 июля 1939 года, мог встречу мою с Радеком у Керженцевых переадресовать в квартиру Милютиных. Свои показания в отношении того, что у меня с Милютиной были недвусмысленные антисоветские разговоры, содержание которых я сейчас не помню, я не подтверждаю.

Вопрос. Скажите имя [и] отчество Милютиной.

Ответ. Этого я не помню.

Вопрос. Как же в таком случае рассматривать Ваше показание, где Вы заявили, что с Милютиной Вы были в близких отношениях, вели антисоветские разговоры. Казалось бы, Вы должны помнить её имя и отчество?

Ответ. Могу это объяснить только тем, что у меня очень плохая память на имена и отчества, и я их часто забываю или путаю.

Вопрос. В предыдущих своих показаниях Вы также показали, что у Вас с Милютиной был разговор в отношении 33 000 рублей денег, которые не были выплачены театру Западно-Сибирским зрелищным управлением, и якобы Милютина дала Вам понять, что эти деньги даром не пропали, а пошли на финансирование троцкистской организации. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ. Нет, я считаю необходимым сделать следующую, весьма существенную поправку. Представая перед Родиной в качестве обвиняемого, я считал своим долгом не только полностью излагать все свои преступления перед страной, без всяких замалчиваний, без всяких маскировок, но ещё и помочь следствию вскрыть факты, которые требуют вскрытия дел, выявления в них основ возможных преступлений. Поэтому в отношении денег, недоплаченных руководимому мною театру за гастроли в городах Западной Сибири, я высказал следователю моё лишь предположение в том смысле, что не пошли ли эти деньги из кассы Западно-Сибирского зрелищного управления на финансирование троцкистской организации, ибо такие факты имели место, как это было вскрыто на процессе над Бухариным и другими. И когда стали писать протоколы, я, опять же вследствие затуманенности моего сознания, стал в своих ответах на вопросы следователя показывать так, как будто бы совершена «жульническая комбинация» и что эту комбинацию совершила Милютина и что я не отрицаю даже своего участия в этом деле. Эти показания мною были даны как показания, не соответствующие действительности, вследствие причин, выше мною здесь изложенных. Теперь же свое участие о возможной передаче 30 000 денег на преступные дела категорически отрицаю. Я, наоборот, самым энергичным образом протестовал против этого вопиющего безобразия (невыплату театру следущ. денег), подавал во Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР жалобу на действия Западно-Сибирского зрелищного управления. Состоялся арбитраж, который вынес резолюцию, принуждающую управление уплатить театру следуемые ему деньги. Однако Керженцев, возглавлявший ВКИ*, аннулировал постановление арбитража. Я сделал предположение относительно того, что Милютина оказала давление на Керженцева в сторону принятия Керженцевым решения аннулировать постановление арбитража. Считаю также необходимым внести поправку в ту часть моего ответа в протоколе от 8 июля с.г., где я говорю о будто бы состоявшем[ся] по этому делу разговоре с Милутиной по телефону. В действительности

* Всесоюзный комитет по делам искусств.

же никакого разговора у меня с Милютиной по телефону относительно денег не было.

Вопрос. С кем договаривалась Милютина о выезде Вашего театра на гастроли в Новосибирск?

Ответ. По этому вопросу Милютина договаривалась и заключила договор на выезд театра на гастроли с администрацией театра.

Вопрос. А лично Вы по этому вопросу с Милютиной разговаривали?

Ответ. Нет, с Милютиной по этому вопросу не разговаривал.

Вопрос. В своих показаниях от 8 и 14 июля 1939 г. Вы упомянули фамилии: Дробнис, Рафаила и Богуславского. Скажите, кто эти люди и знала ли их Милютина?

Ответ. Фамилии Рафаила, Дробниса и Богуславского вошли в протокол допроса от 8 и 14 июля 1939 года лишь только потому, что когда я высказал предположение относительно того, что деньги, недополученные театру, уж не пошли ли эти деньги на финансирование троцкистской организации. И когда встал вопрос, какой же организации, я сказал, может быть, той организации, в которую входили вышеупомянутые лица. Где эти лица работали тогда, когда я с ними был знаком (это относится к годам 1923, 1924): Рафаил был заведующий МОНО, Богуславский был председателем Малого Совнаркома. Где работал Дробнис тогда, я не знаю*. Что они делали в Сибири, я тоже не знаю. О том, что Рафаил находился в Сибири, мне рассказала артистка Амханицкая, работавшая одно время в руководимом мною театре. В отношении того, что была ли Милютина знакома с Рафаилом, Дробнисом и Богуславским, мне не известно.

Вопрос. В протоколе допроса от 14 июля 1939 года вы также показали, что через Милютину у себя на квартире устроили встречу представителю американской фирмы Грер с Рыковым. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ. Да, подтверждаю.

* Яков Наумович Дробнис (1891–1937) в 1923–1924 гг. был членом Малого Совнаркома РСФСР.

Вопрос. Вам известно, для какой цели Грей встречался с Рыковым?

Ответ. Для какой цели Грей встречался с Рыковым, мне неизвестно, он только просто просил меня познакомить его, Грея, с Рыковым.

Вопрос. А Милютина знала о цели встречи Грея с Рыковым?

Ответ. Нет, так как я Милютиной ничего об этом не говорил, сам не зная цели Грея, ради которой он стремился познакомиться с Рыковым.

Вопрос. Вы часто встречались с Милютиной?

Ответ. Нет, не часто, один или два раза я у неё на квартире был, два раза она у меня была на квартире, и кроме того я встречался несколько раз на спектаклях [в] руководимом мною театре.

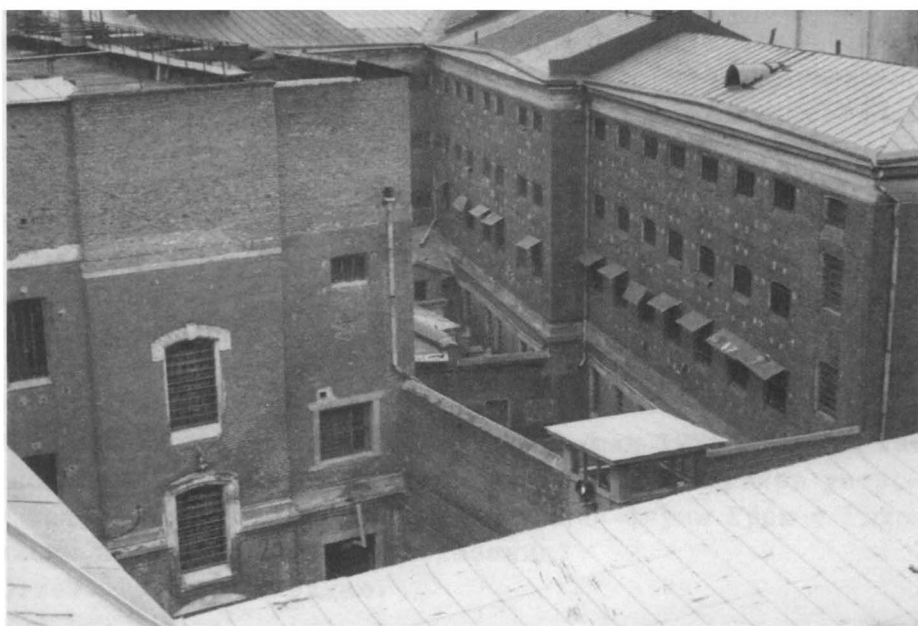
Протокол мною прочитан, ответы записаны с моих слов
Мейерхольд-Райх

Допросил
следователь следчасти ГУГБ НКВД СССР
лейтенант госбезопасности
А.Красовин

Следователь следчасти мл. лейтенант
Шибков



Внутренняя тюрьма НКВД на Лубянке



Бутырская тюрьма

ЧЕТВЁРТЫЙ РАЗДЕЛ

27 октября – 22 ноября

Документы № 22–26

Документ № 22

27 октября 1939 г.

Обвинительное заключение

По следделу № 537 по обвинению
Мейерхольда-Райх В.Э.
в преступлениях,
предусмотренных ст. ст. 58-I-a
и 58 - II УК РСФСР.

Следствием по делу вскрытой и ликвидированной антисоветской троцкистской организации, существовавшей среди писателей и работников искусств, было установлено, что участником этой организации является Мейерхольд-Райх Всеволод Эмильевич - бывш. главный режиссёр Государственного оперного театра им. Станиславского.

На основании этих данных Мейерхольд-Райх 20 июня 1939 года был арестован и привлечён к следствию в качестве обвиняемого.

Произведённым по настоящему делу следствием установлено, что Мейерхольд-Райх В.Э. в 1923 году был завербован Рафаилом в антисоветскую троцкистскую группу, существовавшую среди театральных работников.

По троцкистской работе Мейерхольд был связан с активными троцкистами: Дробнисом, Богуславским, Сосновским, Каменной О.Д. и другими.

Мейерхольд принимал активное участие на нелегальных собраниях этой группы, на которых обсуждались директивные статьи Троцкого и подвергалась враждебной критике политика ВКП(б) и советского правительства.

В 1930 году Мейерхольд возглавлял антисоветскую троцкистскую группу «Левый фронт», объединявшую все антисоветские элементы в области искусства.

В 1933 году Мейерхольд установил организационную связь с врагами народа Рыковым, Бухариным и Радеком, от которых получал конкретные задания по подрывной работе в области искусства.

Являлся организатором конспиративной встречи у себя на квартире Рыкова с агентом английской разведки Греем.

В 1934-35 гг. Мейерхольд был привлечён к шпионской работе.

Являясь агентом английской и японской разведок, Мейерхольд вёл активную шпионскую работу, направленную против СССР.

В принадлежности к антисоветской троцкистской организации и в проведении шпионской работы Мейерхольд-Райх виновным признал себя полностью.

Изобличается также показаниями Бабеля, японского шпиона Иоида, Королёвой, Боярского, Кольцова М.

На основании изложенного, -

Мейерхольд-Райх Всеволод Эмильевич, 1874 г. рождения, ур. г. Пензы, немец, гр-н СССР, быв. член ВКП(б) с 1918 года, исключён в связи с арестом, до ареста - главный режиссёр Государственного оперного театра им. Станиславского.

Обвиняется в том, что:

Являлся кадровым троцкистом, активным участником троцкистской организации, действовавшей среди работников искусства, агентом английской и японской разведок и вёл шпионскую и подрывную работу, -

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1а и 58-11 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР дело № 537 по обвинению Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича передать Прокурору Союза ССР для направления по подсудности.

Следователь следчасти ГУГБ НКВД
мл. лейтенант госуд. безопасности
Шибков

«Согласен» пом. нач. следчасти ГУГБ НКВД СССР
ст. лейтенант госуд. безопасности
Пинзур

Г2. Можно ли вербовать осуждённого и для какой работы:
Вербовать нельзя (ответ должен быть обоснован и мотиви-
рован)

Г3. Какие особенности необходимо учесть при агентурном
обслуживании: (примерно: с какой группой или (лицом) осу-
ждённых связать, от кого изолировать и проч.)

27 октября 1939 г.

Опер. уполномоч.

И.Шибков

«Утверждаю» Нач. с/ч. ГУГБ отд.

[подпись]

Документ № 23

9 ноября 1939 г.

Протокол допроса 9 ноября 1939 г.
Военный прокурор Белкин
пом. нач. следственной части Пинзур
Следователь Шибков И.И.
(вопросы задаёт Белкин)

Вопрос. Ознакомились ли Вы с материалами по Вашему делу и имеете ли какое-либо заявление?

Ответ. С материалами следствия я ознакомлен, но хотел бы ещё его прочитать. Никаких заявлений и жалоб по отношению к следствию не имею. Следователь ШИБКОВ никакого давления на меня не оказывал. До следователя Шибкова на меня оказывали давление следователи Гр.ВОРОВИЧ, РОДОС, СЕРИКОВ.

Вопрос. Подтверждаете ли Вы данные Вами показания о Вашей принадлежности к право-троцкистской к/р организации и шпионаже?

Ответ. Подтверждаю лишь частично, а именно:

а) с 1923 г. я примыкал к троцкистской группе РАФАИЛА, разделяя его взгляды в области искусства и отображая эти взгляды в пьесах, ставившихся под моим руководством;

б) Был лично знаком с Рыковым, Бухариным, Радеком. Встречался с Радеком в различных местах и выслушивал от Радека контрреволюционные анекдоты.

Бухарин поддерживал мои антисоветские тенденции в искусстве.

в) В 1935 году ко мне зашёл приехавший из-за границы (Англии или Франции) бывший корреспондент газеты «Дейль-Мейль» ГРЕЙ Фред. С этим Греем я знаком с 1913 года и имел от его жены, моей ученицы, оказанную мне любезность, выразившуюся в предоставлении мне квартиры в 1930 г. в Париже. Грей попросил меня познакомить меня [его?] с Рыковым.

Я отплатил за оказанную мне в 1930 г. любезность, я познакомил Грея с Рыковым А.И., бывшим в то время членом ЦК ВКП(б) и наркомом почт и телеграфа. Эту встречу Грея с Рыковым я организовал в 1935 году, в каком месяце не помню, у себя на квартире. С какой целью Грей хотел этой встречи с Рыковым, я не знаю и о чём они говорили, я тоже не знаю.

2) Подтверждаю свои показания в моей связи с Балтрушайтисом Юргисом Казимировичем, бывшим литовским послом. Я не знаю о его шпионской деятельности. Балтрушайтис я знаю с 1899 года. Он был частым посетителем моего дома. В разговорах я сообщал ему известные мне новости об арестах, настроении интеллигенции.

Кроме того, я познакомил Балтрушайтиса у меня в доме с бывшим командующим МВО БЕЛОВЫМ.

Связь с Балтрушайтисом была до 1937 года.

3) Подтверждаю, что с ВОЖЕЛЬ, редактор парижской газеты «ВД», я знаком с 1930 г. и при приездах Вожеля в Москву в 1936–1939 г. он заходил ко мне. Информацию Вожель я не давал.

Подтверждаю показания, данные мною следователю ШИБКОВУ с 22 сентября и позже.

Вопрос. Ваши ответы свидетельствуют, что в основном [Вы] подтвердили факты Вашей к/р деятельности, данные Вами с 27/VI – 20 августа 1939 г.

Ответ. В основном я данные показания с 27 июня – 20 августа 1939 г. подтверждаю, но хочу сделать ряд добавлений и исправлений, давая в тот период показания, я был в состоянии моральной подавленности. Прошу для этой цели предоставить мне возможность вторично ознакомиться с материалами следствия и написать ряд добавлений и исправлений.

Документ № 24

16-17 ноября 1939 г.

Собственноручные показания заключённого
Вс. Эм. Мейерхольда-Райха, 1874 г. рождения
16-17 ноября 1939 года

В своих ранее данных показаниях относительно след. лиц: И. Эренбург, Б. Пастернак, Сейфуллина, Вс. Иванов, Федин, Кирсанов, Шебалина, Эйзенштейна, Лапина (дочь Эренбурга), Гарина, Дмитриева считаю долгом внести ряд добавлений, а, главное, ряд весьма существенных исправлений.

1) Илья Эренбург не вовлекал меня в троцкистскую организацию, ни я его в такову[ю] не вовлекал. Что касается того (см. стр. 76 дела), будто Эренбург располагал связями среди троцкистов в СССР и за границей, я сделал следователю Воронину сообщение, что о всяческих связях его в СССР может дать показания секретарь его МИЛЬМАН, а о связях за границей (в Париже) может обстоятельные показания дать прибывший в мае 1939 г. из Парижа писатель САВИЧ, который долгое время находился в тесной дружбе с Эренбургом и всюду появлялся с ним вместе. Эренбург не говорил мне о том, что во Франции он поддерживал регулярную связь с Андре Мальро именно по троцкистской линии.

Я отметил дружбу Эренбурга с Мальро. И считаю необходимым здесь дополнить, что в первый приезд Мальро вместе с Эренбургом, они вместе очень старались устроить роман Мальро "Условия Человеческого существования", на этом романе несомненно лежит отпечаток троцкистских мыслишек. Они старались устроить этот роман для экрана (С. Эйзенштейн) и для театра (через меня, уговаривая меня приступить к переделке этого романа в пьесу). К счастью, в печать этот роман не попал, не попал ни на экран, ни в театр, т.к. и я, и Эйзенштейн скоро к этой работе охладели.

Категорически заявляю, что ни Эренбург, ни Мальро не говорили мне о недолговечности советской системы, ни о том, что троцкистам удастся захватить власть в свои руки, ни о том, что в связи с арестами ряда участников троцкистской организации следует пополнять ряды троц. организации, ни о том, что следует настойчиво, последовательно продолжать борьбу против партии, ни о том, что надо добиваться свержения советской власти.

2) Я не вёл с Б. Пастернаком никаких разговоров, направленных против руководителей партии и правительства.

Ни по указанию (см. стр. 48) Эренбурга, ни по личной моей инициативе я не вербовал в троцкистскую организацию ни Б. Пастернака, ни Ю. Олешу, ни Л. Сейфулину, ни Вс. Иванова, ни К. Федина, ни С. Кирсанова, ни В. Шебалина, ни Д. Шостаковича, ни Лапину, никаких заданий я перед этими лицами не ставил. Группа этих писателей и музыкантов была сплочена на базе единства взглядов в области искусства, не носивших на себе троцкистских влияний.

Б. Пастернак.

Никаких заданий подбирать антисоветски настроенных писателей в троцкистскую организацию не давались мною.

Б. Пастернак никогда не говорил мне, что будто бы он вовлék в антисоветскую троцкистскую организацию С. Кирсанова и О. Брика.

О. Брик (говорю это в порядке дополнения) был связан с Д. Штеренбергом, который писал портрет врага народа Примакова в квартире О. Брика.

3) В отношении ОЛЕШИ считаю долгом сделать следующее существенное исправление:

Я Юрия Олешу в троцкистскую организацию не вербовал. Не соответствует действительности то, в прежнем моем показании (см. стр. 86, 87), что будто бы Олеша намечался как лицо, могущее быть использованным по линии физического устранения руководителей партии и советского правительства. О терроре никогда никакой речи не было.

16-17 ноября 1939 г. Вс.Мейерхольд-Райх

Показания принял Шибков

Документ № 25

17 ноября 1939 г.

Протокол об окончании следствия
1939 г., ноября 17

Я, следователь следственной части НКВД СССР мл. лейтенант гос. безопасности Шибков рассмотрел следственное дело № 537 по обвинению Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича в преступлениях, предусмотренных ст. 58.1а и 58.11 УК РСФСР. Признав предварительное следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 206 УПК, объявил об этом обвиняемому, предъявил для ознакомления всё производство по делу и спросил: желает ли обвиняемый чем-либо дополнить следствие.

Обвиняемый Мейерхольд-Райх В.Э., ознакомившись с материалами следственного дела, заявил, что вследствие* моей слабой памяти, с материалами следствия, находящимися в моём деле, я ознакомился вторично. Свои показания с коррективами, внесёнными мною по допросам 22 сентября, 3 октября, 19 октября, 9 ноября, 16-17 ноября 1939 г. подтверждаю.

Следствие пополнить ничем не могу.

Подпись обвиняемого Мейерхольд-Райх

Следов. следств. части НКВД СССР [подписи нет]

* Далее рукой В.Э. Мейерхольда.

Документ № 26

22 ноября 1939 г.

В Прокуратуру Союза ССР
Прокурору, наблюдающему за следствием заключённого
(Бутырская тюрьма) Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича
(год рожд. 1874).

Заявление

Обращаюсь к Вам с просьбой вторично вызвать меня к себе на допрос.

Основание к ходатайству:

9 ноября 1939 г., заслушав моё Вам заявление, Вы дали следователю указание предоставить мне возможность вторично ознакомиться с моим делом и принять от меня те дополнения и исправления, каковые я просил Вас разрешить мне сделать.

1) Задание Ваше реализовано ограничительно. Мне был предоставлен чудовищно короткий срок для просмотра материала и для составления собственноручного показания. Я далеко не всё мог изложить в нём из того, что должен был изложить и что Вы разрешили мне изложить. Ограничен был и круг тем, которых мне необходимо было коснуться.

2) Мне было предложено подтвердить ряд протоколов. Написаны были даты этих протоколов. И указана была необходимость написать «подтверждаю с коррективами». Однако мне не было показано, какие именно протоколы означены указанными датами, а, самое главное, я не был ознакомлен с этими «коррективами», внесёнными в протоколы, и я даже не знаю, кем они внесены: следователем или мною. Таким образом я подписал этот абзац вслепую.

3) Мне крайне необходимо свидание с Вами ещё и потому, что мне надо иметь от Вас авторитетное Ваше разъяснение по поводу одного пункта протокола от 9 ноября 1939 г., подпи-

санного мною, но не уяснённого мною — вероятно, вследствие того нервного состояния, в котором я находился. Простите за беспокойство! Я очень прошу Вас не отказать мне в моём к Вам ходатайстве.

И еще просьба: так как Вы, вероятно, вызовете меня в присутствии следователя, прошу у Вас аудиенции до этого, хотя бы трехминутной, с глазу на глаз: по 3-му пункту «Оснований к ходатайству», здесь изложенному, мне необходима та сосредоточенность, какой я был лишён 9 ноября.

Вс. Мейерхольд-Райх.

22 ноября 1939

ПЯТЫЙ РАЗДЕЛ

3 декабря 1939 г. – 13 января 1940 г.

Документы № 27–30

Документ № 27

3 декабря 1939 г.

Народному Комиссару внутренних дел Союза ССР
Лаврентию Павловичу Берия
арестованного Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича
(год рожд. 1874 г.)

Заявление

Вследствие двух обстоятельств (и особенно первого из двух, о чём скажу здесь кратко ниже), повергших меня в величайшую депрессию вплоть до полной потери власти над собой, депрессию, вызвавшую чудовищную притуплённость сознания, —

я в целом ряде протоколов допроса следственной части (по моему делу) давал положительные ответы там, где я должен был давать ответы отрицательные.

Я клеветал на себя (я давал само[о]говоры сверх-неестественные, которые не могут не броситься в глаза Вам, когда Вы будете, на что я надеюсь, знакомиться с содержанием моего дела), я оговаривал людей, ни в чём неповинных.

Какие же обстоятельства, спросите Вы меня, привели меня к необходимости приписывать себе преступления, которых я не совершал?

I) Я оказался сплошным клубком нервов, я не выдерживал ни болей физических, ни тем более оскорблений моральных, направленных на меня следователями Ворониным, Родосом и Сериковым (репрессии физического и морального порядка). Я бился, как в горячке, и подписывал протоколы вслепую. Это моё состояние не покидало меня вплоть до 9 ноября 1939. Прокурор, наблюдавший за следствием (и в частности за следствием по моему делу), может доложить Вам о том, чему свидетелем он был 9 ноября, когда я опять бился в истерике и в страхе перед возможной репрессией снова под-

писал ложь (якобы я состоял в право-троцкистской организации).

2) Я явился привезённый из Ленинграда, где был арестован, с навязчивой идеей идти на самопожертвование, полагая, что кара, уже наложенная на меня (закрытие театра, роспуск коллектива, с которым я работал, отнятие у меня вновь строящегося на пл. Маяковского театра), считается Правительством недостаточной. Я стал «помогать» следственной части выскивать преступления. Отсюда всяческие заострения и чудовищные преувеличения.

Умоляю Вас вызвать меня к себе и я дам исчерпывающие объяснения.

Один протокол вновь назначенного следователя может снять образовавшуюся накипь в деле и я буду нести кару за то, что я действительно совершал, а не за то, что является плодом больной фантазии.

Вс.Мейерхольд-Райх

З/ХІІ 37*

* Так в документе.

Документ № 28

13 декабря 1939 г.

Прокурору Союза ССР
арестованного (20 июня 1939 г.) Мейерхольда-
Райха, Всеволода Эмильевича
(год рождения 1874, немец)

ЖАЛОБА И ЗАЯВЛЕНИЕ

16 ноября 1939 г. дело моё (№ 537) следственной частью ГУГБ НКВД СССР закончено (но до сих пор я, однако, не зачислен ещё за другим соответствующим органом). Я безоговорочно подписал последний лист дела так же, как безоговорочно подписывал ряд протоколов, делая это против моей совести.

Показания мои ложны. Я оговаривал себя (клеветал на себя), я клеветал на других. От этих вынужденно (я находился под давлением) ложных показаний Я ОТКАЗЫВАЮСЬ.

Эти вынужденно-ложные показания явились следствием того, что ко мне, 65-летнему старику (и нервному, и больному), на протяжении всего следствия, применялись такие меры ФИЗИЧЕСКОГО и МОРАЛЬНОГО воздействия, каких я не мог выдержать, и я стал наводнять свои ответы на вопросы следователя чудовищными вымыслами. Я лгал, следовательно записывал, вымыслы эти ещё и заострял, иные ответы за меня диктовал стенографистке сам следователь, и я всё это подписывал. И даже тогда, когда физические меры воздействия прекращались и оставались лишь моральные меры воздействия («психическая атака»), я не решался следственной части сделать то заявление о снятии своих подписей под протоколами, какое я делаю сейчас вот Вам, гражданин Прокурор Союза, потому что надо мной всё время висела угроза возможного повторения вышеуказанных мер воздействия («будешь лгать, будем бить

в три раза сильнее»). Мне предъявлены обвинения по ст. 58 У.К., по пунктам I-а и II.

Я никогда не был изменником родины, я никогда не участвовал ни в каких заговорческих организациях против советской власти, я не входил никогда ни в право-троцкистскую организацию, ни в какую иную троцкистского толка. И кто посмеет клеветать на меня, что я был шпионом хоть одного из иностранных государств? Но следователи вынуждали меня репрессивными мерами в этих преступлениях «сознаваться» и я лгал на себя.

Прошу вызвать меня к себе и я дам развёрнутые объяснения, и назову имена следователей, меня к вымыслам вынуждавших. Или дайте мне возможность изложить на бумаге все ответы на все вопросы, мне заданные, и снять всю накипь силой вырванной фантазии и передать изложенное соответствующему прокурору.

Вс. Мейерхольд-Райх

Бутырская тюрьма.

13. XII-1939.

Документ № 29

2 января 1940 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР
Вячеславу Михайловичу Молотову
заклѹченного Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича
(год рожд. 1874; б. чл. ВКП(б) с 1918 г; национ. немец)

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Чем люди оказываются во время испуга, то они действительно и есть, — испуг — это промежуток между навыками человека, и в этом промежутке можно видеть натуру, какую она есть» (Лесков).

Когда следователи в отношении меня, подследственного, пустили в ход физические методы* своих на меня воздействий и к ним присоединили еще так называемую «психическую атаку»*, то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что НАТУРА моя обнажилась до самых корней своих:

Нервные ткани мои оказались расположенными совсем близко к телесному покрову, а кожа оказалась нежной и чувствительной, как у ребёнка; глаза оказались способными (при нестерпимой для меня боли физической и боли моральной) лить слёзы потоками. Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться и корчиться, и визжать как собака, которую плетью бьёт её хозяин. Конвоир, который вёл меня однажды с такого допроса, спросил меня «у тебя малярия?», такую тело моё обнаружило способность к нервной дрожи. Когда я лёг на койку и заснул с тем, чтобы через час опять идти на допрос, который длился перед этим 18 часов, я проснулся, разбуженный своим стоном и тем, что меня под-

* Мейерхольд отметил звёздочками места, примечание к которым даёт в конце Документа № 30. См. его текст на с. 150.

брасывало на койке так, как это бывает с больными, погибающими от горячки.

Испуг вызывает страх, а страх вынуждает к самозащите.

«Смерть (о, конечно!), смерть легче этого!» — говорит себе подследственный. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот. Так и случилось: на последнем листе законченного следствием «дела» за № 537 проступили страшные цифры параграфов Уголовного Кодекса: 58. пункты Ia и II.

Вячеслав Михайлович! Вы знаете мои недостатки (помните сказанное Вами однажды: «всё оригинальничаете!?»), а человек, который знает недостатки другого человека, знает его лучше того, кто лбуется его достоинствами. Скажите: можете Вы поверить тому, что я изменник родины (враг народа), что я — шпион, что я член право-троцкистской организации, что я контр-революционер, что я в искусстве своём проводил троцкизм, что я на театре проводил (сознательно) вражескую работу, чтобы подрывать основы советского искусства?

Всё это налицо в деле № 537. Там же слово «формалист» (в области искусства) стало синонимом «троцкист». В деле № 537 троцкистами явлены: я, И. Эренбург, Б. Пастернак, Ю. Олеша (он еще и террорист), Шостакович, Шебалин, Охлопков и т.п.

Будучи арестованным в июне, я только в декабре 1939 г. пришёл в некоторое относительное равновесие. Я написал о происходившем на допросах Л.П. Берия и Прокурору Союза, сообщив в своей жалобе и своём заявлении, что я отказываюсь от своих ранее данных на допросах показаний. Недостаток места не позволяет мне изложить все бредни моих показаний, но вот пример: Ю.К. Балтрушайтис, с которым, как с русским поэтом, считающим СССР своей родиной больше, чем Литву, я дружен с 1898 года, именуется в деле № 537 английским шпионом, а я якобы доставлял ему материалы, как им завербованный шпион.

In articulo mortis вот моя исповедь, краткая, как полагается за секунду до смерти: я никогда не был шпионом. Я никогда не входил ни в одну из троцкистских организаций (я вместе с партией проклинал иуду Троцкого!), я никогда

не занимался контрреволюционной деятельностью, говорить о троцкизме в искусстве просто смешно. Отъявленный пройдоха из породы политических авантюристов, человек, как Троцкий, способный лишь на подлые диверсии и убийства из-за угла, не имеющий никакой политической программы, кретин не может дать программы художникам. Окончу моё заявление через декаду, когда снова дадут такой листок.

Вс. Мейерхольд-Райх.

Документ № 30

13 января 1940 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР
Вячеславу Михайловичу Молотову
Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича
(год рожд. 1874, немец, б. чл. ВКП(б) с 1918 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ

(от ГЗ-Г-1940, продолжение заявления от 2-Г-1940;
Бутырская тюрьма)

№ 2 заявления

Тому, что я не выдержал*, потеряв всякую власть над собой, находясь в состоянии затуманенного, притуплённого сознания, способствовало ещё одно страшное обстоятельство: сразу же после ареста (20-VI-39) меня ввергла в величайшую депрессию власть надо мной навязчивой идеи «значит, так надо!» Правительству показалось, — стал я себя убеждать, — что за те мои грехи, о которых было сказано с трибуны I-ой сессии Верховного Совета, недостаточна для меня назначенная мне кара (закрытие театра, разгон коллектива, отнятие строившегося по моему плану нового театрального здания на пл. Маяковского) и я должен претерпеть ещё одну кару, ту, которая сейчас вот на меня наложена органами НКВД. «Значит, так надо!» — твердил я себе и «я» моё раскололось на два лица. Первое стало искать «преступления» второго, а когда оно их не находило, оно стало их выдумывать. Следовательно явился хорошим, опытным помощником в этом деле и мы стали сочинять вместе, в тесном союзе. Когда моя фантазия истощалась, следователи спаривались (Воронин + Родос, Воронин + Шварцман) и препарировали протоколы (некоторые переписывались по 3 и 4 раза). Когда я

от голода (я ничего не мог есть), от бессонниц (в течение трех месяцев) и от сердечных припадков по ночам и от истерических припадков (лил потоки слёз, дрожал, как дрожат при горячке) поник, осевши, осунувшись, лет на 10 постарев, это испугало следователей. Меня стали усердно лечить (тогда я был во «Внутренней тюрьме», там хорошая медицинская часть) и усиленно питать. Но это помогало только внешне-физическому, а нервы были в том же состоянии, а сознание было по-прежнему притуплено, затуманено, ибо надомной повис дамоклов меч: следователь всё время твердил, угрожая: «не будешь писать (то есть – сочинять, значит!?) будем бить опять, оставим не тронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного искромсанного тела». И я всё подписывал до 16 ноября 1939 г. Я отказываюсь от своих показаний, так выбитых из меня, и умоляю Вас, Главу Правительства, спасите меня, верните мне свободу. Я люблю мою родину и отдам ей все мои силы последних годов моей жизни.

Вс. Мейерхолд-Райх

* НВ. Сноска эта для обеих сносок заявления № I от 2-I-1940. Меня здесь били – больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой), по местам от колен до верхних частей ног. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-желтым кровоподтёкам снова били этим жгутом и боль была такая, что казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, руками меня били по лицу размахами с высоты.

ШЕСТОЙ РАЗДЕЛ

24 января – 2 февраля 1940 г.

Документы № 31–35

Документ № 31

24 января 1940 г.

Прокурору Союза ССР
заключённого (Бутырская тюрьма)
Мейерхольда-Райха, Всеволода Эмильевича (год рожд. 1874,
национ.: немец, б. чл. ВКП(б) с 1918 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ

(от 24 января 1940 г.)

9-го ноября 1939 г. я был вызван на допрос. В кабинете, куда я был приведён, присутствовали: 1) военный прокурор, 2) начальник той группы, в которую входит следователь, заменивший (в сентябре 1939) следователя, ведшего мое дело со дня моего ареста (след. Воронин) и 3) заменивший след[оват]еля Воронина следователь Шибков.

Вследствие тех физических методов воздействия на меня со стороны следователей Воронина, Родоса и Серикова (я писал Вам об этом в моём первом к Вам обращении) и тех угроз, которые, как дамочлов меч, висели надо мной и тогда, когда я поступил в распоряжение след. Шибкова, не оказывавшего на меня давлений в течение сентября и октября и лишь стеснившего меня (при первом (4 ноября 1939) и втором окончательном (16 ноября 1939) подписывании мною последней страницы моего дела) и вследствие направленной на меня «психической атаки» тремя вышеназванными следователями, выраженной, главным образом, постоянными угрозами снова «взять меня в переплёт», — на допросе 9-го ноября 1939 я опять потерял власть над собой, моё сознание опять было затуманенным, меня охватывала истерическая дрожь и я проливал потоки слёз.

Нельзя было мне, находившемуся в таком состоянии, давать на подпись протокола, 9-го ноября составленного.

Я сделал прокурору заявление, что в период, когда я находился в распоряжении сл-ля Воронина, я делал показания под давлением, это во-первых, во-вторых, что мне не было дано сл-лем Шибковым достаточно времени для ознакомления с делом в день окончательного подписания дела (4 ноября 1939) и что, в-третьих, я хотел бы при вторичном просмотре дела сделать ряд исправлений и дополнений.

Прокурор дал сл-лю Шибкову указание, чтобы мне дано было ещё раз дело для ознакомления с ним и чтобы мне дана была возможность внести исправления и дополнения.

16 ноября я был вызван сл-лем Шибковым. Однако количество времени мне было им отпущено ещё меньше, чем 4 ноября, а в отношении тем, которых я хотел коснуться, приступить к писанию исправлений и дополнений, сл. Шибков меня очень сильно ограничил.

23 ноября 1939 я отправил на имя прокурора, присутствовавшего на допросе 9 ноября, заявление, в котором сообщил о том, что его указание сл-лю Шибкову выполнено им не в той мере, как то требовалось в интересах подследственного. И, кроме того, я просил в этом заявлении прокурора дать мне возможность говорить с ним с глазу на глаз, так как я считал необходимым сделать ему заявление о том, что я отказываюсь от всех показаний моих, сделанных под давлением в период допросов меня со стороны Воронина и Родоса, и отказываюсь также от тех ответов, которые я дал на вопросы, предложенные мне 9 ноября 1939. Эти ответы человека, находившегося 9 ноября 1939 в состоянии крайне истерическом, повторяли вымыслы (самооговоры) прежних показаний моих.

Однако прокурор, присутствовавший на допросе 9 ноября 1939, до сих пор не вызывает меня.

Это заставляет меня беспокоить Вас просьбой сделать зависящее от Вас распоряжение о доведении до прокурора, присутствовавшего на допросе 9 ноября 1939, следующих моих заявлений: 1) в право-троцкистской организ. (как и в других троцкистских органах) участия не принимал; 2) контр-рев. деятельность не занимался; 3) в шпионы никем не был завербован и шпионскую работу никогда не вёл; 4) троцкист-

ские тенденции в «Выстреле» А. Безыменского и 5) «Командарме 2» Сельвинского я вытравлял, к огорчению авторов.

Вс. Мейерхольд-Райх 24.І.40

К сожалению, я не знал фамилии прокурора и адресовал моё заявление так: «В Прокуратуру СССР, прокурору, наблюдающему за следствием». А может быть, это был тот прокурор, который будет докладывать моё дело в суде? Дошло ли до него моё заявление из-за неверной номенклатуры?! Не знаю.

Документ № 32

31 января 1940 г.

Расписка

31 января 1940 г.

Мною, нижеподписавшимся, Мейерхольдом-Райх Всеволодом Эмильевичем, получена копия обвинительного заключения по моему делу о предании меня суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Подсудимый

[подпись]

Вручил секретарь Военной Коллегии Верховного Суда СССР
Военный юрист 2 ранга

[подпись]

Документ № 33

1 февраля 1940 г.

Совершенно секретно
отп. I экз.

Протокол

Закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного
Суда СССР

I февраля 1940 г.

гор. Москва

Председательствующий — Армвоенюрист В.В. УЛЬРИХ

Члены: Бригвоенюрист Д.Я. КАНДЫБИН

Военный юрист I ранга В.В. БУКАНОВ

Секретарь — военный юрист 2 ранга Н.В. КОЗЛОВ

Председательствующий объявил о том, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Мейерхольд-Райх Всеволода Эмильевича — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-I-a, 58 — II УК РСФСР.

Председательствующий удостоверяется в личности подсудимого и спрашивает его, получил ли он копию обвинительного заключения и ознакомился ли с ней.

Подсудимый ответил, что копия обвинительного заключения им получена и он с ней ознакомился. Обвинение ему понятно.

Председательствующим объявлен состав суда.

Отвода состава суда не заявлено.

Ходатайств не поступило.

Председательствующий спросил подсудимого, признаёт ли он себя виновным.

Подсудимый ответил, что виновным себя не признаёт и свои показания на предварительном следствии не подтверждает.

В 1923 г. он знал Рафаила, который примыкал к троцкистам. С Рафаилом он встречался в 1923—1924 гг. Рафаил в то время был зав. народ. образованием и в его ведении находи-

лось тогда несколько театров, в том числе и театр Революции и по этой линии он с ним встречался.

Рафаил и Дробнис в то время его отговаривали руководить театром, который имел его имя, и передать его под руководство Охлопкова. Он отказался от этого, обидев их.

Ольгу Давыдовну Каменеву он знал с начала артистической деятельности. Троцкий его в своей книге называл «неистовый Всеволод», и это ему сначала льстило, но потом, когда Троцкий скатился до к/р, он отрёкся от этого.

Грей он знал по его жене БАРСОВОЙ, как его ученице. Это Барсова однофамилица нашей артистки ГАБТа Барсовой и в родстве они не состоят. Он с Грей несколько раз встречался, тот являлся английским подданным, а в СССР он приезжал как представитель какой-то американской торговой фирмы. Это было в 1934—1935 г.

Будучи за границей, с Грей он не встречался, но с его женой он встречался в Париже и, будучи в затруднительном положении, он просил разрешение пожить у неё некоторое время. Это было в 1930 г. С Анной Грей он имел только разговоры об искусстве. После приезда Грей в Москву в 1934 г. — 1935 г., он в 1936 г. встретился за границей с А.Грей.

По приезде Грей в Москву тот просил познакомить его с быв. зам. НКФ МАНЦЕВЫМ, и он написал письмо Манцеву, а встретились ли они или нет, он не знает.

Относительно встречи Грея с Рыковым — было так, что когда Грей был у него на квартире, к нему зашли Милютина, Размирович и Рыкова, и он тогда пытался устроить встречу с Рыковым. Почему Грей хотел встретиться с Манцевым и Рыковым, он тогда, благодаря своей политической слепоты, не поинтересовался. Он не знает, имел ли встречу Грей с Рыковым.

Также Грей просил оказать содействие в отсрочке визы на выезд, и он тогда написал письмо в Адм. Отд. Моссовета.

Был случай и такой, когда к нему на квартиру приехал Балтрушайтис с женой английского посла в СССР, в то время, когда у него на квартире находился Грей.

Он для Грея делал всё благодаря тому, что он знал как свою бывшую ученицу жену Грей — Барсову.

Балтрушайтиса он знал очень хорошо и дружил с ним с 1898 г. Грей он оставил в момент приезда к нему Балтрушайтиса для того, чтобы он служил переводчиком между ним и женой английского посла.

Ему кажется, что Грей в то время встретился с Рыковым, но Милутин это отрицает и, возможно, что он действительно путает.

Встречу и эпизод о японце Секи-Сано он выдумал, и это ложь.

Секи-Сано как личность действительно была, но тот у него был в качестве стажёра. Оплата за труд Секи-Сано производилась театром из средств, «подброшенных» для этой цели, по просьбе МОРТ Наркомпросом.

Никаких а/с разговоров с Секи-Сано у него не было и никакого письма в Париж он не передавал и в этой части он выдумал.

С Балтрушайтисом он встречался после 1928 года, т.е. после того, как тот посетил его премьеру в театре.

Оглашаются выдержки из показаний подсудимого о разговоре Пискатора о МОрте и шпионской деятельности Секи-Сано.

Подсудимый ответил, что это выдумка. Секи-Сано уехал из Москвы в 1937 г., когда он распустил свою научно-исследовательскую лабораторию. Партийная организация против Секи-Сано возражала, говоря, что они подозревают его в шпионаже.

Японца Иоида-Иошимаса он не знал, а почему здесь связана его якобы троцкистская деятельность, он не знает.

Грей после 1935 г. он больше не встречал.

С Балтрушайтис он никогда не делился политическими мнениями, а их разговоры всегда имели место только о театральном искусстве.

С Бухариным он имел один раз встречу, когда тот зашёл к нему со свидания с физиологом Павловым. Второй раз он встретил Бухарина после его разговора с Пикель.

С Мальро он встречался как с писателем. Их было два брата, кто из них интересовался авиацией, он не знает. Анри Мальро был писателем.

Он никогда не пытался ставить постановку в честь «300-летия дома Романовых». Эту постановку организовали Лаврентьев и Инокентьев, и это легко можно проверить.

Он сам по национальности немец, а его большинство считали евреем.

Следствие по его делу протекало очень трудно. Его вымыслы в ходе следствия объясняются тем, что его били.

Судебное следствие объявлено законченным и подсудимому предоставлено последнее слово, в котором он заявил, что «странно то, что человеку 66 лет, он показывал не то, что нужно было следствию, и он врал на себя благодаря лишь тому, что его избивали всего резиновой палкой. Он решил тогда врать и пойти на костёр. Он ни в чём не виновен, никогда не был изменником родине. У него дочь коммунистка, которую он сам воспитал. Он думает, что суд поймёт его и почувствует, что он не виновен. Он ошибался в области искусства, и он лишился на этом поприще общественного коллектива».

Просит суд учесть, что ему хотя 66 лет, но он имеет достаточно энергии и может заглядеть те проступки, в которых он ошибался и допускал погрешности.

Он последнее время написал письма Лаврентию Павловичу, Вячеславу Михайловичу и прокурору. Он верил в «правду», а не в бога, и верил потому, что правда победит.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания Председательствующий огласил приговор.

Председательствующий
Ульрих

Секретарь
Козлов

Документ № 34

1 февраля 1940 г.

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических республик!

выездная сессия

Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Армвоенюриста В.В. Ульриха

Членов Бригвоенюриста Д.Я. Кандыбина и

военного юриста I ранга В.В. Буканова.

При секретаре военном юристе 2 ранга Н.В. Козлове.

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве 1 февраля 1940 года, рассмотрела дело по обвинению Мейерхольд-Райх Всеволода Эмильевича, 1874 г. р., быв. главн. режиссёра Государствен. оперного театра им. Станиславского, - в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58- Ia, 58-II УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Мейерхольд, являясь троцкистом с 1923 года, входил в состав троцкистской группы Рафаила, которая проводила троцкистскую деятельность с 1923 года среди театральных работников; в последующие годы по троцкистской деятельности Мейерхольд был связан с активными троцкистами Дробнис, Богуславским, Сосновским и другими, а в 1930 году Мейерхольд возглавлял антисоветскую троцкистскую группу «Левый фронт», объединившую все антисоветские элементы в области искусства. В 1933 году Мейерхольд установил организационную связь по антисоветской деятельности с руководителями а/с право-троцкистской организации: Рыковым, Бухариным и Радеком, по заданию которых проводил подрывную деятельность в области театрального искусства. В период 1934-35 годов Мейерхольд установил организационную связь с агентами английской и японской разведок и по их заданиям до

1939 года проводил шпионскую деятельность; кроме этого Мейерхольд в 1935 году организовывал у себя на квартире конспиративные встречи врага народа Рыкова с агентом английской разведки.

Признавая, таким образом, доказанной виновность Мейерхольда в совершении им преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-I-a и 58 - II УК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР

приговорила:

Мейерхольд-Райха Всеволода Эмильевича подвергнуть высшей мере уголовного наказания расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий
Ульрих

Члены
[подписи]

Документ № 35
2 февраля 1940 г.

Секретно Д. 75157

Справка

Приговор о расстреле Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича приведён в исполнение в г. Москве 2/II-1940 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом Архиве I спецотдела НКВД СССР том I9, лист I5I.

Нач. I2 отд. I спецотдела НКВД СССР
Лейтенант Госбезопасности
Кривицкий

Справка [номера не имеет]

Приговор о расстреле Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича приведён в исполнение 2 февраля 1940 г.

Пом. нач. I отдел. НКВД СССР
ст. лейтенант Калинин



*Донское кладбище.
Общая могила, в которой погребён прах В.Э. Мейерхольда*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 36

10 января 1955 г.

Г.С. Есенина — Г.М. Маленкову*

10 января 1955

10 января 1955 г.

д. 20296

Уважаемый Георгий Максимилианович

Вот уже 15 лет, как из истории советского театра прочно вычеркнут очень известный в своё время режиссёр Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Если о нём изредка встречаются упоминания в печати, то только как о прожжённом формалисте, нанёшем большой ущерб искусству. Он вычеркнут даже из истории дореволюционного театра. Когда, например, пишут о постановке чеховской «Чайки» в МХАТе, старательно обходят вопрос о том, кто исполнил в ней главную роль. В известной фотографии, где изображен Чехов, читающий «Чайку» артистам МХАТа, которую можно встретить в музеях и во многих книгах, на месте Мейерхольда появился кто-то другой...

Стало быть, вопрос о Мейерхольде решён?

Беру на себя смелость сказать, что многие, знавшие и любившие его творчество, считают, что вопрос этот остался открытым и будет решён тогда, когда общественность узнает, был ли действительно Мейерхольд изменником Родины, как его в этом обвинили, или он являлся одним из жертв Берия и его приспешников.

Мой отчим В.Э. Мейерхольд был арестован 20 июня 1939 года. В первых числах февраля 1940 года (перед этим он на неделю был переведён из Бутырской в Лефортовскую тюрьму) он был приговорён Военным трибуналом к 10 годам лишения свободы по статье 58 пункты Ia и II. Когда срок

* Г.М. Маленков после смерти Сталина занимал пост председателя Совета министров СССР.

наказания истёк, мне сообщили на мой запрос, что Мейерхольд умер 17 марта 1942 года в исправительно-трудовых лагерях.

Я прошу Вашего содействия в пересмотре дела Мейерхольда, и, если будет установлено, что он был не виновен в предъявленных ему обвинениях, — в посмертной реабилитации его.

Есть ещё одно обстоятельство, бросающее тень на Мейерхольда, — закрытие театра его имени постановлением правительства, опубликованном в печати в начале января 1938 года. Считаю необходимым напомнить о некоторых обстоятельствах, связанных с этим событием. В то время во главе Комитета по делам искусств стоял П.М. Керженцев. Примерно за год до закрытия театра у него и произошла размолвка с Мейерхольдом. Всё, что произошло впоследствии, сам Мейерхольд расценивал как месть Керженцева. Может быть, это наивно, может быть, Керженцева водила чья-то недобрая рука?

Время покажет...

На театр начались гонения. Был запрещён показ зрителю двух пьес на современные темы — «Наташи» Л. Сейфуллиной и «Павла Корчагина» Н. Островского. В конце 1937 года в «Правде» появилась статья Керженцева «Театр, чуждый народу». Если бы Мейерхольду была дана свобода высказаться по поводу этой статьи, от неё не осталось бы живого места. В ней говорилось, например, что Мейерхольд похвалялся, будто он поставит пьесу врага народа Бруно Ясенского, ставил в 1927 году пьесу врага народа Третьякова «Рычи, Китай», что театр побил рекорд по количеству запрещённых пьес, что он не ставит пьес современных авторов, давалась уничтожающая оценка спектаклям «Наташа» и «Павел Корчагин». Между тем, Мейерхольд не знал Бруно Ясенского и не собирался ставить его пьесы. О том, что Третьяков враг народа, в 1927 году не знал не только Мейерхольд, но и органы, в обязанности которых входит устанавливать такие вещи. Запрещённых, не увидевших света спектаклей в МХАТе, скажем, было ещё больше, а спектакли «Наташа» и «Павел Корчагин» видели только подчинённые Керженцева и запретили их, видимо, для того, чтобы пополнить список запрещённых

ных пьес и обвинить Мейерхольда в нежелании работать над современным репертуаром.

Построенная на такого рода обвинениях статья обсуждалась в печати.

К обсуждению привлекали всех, кто имел с Мейерхольдом личные счёты. Одна заметка называлась «Почему я ушёл из театра имени Мейерхольда». Автор её был народный артист СССР Д.Н. Орлов*, никогда не работавший в этом театре, звонил Мейерхольду и приносил свои извинения – с ним не особенно советовались ни в отношении заголовка, ни в отношении содержания заметки.

Станиславский, Немирович-Данченко отказались принять участие в обсуждении статьи. После закрытия театра Станиславский предложил Мейерхольду стать главным режиссёром в театре его имени, где Мейерхольд и работал до ареста.

Закрытие театра явилось результатом кампании, поднятой Керженцевым.

Многие годы, чуть не десятилетия никто из тех, кто стоял во главе правительства, не посещал театра имени Мейерхольда, по той простой причине, что помещение, где театр находился все эти годы, было непригодным, в нём не было ни одной ложи. Помещение для театра всё это время строилось (ныне Зал им. Чайковского), строительство его тормозилось.

Конечно, нельзя отрицать, что театр в последние годы пережил своего рода кризис. Но это был кризис, так сказать, организационного, а не творческого характера. Как художник Мейерхольд твёрдо становился на путь реалистического искусства. Не случайно, тем, кто говорит о нём сейчас как о формалисте, приходится вспоминать постановки 24–25 гг. Бедой театра было то, что в нём был только один режиссёр, который работал медленно, был крайне взыскателен к себе и не мог ставить несколько пьес в год. Актёры подолгу не имели ролей, некоторые покидали театр.

* Дмитрий Николаевич Орлов (1892–1955) был народным артистом не СССР, а РСФСР, т.е. рангом ниже. Орлов не служил в Театре им. Мейерхольда, но он играл центральные роли в спектаклях, поставленных Мейерхольдом на других сценических площадках.

В своё время Мейерхольд был признан выдающимся деятелем театра. Его при жизни в десятках статей называли гениальным мастером. Поездка во Францию и Германию в 1930 году была триумфом театра. Театр был восторженно принят прогрессивными кругами, друзьями Советского Союза и злобным воем бело-гвардейцев. С 1917 г. Мейерхольд был членом ВКП(б)*.

«Один эпизод, поставленный Мейерхольдом, есть эпоха в истории театрального искусства», — писал Вахтангов.

«За постановку “Ревизора” Гоголь был бы так же благодарен, как Пушкин был бы благодарен Мусоргскому за “Бориса Годунова”», — писал Луначарский.

Можно вспомнить о многолетнем содружестве Мейерхольда с Маяковским, о том, что пьесы «Клоп» и «Баня» писались для театра имени Мейерхольда. О том, что ученики Мейерхольда были многие признанные деятели театра и кино. Назову хотя бы Эйзенштейна и Игоря Ильинского.

И был ли Мейерхольд формалистом в своих лучших спектаклях 20-х годов? Почему «Лес» и «Ревизор» так до закрытия театра и не сошли со сцены и выдержали несчётное количество представлений? Может быть, приёмы Мейерхольда, пусть новые и необычные, всё-таки соответствовали содержанию, по-новому раскрывали его. Почему, когда в печати шло обсуждение статьи Керженцева, многие дни, вплоть до закрытия, театр был полон, и бесконечными овациями зритель вызывал на сцену Мейерхольда, которому было запрещено там появляться? Много, много конкретного можно противопоставить бездоказательным обвинениям Мейерхольда в том, что с начала и до конца он был формалистом и только.

Вопрос о том, что из творческого наследия Мейерхольда должно быть одобрено, что может быть использовано на благо театрального искусства, может быть решён общественностью только после того, как Мейерхольд будет реабилитирован.

Кроме того, тревожит судьба архивов моего отца — один из них хранится в подвалах Бахрушинского музея, другой — в архивном управлении МВД.

* Мейерхольд был членом ВКП(б) с 1918 г.

Боюсь, что не будет проявлено бережного отношения к наследию формалиста, нанёсшему ущерб советскому искусству. Поэтому я и сочла своим долгом написать это письмо.

Т. Есенина.

Ташкент, улица Лахути, дом 32. Есенина Татьяна Сергеевна.

Если это письмо пойдёт по инстанциям, я прошу, чтобы оно не попадало в руки зам. министра культуры Охлопкова, имевшего крупные личные счёты с Мейерхольдом.

На первом листе письма пометы:

«Генеральному прокурору СССР тов. Руденко Р.А.
Д. Суханов. I4/I I955 г.»,
«тов. Терехову. Прошу проверить? I8/I-55 г. Руденко»,
«Получено I5/I-55».

Документ № 37

25 июля 1955 г.

Постановление
(о принятии дела к производству)
гор. Москва 25 июля 1955 г.

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры ст. лейтенант юстиции Рязский, ознакомившись с материалами дела по обвинению быв. главного режиссёра театра им. Станиславского Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича, руководствуясь ст. 110 УПК РСФСР

Постановил:

1. Дело принять к своему производству и приступить к расследованию.
2. Приобщить материалы, характеризующие общественно-политическую деятельность Мейерхольда за период 1917-37 годы.

Военный прокурор отдела ГВП
ст. лейтенант юстиции
Б. Рязский

Документ № 38

18 октября 1955 г.

Записка П.В.Баранова в ЦК КПСС о реабилитации
В.Э.Мейерхольда

18 октября 1955 г.
ЦК КПСС

Прокуратурой СССР проверено дело бывшего главного режиссёра театра им. Станиславского народного артиста СССР* Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича.

Мейерхольд-Райх Всеволод Эмильевич, 1874 года рождения, уроженец города Пенза, немец, быв. член КПСС с 1918 года, арестован 26 [20] июня 1939 года НКВД СССР и 1-го февраля 1940 года осуждён Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и троцкистской деятельности.

По показаниям Мейерхольда, данным им в начальный период следствия, он с 1923 года был связан с троцкистами Рафаилом, Дробнисом, Богуславским, Сосновским, и по их заданию, а впоследствии по установкам Рыкова, Бухарина и Радека, проводил вражескую работу по линии искусства.

Далее Мейерхольд показывал, что в 1936–1937 годах он был завербован в троцкистскую организацию писателем И. Эренбургом и установил шпионские связи с английскими разведчиками Балтрушайтис[ом] и Греем, и японским разведчиком Сано-Секи.

* Когда в 1936 г. было введено звание народного артиста СССР и оно было присвоено нескольким выдающимся театральным деятелям, Мейерхольда в их числе не оказалось – он оставался в звании, присвоенном ему в 1923 г., – народным артистом Республики.

В этих же показаниях в числе участников антисоветской троцкистской организации Мейерхольд назвал ряд советских писателей и деятелей искусства: Федина, Фадеева, Гладкова, Шостаковича, Шебалина и др.

Впоследствии Мейерхольд от этих показаний отказался и заявил, что он был вынужден оговорить себя в результате избиений.

В своём заявлении от 13 января 1940 года Мейерхольд писал:

«Меня ... клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам, по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим кровоподтёкам снова били этим жгутом ... Следователь всё время твердил, угрожая: "Не будешь писать, будем бить опять, оставим не тронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного тела". И я всё подписывал до 16 ноября 1939 года».

Следствием по делу Мейерхольда руководили осуждённые как враги народа Кобулов и Шварцман, а также Родос, арестованный в настоящее время Прокуратурой СССР за фальсификацию следственных дел.

Отрицая наличие у него антисоветских настроений и преступных связей с Рафаилом, Дробнисом, Рыковым, Бухариным, Радеком и другими, Мейерхольд в суде объяснил, что встречался с этими лицами лишь по долгу службы и очень редко в бытовой обстановке.

Эти объяснения Мейерхольда в ходе проверки подтвердились.

Изучением дел на Бухарина, Рыкова, Радека, Дробниса, Богуславского и Сосновского установлено, что Мейерхольд по их показаниям не проходит.

Названные Мейерхольдом, как участники троцкистской организации, деятели советской культуры к ответственности не привлекались.

Проверкой по Главному архивному управлению МВД СССР данных о принадлежности к иностранным разведкам Мейерхольда,

а также названных им как шпионов Балтрушайтиса и Сано-Секи не обнаружено.

По тем же архивным материалам проходит некий Грей Ф., подозреваемый в принадлежности к английской агентуре, однако, данных о том, что эти подозрения относятся к Грен, знакомому Мейерхольда, не имеется.

К делу Мейерхольда были приобщены показания Иошидо Йошимацы, Кольцова-Фридлянд, Бабеля, Боярского и Королёвой Н.И.

Проверкой этих материалов установлено, что они не могут являться доказательством виновности Мейерхольда в совершении контрреволюционных преступлений.

Ещё до ареста Мейерхольда, Йошида от своих показаний отказался и заявил, что в ранее данных показаниях оговорил себя и других лиц, в том числе и Мейерхольда.

Кольцов-Фридлянд, Бабель и Боярский, показавшие о том, что Мейерхольд является троцкистом и был связан с иностранной агентурой, в суде виновными себя не признали и от показаний, данных на следствии, также отказались. Военной Коллегией Верховного Суда СССР дела Кольцова-Фридлянд и Бабеля производством прекращены и они реабилитированы.

Что же касается показаний Королёвой Н.И., то в них данных о совершении Мейерхольдом контрреволюционных преступлений не имеется.

В процессе проверки дела Мейерхольда были разысканы отзывы о Мейерхольде Маяковского, Станиславского, Вахтангова, Горького, А. Барбюса, которыми он характеризовался как большой мастер советского искусства, воспитавший значительную группу выдающихся деятелей театра и кино. Подобные же отзывы о нём в ходе проверки дали многие известные советские писатели, драматурги, артисты и искусствоведы.

Из этих же материалов видно, что в своей творческой деятельности Мейерхольд допускал серьёзные ошибки, однако, ещё до ареста Мейерхольда, его ошибки обсуждались партийными и общественными организациями, и были приняты необходимые решения.

Таким образом, проверкой установлено, что выдвигавшиеся против Мейерхольда обвинения в шпионаже и троцкистской деятельности являются необоснованными.

Учитывая изложенное, Прокуратура Союза ССР считает возможным внести протест в Верховный Суд СССР на предмет отмены приговора Военной Коллегии в отношении Мейерхольда-Райха В.Э. и его посмертной реабилитации.

Прошу указаний.

И.о. Генерального прокурора Союза ССР
П. Баранов

РГАЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 331. Л. 95-97. Копия. Машинопись.

Документ № 39

30 ноября 1955 г.

Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда Союза ССР
30 ноября 1955 г.
№ 4н-023973/55
Москва, ул. Воровского, д.13.

СПРАВКА

Дело по обвинению Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 26 ноября 1955 года.

Приговор Военной Коллегии от 1-го февраля 1940 года в отношении Мейерхольда-Райха В.Э. по вновь открывшимся обстоятельствам отменён, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Зам. председателя Военной Коллегией
Верховного Суда Союза ССР
полковник юстиции
В. Борисоглебский

М 45

«Дело № 537»

Мейерхольдовский сборник. Выпуск четвёртый.

Вступительная статья О.М.Фельдмана.

Составление и подготовка текстов Н.Н.Панфиловой и О.М.Фельдмана.

Москва: Издательство «Артист, Режиссёр. Театр», 2022. – 176 с.

ISBN 978-5-87334-143-6



Редакторы — *З.П. Удальцова* и *В.А. Щербаков*,
корректор — *Т.В. Смирнова*, вёрстка — *И.Т. Картвелишвили*

Издательство «Артист. Режиссёр. Театр»
107031, Москва, Страстной бульвар, 10
artbook@internet.ru

Подписано в печать 21 декабря 2021 года
Формат 70x100/16
Бумага офсетная
Тираж 400 экз

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н



НАСЛЕДИЕ В.Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

ЧЕТВЁРТЫЙ МЕЙЕРХОЛЬДОВСКИЙ СБОРНИК

ISBN 978-5-87334-143-6



9 785873 341436